

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 77
№ 11 2024

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Право на судебную защиту
в контексте проблемы
высокой судебной нагрузки
в современной России: от
романтизма к прагматизму

Использование технологии
«дипфейк» в Китае: проблемы
правового регулирования
и пути их решения

Объекты государственной
правозащитной деятельности

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства.

Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 77
№ 11 (216)
ноябрь 2024

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ISSN

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 13.11.2024
Объем 18,36 усл. печ. л. (14,70 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, С. И. Ершова

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 11 (216)
November 2024

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

13.11.2024
Volume: 18,36 conventional printer's sheets (14,70 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / NOVUS LEX

- Момотов В. В.** Право на судебную защиту в контексте проблемы
высокой судебной нагрузки в современной России: от романтизма к прагматизму 9

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Яо Ли.** Использование технологии «дипфейк» в Китае:
проблемы правового регулирования и пути их решения 21
- Калятин В. О., Амангельды А. А.** Проблемы унификации евразийского
законодательства о промышленной собственности 32
- Шестерякова И. В.** Правовое регулирование трудовых отношений инвалидов в странах БРИКС 50
- Шахназаров Б. А.** Гринвошинг, гринвишинг и гринхаинг в контексте
недобросовестной конкуренции, охраны интеллектуальной собственности и прав потребителей 63
- Богданов Д. Е.** Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra 74

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Рыбакова О. С.** Конституционные основы российской государственной
политики в сфере защиты семьи и традиционных семейных ценностей 92
- Чечельницкий И. В.** Объекты государственной правозащитной деятельности 111

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Маслов В. А.** Освобождение осужденных от наказания
в виде лишения свободы для их участия в военных действиях 123

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

- Корнев А. В.** Инновационная природа права. К постановке проблемы 135

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

- Никишин В. Д.** Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета:
вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 1) 145

CONTENTS

CHANGES TO LEGISLATION / NOVUS LEX

- Momotov V. V.** The Right to Judicial Protection in the Context
of Increasing Judicial Caseload in Modern Russia: From Romanticism to Pragmatism 9

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Yao Li.** The Use of Deepfake Technology in China: Problems of Legal Regulation and Ways to Solve Them 21
- Kalyatin V. O., Amangeldy A. A.** Problems of Unification of Eurasian Legislation on Industrial Property 32
- Shesteryakova I. V.** Legal Regulation of Employment Relations
of the Disabled Workers in the BRICS Countries 50
- Shakhnazarov B. A.** Greenwashing, Greenwashing and Greenhushing
in the context of Unfair Competition, Intellectual Property Protection and Consumer Rights 63

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Bogdanov D. E.** Contract and Tort Choice of Cause of Action
by Persons from the Standpoint of Justice: Pro et Contra 74

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Rybakova O. S.** The Constitutional Foundations of the Russian
State Policy in the Field of Family Protection and Traditional Family Values 92
- Chechelnitsky I. V.** Objects of State Human Rights Practices 111

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

- Maslov V. A.** The Release of Convicts from Imprisonment for their Participation in Military Actions 123

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Kornev A. V.** The Innovative Nature of Law. Problem Statement 135

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Nikishin V. D.** Legal Support of Media Security and Cognitive Sovereignty:
Challenges of Social Engineering, Hybrid Wars and Web 3.0 Mechanisms (Part 1) 145

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.009-020

В. В. Момотов

Верховный Суд Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Право на судебную защиту в контексте проблемы высокой судебной нагрузки в современной России: от романтизма к прагматизму

Резюме. В статье дается характеристика права на судебную защиту с точки зрения российского законодательства и предлагаются способы снижения нагрузки на судебную систему. Отмечается, что право на судебную защиту носит фундаментальный характер и налагает на государство особые обязательства, однако в условиях высокой судебной нагрузки встает вопрос об уточнении его пределов для предотвращения недобросовестного поведения в процессе, злоупотребления правом. Выражается мнение, что право на судебную защиту должно использоваться в тех случаях, когда существуют реальные противоречия между субъектами правоотношений и разрешить конфликт иным образом невозможно (в то время как в России во многих делах отсутствует реальный спор о праве). Автор обосновывает точку зрения, что следует не напрямую ограничить право на судебную защиту, а лишь ввести определенные условия его реализации. С учетом этого анализируются оптимальные правовые средства воздействия на недобросовестных участников процесса, которые злоупотребляют своими правами: необходимость возмещения судебных расходов, обязательные досудебные процедуры, пороговая сумма для предъявления иска в суд государственными органами.

Ключевые слова: право на судебную защиту; пределы конституционных прав; злоупотребление процессуальными правами; судебная нагрузка; судебные расходы; государственная пошлина; внесудебное разрешение споров

Для цитирования: Момотов В. В. Право на судебную защиту в контексте проблемы высокой судебной нагрузки в современной России: от романтизма к прагматизму. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.009-020

The Right to Judicial Protection in the Context of Increasing Judicial Caseload in Modern Russia: From Romanticism to Pragmatism

Viktor V. Momotov

Supreme Court of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper describes the right to judicial protection in the context of Russian legislation and proposes ways to reduce the burden on the judicial system. It is noted that the right to judicial protection is fundamental and imposes special obligations on the State. However, in conditions when the caseload is increasing, the question arises of clarifying its limits to prevent unfair behavior in the process and abuse of the right. The author opines that the right to judicial protection should be used in cases where there are real contradictions between the

© Момотов В. В., 2024

subjects of legal relations and it is otherwise impossible to resolve the conflict (while in Russia in many cases there is no real dispute about the law). The author justifies the point of view that the right to judicial protection should not be directly limited, but only certain conditions for its implementation should be introduced. Taking this into account, the author analyzes the most effective legal means of influencing unscrupulous participants who abuse their rights, namely: the need to recover court expenses, mandatory pre-trial procedures, the threshold amount for filing a claim with the court by state bodies.

Keywords: right to judicial protection; limits of constitutional rights; abuse of procedural rights; judicial caseload; legal expenses; court fee; out-of-court dispute resolution

Cite as: Momotov VV. The Right to Judicial Protection in the Context of Increasing Judicial Caseload in Modern Russia: From Romanticism to Pragmatism. *Lex russica*. 2024;77(11):9-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.009-020

В современной России важнейшим механизмом государственной защиты прав и свобод человека является право на судебную защиту, предусмотренное статьей 46 Конституции РФ. При этом, как отмечает Г. А. Жилин, понимание судебной защиты как универсального средства защиты прав и свобод в нашей стране стало складываться только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. «До этого, — пишет ученый, — значительная часть правовых споров законодательно была исключена из судебной подведомственности и разрешалась преимущественно в административном порядке»¹. В постсоветский период, как констатирует В. М. Жуйков, «суд превратился в один из многочисленных государственных органов, на который распространялся прокурорский надзор, в носителя государственной власти, действующего самостоятельно в системе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную»².

За прошедшие несколько десятилетий, которые существенно изменили представление о судопроизводстве, в российской доктрине и судебной практике уже сложилось твердое убеждение, что право на судебную защиту занимает особое место в системе конституционных ценностей. Данное право носит фундаментальный характер и налагает на государство особые

обязательства. Это связано с тем, что оно (как и другие процессуальные гарантии, предусмотренные статьями 46–54 Конституции РФ) по своей природе призвано обеспечивать возможность беспрепятственной реализации всех остальных конституционных прав. Если бы государство не предусматривало организационного механизма, который претворяет конституционные нормы в жизнь, они неизбежно имели бы лишь декларативный характер. Именно в силу этого часть 3 ст. 56 Конституции РФ относит право на судебную защиту к группе прав, которые «не подлежат ограничению»³.

Однако в последние годы ученые отмечают определенные изменения в понимании пределов (границ) права на судебную защиту. Так, В. В. Ярков констатирует, что период «судебного романтизма» в России постепенно проходит. «В этих условиях вполне резонна постановка вопроса о пределах судебной защиты: поскольку не все заявляемые требования физических и юридических лиц подлежат правовой и, соответственно, судебной защите, следует установить своеобразную систему “фильтров” на стадии возбуждения дела, для того чтобы не загружать суды лишними делами»⁴. Расширение использования судебной формы защиты прав привело к парадоксу: чем больше

¹ Жилин Г. А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 1.

² Жуйков В. М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 194.

³ О сложностях при толковании ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, анализ которых выходит за рамки предмета нашей статьи, см.: Троицкая А. А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 45–69; Блохин П. Д. Структура основных прав и их правомерное ограничение: российская конституционная модель // Закон. 2022. № 12. С. 14–33; Шустров Д. Г. Прирученный Левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб.: Алф Пресс, 2014. С. 295–297.

⁴ Ярков В. В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

доступ к суду для всех, тем меньше он для каждого⁵. «Всеобъемлющий доступ к правосудию и эффективность, — указывает в связи с этим В. О. Аболонин, — оказываются несовместимыми элементами. Чем шире открываются двери в суд и чем больше дел туда поступает, тем меньше дел можно разрешить по всем предписанным законом правилам, в разумные сроки и с наименьшими затратами»⁶.

Действительно, с каждым годом становится всё более острой проблема высокой судебной нагрузки, которая является ключевым препятствием для повышения эффективности отечественного правосудия. Так, в 2023 г. российскими судами было рассмотрено более 39 млн дел по сравнению с 31,6 млн в 2018 г. и 21,3 млн в 2013 г.⁷ Мировые судьи сегодня рассматривают в среднем около 500 дел в месяц, судьи районных судов — 60 дел, судьи арбитражных судов — 170 дел⁸. Проблема чрезмерной нагрузки неоднократно обсуждалась судебским сообществом. В частности, в постановлении Х Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 снижение судебной нагрузки было названо приоритетной целью, однако было констатировано, что, несмотря на все усилия, в период после IX Съезда число обращений в суды возросло почти на 60 %⁹.

Пределы права на судебную защиту, о которых всё чаще говорят и в судебском, и в научном сообществе, связаны прежде всего с недопущением недобросовестного поведения в процессе, использования процессуальных прав в ущерб другим лицам и обществу в целом. Данное требование имплицитно содержится в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод не должно

нарушать права и свободы других лиц. В этой норме заложено требование недопустимости злоупотребления правом, которое легитимизирует принятие законодательных мер против недобросовестных участников процесса.

Для устойчивого снижения судебной нагрузки участники споров должны осознавать, что право на судебную защиту необходимо использовать в тех случаях, когда разрешить конфликт иным образом невозможно. Как справедливо отмечает Е. А. Борисова, «ориентировать правовую систему на урегулирование споров исключительно с помощью длительного и дорогостоящего судебного механизма — это всё равно что рассматривать хирургическую операцию как единственное средство лечения болезни»¹⁰. В России же во многих делах вообще отсутствует спор о праве. Истцы нередко просто хотят быть выслушанными или даже доставить другой стороне спора лишние хлопоты. И наоборот, ответчики по многим спорам фактически не возражают против предъявленных в отношении них требований, но не считают нужным исполнять их в отсутствие исполнительного листа.

Подобное отношение к институту суда является серьезным вызовом для государства и требует совершенствования законодательства в целях борьбы с сутяжничеством. Более того, обязанность добросовестно пользоваться процессуальными правами давно получила прямое закрепление в процессуальных кодексах (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 6 ст. 45 КАС РФ). Вместе с тем, как отмечается в литературе, данные нормы «во многом являются декларативными, на практике их применение нередко осложнено необходимостью доказывания обстоятельств, составляющих субъектив-

⁵ Аболонин В. О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 12. С. 40–44.

⁶ Аболонин В. О. Указ. соч.

⁷ Здесь и далее используется статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, если не указано иное. См.: Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.09.2024).

⁸ Председатель Верховного Суда России Ирина Подносова рассказала о развитии судебной системы // Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/7b86106b91e0370a819c102cbb3ee3c9/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁹ Неслучайно в последние годы активно разрабатывается проект федерального закона о нормах служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов. См.: Дел должно быть впрокорот // Коммерсантъ. 2023. 26 декабря. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-razrabotal-zakonoproekt-o-normakh-sluzhebnoy-nagruzki-na-sudey-i-rabotnikov-apparatov-sudov/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁰ Борисова Е. А. Судебное примирение в Республике Корея // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав : сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Елены Ивановны Носыревой. М. : Инфотропик Медиа, 2020. С. 210.

ную сторону поведения лица, участвующего в деле»¹¹.

Какие же конкретные правовые средства следует использовать в текущих условиях для воздействия на недобросовестных участников процесса? Наиболее простым вариантом кажется прямое ограничение права на судебную защиту. Но в силу особого значения процессуальных гарантий, уже отмечавшегося выше, такое решение вызывает серьезные сомнения с точки зрения его конституционности. При введении таких ограничений затрагивается существенное ядро права на судебную защиту, что дает основания говорить о его умалении, которое запрещено частью 2 ст. 55 Конституции РФ. В этом вопросе представляется обоснованным мнение М. А. Гурвича, который утверждал, что «санкцией [за] злоупотреблени[е] возможностью обращения к суду не может быть отказ в рассмотрении иска, так как это означало бы установление трудно проверяемой при принятии дела к производству предпосылки права на предъявление иска и привело бы на практике к сужению возможности получить судебную защиту, несовместимому с началами демократизма нашего процесса»¹².

В то же время, помимо собственно *ограничений* прав, в науке конституционного права выделяют *условия* их реализации. «Различие между установлением ограничений права и введением условий реализации этого права, — пишет П. Д. Блохин, — состоит в степени интенсивности правового регулирования. Если лицо лишается некоторых правовых возможностей (правомочий) в рамках гарантируемого права, то речь идет об ограничении этого права; если же лицо может реализовать такие правовые возможности, соблюдая определенные формальности, то мы имеем дело с условием (порядком) реализации права»¹³.

В качестве примера можно привести позицию Конституционного Суда РФ, который неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту не предполагает возможности выбора по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты. Такие способы и процедуры определяются законодательством, и их несоблюдение может повлечь, например, отказ в принятии или возвращение искового заявления (определение от 29.09.2011 № 1185-О-О, постановление от 06.12.2017 № 37-П и др.). Таким образом, законодатель сохраняет определенную дискрецию при определении порядка реализации права на судебную защиту в текущем законодательстве¹⁴. С учетом этого следует подробнее рассмотреть некоторые институты, которые необходимо использовать для воздействия на степень загруженности судебной системы.

Прежде всего, представляется важным **усиление превентивной функции института судебных расходов**. Одним из условий реализации права на судебную защиту сегодня является необходимость уплаты государственной пошлины при обращении в суд и возмещения судебных издержек другой стороне в случае разрешения спора в ее пользу. В ряде исследований отмечалось, что в России ключевой причиной высокой судебной нагрузки является огромное количество бесспорных и мелких дел, рассмотрение которых экономически нецелесообразно¹⁵. Подобное положение непосредственно связано с дефектами в регулировании института судебных расходов. В идеальной ситуации возложение на проигравшую сторону судебных расходов предотвращает обращение потенциального истца в суд с необоснованными и явно надуманными требованиями и одновременно стимулирует потенциального ответчика добровольно исполнить требования истца или по

¹¹ Зайков Д. Е. Институт компенсации за фактическую потерю времени: некоторые проблемные вопросы правоприменения // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 50–61.

¹² Гурвич М. А. Право на иск. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 127.

¹³ Блохин П. Д. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ При этом условия реализации права при их чрезмерной обременительности могут фактически выступать в качестве ограничений (например, запредельный размер государственной пошлины может сделать обращение в суд для большинства граждан фактически невозможным). В силу этого условия реализации права не могут быть произвольными и требуют контроля на предмет соответствия Конституции РФ.

¹⁵ Кашанин А. В., Малов Д. В. Мелкие и бесспорные дела в российских судах. М. : ВШЭ, 2021 ; Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменению нормативных актов в целях их реализации / В. В. Бочаров, Т. Ю. Волков, Л. А. Воскобитова [и др.]. М., 2018. С. 45–64.

крайней мере не затягивать искусственно разбирательство.

Однако в России реализация превентивной функции затруднена. Что касается государственной пошлины за обращение в суд, то ее размер по большому количеству споров вплоть до последнего времени не превышал нескольких сотен рублей¹⁶. Только недавно законодатель наконец-то сделал важный шаг для исправления ситуации с аномально низкими пошлинами. Федеральным законом от 08.08.2024 № 259-ФЗ ставки государственной пошлины были существенно повышены, а также пересмотрена дифференциация ставок пошлины для различных судебных инстанций. Теперь минимальная ставка пошлины при цене иска до 100 тыс. руб. составит 4 тыс. руб. для судов общей юрисдикции и 10 тыс. руб. для арбитражных судов, а в каждой последующей инстанции ее размер будет существенно выше, чем в предыдущей. Поправки вступили в силу 9 сентября 2024 г., поэтому пока рано делать выводы о степени влияния данной реформы на судебную нагрузку. Но с точки зрения экономического анализа права дополнительные процессуальные издержки должны стать стимулом для более ответственного пользования процессуальными правами.

Впрочем, долгожданное повышение государственной пошлины не панацея. Сегодня также остро необходимо изменить подход судов к возмещению судебных издержек, в первую очередь расходов на оплату услуг представителей. Процессуальное законодательство ограничивается нормой о том, что они взыскиваются с проигравшей стороны «в разумных пределах» (ч. 1 ст. 100 ГПК РФ, ч. 2 ст. 110 АПК РФ, ст. 112 КАС РФ). Подобная неопределенность легальной формулировки и отсутствие четких критериев принятия решения по вопросу об их возмещении приводят к тому, что суды систематически занижают размер взыскиваемых расходов. Представляется, что разумность судебных расходов должна пониматься не как сопостави-

мость с обычными расходами, а как равенство фактическим затратам, которые были понесены взыскателем *исключительно для восстановления своего нарушенного права*¹⁷.

Процессуальное законодательство содержит и некоторые другие способы противодействия процессуальным злоупотреблениям, к числу которых можно отнести компенсацию за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ) и отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ч. 2 ст. 111 АПК РФ). При этом оба института редко активно применяются судами. В первую очередь это связано с неопределенностью понятия добросовестности применительно к процессуальным правоотношениям. Кроме того, статья 99 ГПК РФ не содержит порядка определения размера соответствующей компенсации. Поэтому, как констатирует Н. А. Батурина, «ввиду отсутствия официального толкования рассматриваемой нормы судьи... предпочитают не обращать внимания на сомнительное процессуальное поведение, чтобы не ставить лишней раз судебный акт под угрозу отмены»¹⁸.

Регулирование, установленное частью 2 ст. 111 АПК РФ, является более продуманным, поскольку с недобросовестного лица взыскивается не «компенсация» (правовая природа которой до сих пор является предметом дискуссий в доктрине¹⁹), а судебные расходы. Представляется, что данная норма может использоваться по аналогии в гражданском и в особенности административном судопроизводстве, поскольку КАС РФ не предусматривает никаких последствий злоупотребления процессуальными правами (несмотря на декларирование обратного в ч. 7 ст. 45 КАС РФ).

В то же время в судебной практике необходимо конкретизировать критерии процессуальной недобросовестности, сформулированные в ч. 2 ст. 111 АПК РФ. По смыслу данной статьи недобросовестное поведение может выражаться как в злоупотреблении процессуальными правами, так и в уклонении от исполнения

¹⁶ Данная проблематика уже рассматривалась нами в отдельной публикации. См.: Момотов В. В. Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. 2024. № 3. С. 322–326.

¹⁷ См. подробнее: Момотов В. В. Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия. С. 326–329.

¹⁸ Батурина Н. А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени // Российский судья. 2022. № 6. С. 9–14.

¹⁹ Яковенко Е. В. Компенсация за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве: правовая природа и проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 18–22.

процессуальных обязанностей. В первом случае недобросовестным следует считать такое виновное поведение лица, которое не преследует цели защиты права и обоснования своей процессуальной позиции, а направлено на достижение иных целей, которые перечислены в АПК РФ (срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта). Во втором случае лицо либо прямо преследует аналогичные цели, либо сознательно допускает наступление соответствующих последствий в результате своих действий (например, оставляет претензию контрагента без ответа или иным образом нарушает досудебный порядок урегулирования спора, что вынуждает другую сторону обратиться в суд²⁰). Если же лицо действовало невиновно, т.е. добросовестно заблуждалось относительно обоснованности своей процессуальной позиции, то основания для применения ч. 2 ст. 111 АПК РФ отсутствуют.

Другим перспективным направлением решения проблемы высокой судебной нагрузки является **расширение практики использования внесудебных процедур**. В одной из недавних работ мы уже обращали внимание на большой потенциал примирительных процедур и иных альтернативных способов разрешения споров (alternative dispute resolution) в вопросе снижения уровня конфликтности в обществе²¹. Их использование позволяет урегулировать конфликт на взаимоприемлемых для сторон условиях в сжатые сроки без необходимости соблюдать жесткую процессуальную форму, установленную для государственных судов.

Однако существует еще одно направление снижения судебной нагрузки, представленное административной формой защиты права. В некоторых случаях обращение к несудебным органам — обязательное требование. При этом ограничения права на судебную защиту не происходят, поскольку стороны не лишаются права на последующее обращение в суд и обжалование решения несудебного органа. Таким обра-

зом, внесудебные процедуры разгружают суды, позволяют им уделять больше внимания сложным спорам и одновременно сохраняют гарантии реализации права на судебную защиту.

Преимущества внесудебного порядка можно рассмотреть на примере института финансового уполномоченного, к которому потребители финансовых услуг обязаны предварительно обращаться при возникновении споров на сумму до 500 тыс. руб. с финансовыми организациями. С введением нового механизма защиты прав для потребителей в 2018 г. значительно сократились издержки (как временные, так и денежные), необходимые для восстановления права²².

Подача обращения требует представления лишь копии направленной финансовой организации претензии и ответа на нее (при наличии), а также копии договора с финансовой организацией (ч. 4 ст. 17 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»). Примечательно, что закон не требует представления документов, подтверждающих размер требований потребителя, поскольку экспертиза при необходимости проводится по инициативе самого уполномоченного. Кроме того, рассмотрение обращения не требует личного присутствия спорящих сторон, т.е. осуществляется лишь на основании представленных документов (ч. 5 ст. 20 того же Федерального закона). Еще одним преимуществом рассматриваемой процедуры является ее оперативность: уполномоченный должен рассмотреть обращение потребителя в течение 15 рабочих дней, а в случае проведения экспертизы — в течение 25 рабочих дней (ч. 8 ст. 20).

Анализ статистики подтверждает, что введение обязательного досудебного порядка рассмотрения спора в данном случае оправдало себя. В 2023 г. к уполномоченному поступило 134,2 тыс. обращений потребителей и было принято 95,6 тыс. решений, в том числе 80,7 тыс. по страховым спорам. При этом финансовые организации обжаловали лишь

²⁰ См. подробнее: Якупов Т. В гражданском процессе необходим новый инструмент борьбы со злоупотреблением правом // Адвокатская газета. 2023. 8 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-grazhdanskom-protssesse-neobkhodim-novyy-instrument-borby-so-zloupotrebleniem-pravom/> (дата обращения: 09.09.2024).

²¹ См.: Момотов В. В. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы дальнейшего развития // Lex russica. 2024. № 5. С. 9–21.

²² Воронин Ю. В. Роль института финансового уполномоченного в защите прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации // Цивилист. 2023. № 6. С. 17–24.

20,9 % решений о полном или частичном удовлетворении требований потребителей²³. Ввиду такого низкого процента обжалования наблюдается резкое сокращение количества страховых споров (которые составляют основную долю нагрузки уполномоченного) в судах. Если в 2018 г. суды рассмотрели по первой инстанции 298,2 тыс. споров в сфере имущественного и личного страхования, то в 2023 г. — лишь 83,7 тыс. (снижение более чем на 70 %).

Таблица 1
Количество рассмотренных дел (обращений) по спорам в сфере имущественного и личного страхования

Год	Орган по рассмотрению споров	
	Суды общей юрисдикции (первая инстанция)	Финансовый уполномоченный
2018	298,2 тыс.	—
2019	183,7 тыс.	37,4 тыс.
2020	95,2 тыс.	98,7 тыс.
2021	88,9 тыс.	91,9 тыс.
2022	79,8 тыс.	88,2 тыс.
2023	83,8 тыс.	80,7 тыс.

Источник: данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, данные Службы финансового уполномоченного

Приведенные данные свидетельствуют о том, что пришло время распространить позитивный опыт перераспределения нагрузки по страховым спорам и на другие категории дел (например, по долгам за жилищно-коммунальные услуги). О необходимости такого решения говорила и Председатель Верховного Суда РФ И. Л. Подносова в докладе на пленарном заседании Совета судей РФ 21 мая 2024 г.²⁴ Жилищные споры являются второй по численности категорией гражданских дел (10,9 млн дел по первой инстанции, т.е. 39,5 % гражданских дел). При этом 97,3 % таких споров — это дела о взыскании платы за жилую площадь и коммунальных платежей со средней ценой иска в размере 24,5 тыс. руб., в которых обычно отсут-

ствует спор о праве (96,8 % из них рассмотрены в порядке приказного производства). Кроме того, как отмечают А. В. Кашанин и Д. В. Малов, в данном случае «основной поток мелких дел формируется в... логике предъявления типовых требований в отношении массовых групп населения без учета перспектив взыскания, т.е. “потому что так нужно и нет других способов”»²⁵. Еще одной категорией дел, на которую, исходя из тех же соображений, могла бы быть расширена юрисдикция несудебных органов, являются пенсионные споры по искам Фонда пенсионного и социального страхования РФ. Сегодня они формируют немалую часть нагрузки арбитражных судов (198,8 тыс. дел по первой инстанции, т.е. 11,2 % дел, рассмотренных арбитражными судами), при этом в 74,6 % дел отсутствует спор о праве, а средняя цена иска составляет лишь 15,7 тыс. руб.

Верховный Суд РФ совместно с другими государственными органами уже ведет активную работу над законопроектами в данной сфере. В июне 2024 г. Министерство финансов РФ представило разработанный совместно с Верховным Судом РФ и Федеральной налоговой службой проект федерального закона, который позволил бы взыскивать задолженность физических лиц по уплате налогов и сборов во внесудебном порядке (в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей такой порядок действует с 2007 г.). Сегодня даже при отсутствии спора налоговые органы вынуждены обращаться в суд для получения судебного приказа. В результате в 2023 г. из 2 млн дел, рассмотренных в порядке административного судопроизводства по первой инстанции, 1,4 млн дел были связаны со взысканием налогов и сборов.

В случае принятия законопроекта задолженность будет взыскиваться самим налоговым органом, но, если налогоплательщик в течение 30 дней с момента уведомления об исчислении налога представит свои возражения, сохраняется обязательная судебная процедура взыскания. Кроме того, жалоба на требование об уплате задолженности или решение о взыска-

²³ Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2023 г. // Финансовый уполномоченный. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/otchet-za-2023-god.html> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁴ Доклад Председателя Верховного Суда РФ Ирины Леонидовны Подносовой на пленарном заседании Совета Судей Российской Федерации 21 мая 2024 г. // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/33582/> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁵ Кашанин А. В., Малов Д. В. Указ. соч. С. 43.

нии могут быть поданы даже после истечения соответствующего срока. При этом в настоящее время 84,1 % налоговых дел рассматриваются в порядке приказного производства, т.е. в большинстве случаев налогоплательщики не оспаривают решения налоговых органов и получение исполнительного документа является лишь технической процедурой²⁶.

Перспективным направлением повышения эффективности правосудия в России также видится полная или частичная передача функций по рассмотрению бесспорных дел нотариусам. Такая мера привела бы к масштабной разгрузке судебной системы, поскольку именно дела приказного производства составляют подавляющее большинство судебных дел. Так, в 2023 г. в порядке приказного производства было рассмотрено 23,5 млн гражданских дел (85,3 % от общего количества), 1,2 млн административных дел (60,2 %) и 340,2 тыс. арбитражных дел (19,2 %). В юридической науке уже обращалось внимание на общность исполнительной надписи и судебного приказа²⁷, поэтому данная идея заслуживает более подробного анализа.

Возможность вывода приказного производства из судебной юрисдикции связана с его особой природой, которая принципиально отличает его от искового производства. Правда, нередко приказное производство характеризуют как один из видов гражданского судопроизводства, который имеет упрощенную процессуальную форму и направлен на реализацию принципа процессуальной экономии. Но более правильным нам представляется мнение Т. В. Сахновой, которая пишет: «Судебный приказ — судебная непроцессуальная процедура, лежащая за пределами цивилистической процессуальной формы и направленная на обеспечение бесспорных

прав... [С]удебный приказ не аналог судебного решения, но, выполняя функции исполнительного документа, исполнительной юридической (не законной!) силой он обладает»²⁸. С. А. Халатов приходит к справедливому выводу, что «при отсутствии спора о праве и о фактах деятельность по осуществлению правосудия теряет свой смысл и превращается в констатацию наличия задолженности и санкционирование принудительного исполнения»²⁹.

Действительно, приказное производство не предполагает полноценного исследования доказательств, а для отмены судебного приказа достаточно немотивированного возражения должника. Своеобразие приказного производства имплицитно признается и законодателем при характеристике судебного приказа как вида судебного постановления. Несмотря на то что судебным приказом дело разрешается по существу (что является признаком решения, в отличие от определения), он отграничивается от решения с точки зрения как порядка вынесения, так и содержания³⁰. Таким образом, приказное производство не относится к деятельности по осуществлению правосудия, что открывает возможности для его перевода в число несудебных процедур.

Одним из аргументов против передачи этой функции нотариусам выступает то, что для них огромное количество дел приказного производства станет непосильной нагрузкой. Безусловно, такая масштабная реформа требует консультаций с нотариатом, но в последние годы количество исполнительных надписей и так росло стремительными темпами. В 2023 г. было совершено 985,3 тыс. исполнительных надписей по сравнению с 341,6 тыс. в 2022 г. и 27,9 тыс. в 2018 г.³¹ Но к коллапсу такой рез-

²⁶ Ведомства доработали законопроект, уточняющий внесудебный порядок взыскания налоговой задолженности // Минфин России. 2024. 2 августа. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39201-vedomstva_dorabotali_zakonoproekt_utochnyayushchii_vnesudebnyi_poryadok_vzyskaniya_nalogovoi_zadolzhennosti (дата обращения: 09.09.2024).

²⁷ Цембелев Н. Ш. Актуальные предпосылки, основания и тезисы реорганизации судебного приказного производства // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 36–39.

²⁸ Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 37.

²⁹ Халатов С. А. Сокращение компетенции судов по разрешению бесспорных дел как фактор снижения нагрузки // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 40–42.

³⁰ На это обращалось внимание уже в первые годы после принятия действующих ГПК РФ и АПК РФ. См.: Громошина Н. А. Упрощение процесса: всё ли сделано правильно? // Lex russica. 2004. № 1. С. 181–186.

³¹ Сведения о нотариате в Российской Федерации за 2023 г. // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2023-god/>. Статистика за другие годы представлена на том же сайте.

кий рост количества нотариальных действий не привел. Поэтому есть основания полагать, что нотариусы могут хотя бы частично принять на себя соответствующую нагрузку. Например, в Беларуси нотариату сегодня переданы дела о взыскании задолженности по оплате жилищно-коммунальных тарифов; по векселям, опротестованным в неплатеже; по начисленной, но не выплаченной заработной плате и т.д.³²

При этом следует особо отметить, что важно обеспечить высокий уровень защиты прав должников в рамках рассмотрения бесспорных требований. В случае масштабного расширения компетенции нотариусов следует предусмотреть для них обязанность предварительно уведомлять должника о поступившем требовании взыскателя и выжидать определенный срок для направления должником возражений относительно задолженности. При поступлении таких возражений исполнительная надпись не совершается, а взыскатель вправе обратиться в суд в порядке искового производства. Кроме того, за должником следует сохранить и возможность обжаловать уже совершенное нотариальное действие по его выбору в суд по месту его жительства или по месту нахождения нотариуса³³.

Наконец, еще одним способом снижения нагрузки на судебную систему является **установление пороговой суммы, при недостижении которой государственные органы не должны обращаться в суд**. Сегодня многие из них предъявляют иски, размер требований по которым не превышает нескольких тысяч (а иногда даже нескольких сотен) рублей. Никакого реального публичного интереса в таких исках не прослеживается. Публичный интерес состоит прежде всего в обеспечении стабильной и беспрепятственной деятельности судебной вла-

сти, а отнюдь не во взыскании мизерных сумм и игнорировании расходов государственного бюджета, необходимых для финансирования правосудия.

Яркий пример такого экономически нецелесообразного подхода демонстрирует дело по иску одного из региональных управлений Федеральной службы исполнения наказаний к сотруднику следственного изолятора о возмещении ущерба в размере 500 руб. Даже после того, как управлению было отказано в трех инстанциях, его представитель подал кассационную жалобу в Верховный Суд РФ (отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании определением судьи Верховного Суда РФ № 84-КФ24-82-К3). И к сожалению, это далеко не единичный пример³⁴.

Пороговая сумма для предъявления иска в настоящее время уже предусмотрена для налоговых (10 тыс. руб.) и пенсионных (3 тыс. руб.) споров. Однако по истечении трехлетнего срока государственный орган должен обратиться в суд независимо от суммы накопленной задолженности. Из-за данного правила после первоначального сокращения количества пенсионных споров более чем на 75 % с введением для них пороговой суммы в 2020 г. к настоящему времени оно выросло более чем в 2 раза. Средняя цена иска сначала также резко возросла, но впоследствии стала возвращаться к прежним значениям. Представляется, что если обращение в суд даже после истечения трехлетнего срока остается экономически нецелесообразным, то для бюджета выгоднее считать задолженность малозначительной и списывать ее³⁵. В противном случае положительный эффект от снижения нагрузки на суды нивелируется уже через несколько лет.

³² Корсик В. К. Исполнительная надпись нотариуса как эффективный инструмент защиты прав и интересов граждан и организаций // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 168.

³³ Некоторые ученые полагают, что из-за отсутствия в законодательстве о нотариате аналога института подсудности и возможности обращения взыскателя к любому нотариусу более широкое применение института исполнительной надписи может привести к злоупотреблениям. Однако введение механизма предварительного уведомления должника должно решить данную проблему. См.: Фокин Е. А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 47–60.

³⁴ См. также, например: определения судьи Верховного Суда РФ № 10-КФ24-65-К6, № 77-КФ-24-168-К1, № 10-КФ23-121-К6, № 10-КФ23-138-К6.

³⁵ Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменению нормативных актов в целях их реализации. С. 51.

Таблица 2
**Статистика по спорам по искам Фонда
пенсионного и социального страхования РФ
(до 2023 г. — Пенсионного фонда РФ) в сфере
обязательного пенсионного страхования,
рассмотренным арбитражными судами по
первой инстанции**

Год	Количество дел	Средняя цена иска, руб.
2019	367,4 тыс.	6,4 тыс.
2020	88,6 тыс.	30,5 тыс.
2021	121,9 тыс.	103,4 тыс.
2022	166,6 тыс.	17,6 тыс.
2023	198,8 тыс.	15,7 тыс.

Источник: данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ

Итак, в общих чертах проанализированы три инструмента решения проблемы высокой судебной нагрузки, которые, по нашему мнению, сегодня имеют наибольший потенциал. Это 1) усиление превентивной функции института судебных расходов (прежде всего в части обеспечения полноценной компенсации расходов на услуги представителей и совершенствования механизмов ответственности за недобросовестное процессуальное поведение); 2) расширение практики использования внесудебных процедур (примирительных, административных и нотариальных) и 3) установление пороговой

суммы, при недостижении которой государственные органы не должны обращаться в суд.

Потребность в данных законодательных изменениях объясняется тем, что общая нагрузка на отечественную судебную систему продолжает увеличиваться. Ситуацию может нормализовать только пересмотр пределов права на судебную защиту, направленный на рационализацию доступа к правосудию и отказ от избыточных судебных процедур. При этом законодательные реформы должны по возможности охватывать как можно более широкий круг споров (а не приводить к снижению нагрузки лишь по отдельным небольшим категориям споров) и сохранять долгосрочный позитивный эффект (чего, например, не удалось в полной мере добиться при попытке разгрузки судов от пенсионных споров).

Следует также подчеркнуть, что в вопросе снижения судебной нагрузки необходимо учитывать важнейшую роль социокультурных факторов. В конечном итоге речь идет о формировании у граждан чувства ответственности перед государством и обществом за то, каким образом они используют право на судебную защиту, ведь у сложных проблем не бывает простых решений. Соответственно, государственная политика должна исходить прежде всего из необходимости повышения уровня правовой культуры россиян и изменения их отношения к институту суда. В противном случае любые реформы окажутся безуспешными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аболонин В. О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 12. С. 40–44.

Батурина Н. А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени // Российский судья. 2022. № 6. С. 9–14.

Блохин П. Д. Структура основных прав и их правомерное ограничение: российская конституционная модель // Закон. 2022. № 12. С. 14–33.

Борисова Е. А. Судебное примирение в Республике Корея // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав : сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Елены Ивановны Носыревой. М. : Инфотропик Медиа, 2020. С. 209–215.

Воронин Ю. В. Роль института финансового уполномоченного в защите прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации // Цивилист. 2023. № 6. С. 17–24.

Громошина Н. А. Упрощение процесса: всё ли сделано правильно? // Lex russica. 2004. № 1. С. 181–186.

Гурвич М. А. Право на иск. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.

Жилин Г. А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 1–9.

Жуйков В. М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 191–221.

- Зайков Д. Е. Институт компенсации за фактическую потерю времени: некоторые проблемные вопросы правоприменения // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 50–61.
- Кашанин А. В., Малов Д. В. Мелкие и бесспорные дела в российских судах. М. : ВШЭ, 2021. 160 с.
- Корсик В. К. Исполнительная надпись нотариуса как эффективный инструмент защиты прав и интересов граждан и организаций // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 157–169.
- Момотов В. В. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы дальнейшего развития // Lex russica. 2024. № 5. С. 9–21.
- Момотов В. В. Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. 2024. № 3. С. 319–331.
- Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменению нормативных актов в целях их реализации / В. В. Бочаров, Т. Ю. Волков, Л. А. Воскобитова [и др.]. М., 2018. 116 с.
- Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.
- Троицкая А. А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 45–69.
- Фокин Е. А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 47–60.
- Халатов С. А. Сокращение компетенции судов по разрешению бесспорных дел как фактор снижения нагрузки // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 40–42.
- Цембелев Н. Ш. Актуальные предпосылки, основания и тезисы реорганизации судебного приказного производства // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 36–39.
- Шустров Д. Г. Прирученный Левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб. : Алеф Пресс, 2014. 434 с.
- Яковенко Е. В. Компенсация за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве: правовая природа и проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 18–22.
- Якупов Т. В гражданском процессе необходим новый инструмент борьбы со злоупотреблением правом // Адвокатская газета. 2023. 8 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-grazhdanskom-protsesse-neobkhodim-novyy-instrument-borby-so-zloupotrebleniem-pravom/> (дата обращения: 09.09.2024).
- Ярков В. В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

REFERENCES

- Abolonin VO. On the development of the civil process through a change in the main paradigm. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2012;12:40-44. (In Russ.).
- Baturina NA. Some reasons for inefficiency of the procedural law provision on collection of damages for the actual loss of time. *Russian Judge*. 2022;6:9-14. (In Russ.).
- Blokhin PD. The structure and lawful limitations upon fundamental rights: Russian constitutional model. *Zakon*. 2022;12:14-33. (In Russ.).
- Bocharov VV, Volkov TYu, Voskobitova LA et al. Proposals for improving the judicial system in the Russian Federation and amending regulations for their implementation. Moscow; 2018. (In Russ.).
- Borisova EA. Judicial reconciliation in the Republic of Korea. In: *Judicial and non-judicial forms of civil rights protection: A collection of articles for the anniversary of Doctor of Law, Professor Elena Ivanovna Nosyreva*. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2020. (In Russ.).
- Fokin EA. On the prospects for the redistribution of judicial competence in cases of order proceedings. *Journal of Russian Law*. 2023;7:47-60. (In Russ.).
- Gromoshina NA. Simplification of the process: is everything done correctly? *Lex russica*. 2004;1:181-186. (In Russ.).
- Gurvich MA. Right to Claim. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1949. (In Russ.).
- Kashanin AV, Malov DV. Small and indisputable cases in Russian courts. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. (In Russ.).

- Khalatov SA. Reduction of the competence of courts to resolve indisputable cases as a factor in reducing the load. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2017;12:40-42. (In Russ.).
- Korsik VK. Executive inscription of a notary as an effective tool for protecting the rights and interests of citizens and organizations. *Herald of Civil Procedure*. 2019;2:157-169. (In Russ.).
- Momotov VV. Conciliation Procedures in the Civil Process: Legislative Innovations and Prospects for Further Development. 2024;5:9-21. (In Russ.).
- Momotov VV. Economic analysis of the institution of legal expenses as a factor in the effectiveness of justice. *Pravovedenie*. 2024;3:319-331. (In Russ.).
- Sakhnova TV. «Incomplete» judicial procedures in the modern civil process. *Herald of Civil Procedure*. 2021;4:27-49. (In Russ.).
- Troitskaya AA. Limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2015;2:45-69. (In Russ.).
- Tsembelev NSh. Actual prerequisites, grounds and theses of reorganization of judicial order proceedings. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2014;2:36-39. (In Russ.).
- Voronin YuV. Role of the institution of financial ombudsman in protection of the rights of consumers of financial services in the Russian Federation. *Civilist*. 2023;6:17-24. (In Russ.).
- Yakupov T. In the civil process, a new tool is needed to combat abuse of law. *Advokatskaya gazea*. 8 June 2023. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-grazhdanskom-protsesse-neobkhodim-novyy-instrument-borby-so-zloupotrebleniem-pravom/> (Accessed 09.09.2024). (In Russ.).
- Yarkov VV. Delimitation of subjects of jurisdiction between courts: key novels. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2019;7:31-37. (In Russ.).
- Zhilin GA. The right to judicial protection in the constitutional dimension. *Journal of Constitutional Justice*. 2015;2:1-9. (In Russ.).
- Zhuikov VM. Judicial reform in Russia at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries. *Herald of Civil Procedure*. 2021;5:191-221. (In Russ.).
- Zaikov DE. Institute of compensation for the actual loss of time: some problematic issues of law enforcement. *Journal of Russian Law*. 2023;11:50-61. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Момотов Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, секретарь Пленума, председатель Совета судей, судья Верховного Суда Российской Федерации
д. 15, стр. 1, Поварская ул., г. Москва 121260, Российская Федерация
momotov_vv@vsrf.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Momotov, Dr. Sci. (Law), Professor, Secretary of the Plenum, President of the Council of judges, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
momotov_vv@vsrf.ru

*Материал поступил в редакцию 11 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.
Принята к печати 15 октября 2024 г.*

*Received 11.03.2024.
Revised 14.10.2024.
Accepted 15.10.2024.*

Использование технологии «дипфейк» в Китае: проблемы правового регулирования и пути их решения

Резюме. Ядром технологии «дипфейк» является генеративно-сопоставительная сеть, построенная на комбинации двух нейронных сетей: генеративная сеть (сеть G) создает образцы, дискриминативная сеть (сеть D) старается отличить правильные («подлинные») образцы от неправильных. Сети G и D конкурируют друг с другом тысячи или даже миллионы раз, пока сеть G не улучшит свою производительность, так что сеть D уже не сможет отличить настоящие данные от поддельных. С развитием больших данных и технологий машинного обучения сценарий применения технологии «дипфейк» постепенно изменился: от создания звуковых моделей и имитации текста до глубокой подделки видео. Долгое время изображения, измененные с помощью традиционных Photoshop-технологий и других, легко распознавались, технология «дипфейк» изменила эту ситуацию, усложнив выявление подделок. Будучи важной технологической инновацией в области искусственного интеллекта, технология «дипфейк» широко используется в различных сферах жизни общества, создавая огромную прикладную ценность. Однако любая технология — это обоюдоострый меч. Применение технологии «дипфейк» несет большую угрозу личной конфиденциальности, безопасности имущества и даже национальной безопасности. Для того чтобы найти баланс между технологическими инновациями и предотвращением и контролем рисков, страны по всему миру активно изучают различные пути управления. В статье описаны основные риски, которые несет в себе современная технология «дипфейк», приведен обзор правового регулирования в данной области в Китае и предложен эффективный путь решения проблем.

Ключевые слова: дипфейк; генеративная сопоставительная сеть; личная жизнь; мошенничество; национальная безопасность; правовое регулирование; законодательство Китая

Для цитирования: Яо Ли. Использование технологии «дипфейк» в Китае: проблемы правового регулирования и пути их решения. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 21–31. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.021-031

The Use of Deepfake Technology in China: Problems of Legal Regulation and Ways to Solve Them

Yao Li

East China University of Political Science and Law
Shanghai, People's Republic of China

Abstract. The core of the deepfake technology is based on a generative-adversarial network built on a combination of two neural networks: a generative network (network G) creates samples, a discriminative network (network D) tries to distinguish correct («genuine») samples from incorrect ones. Networks G and D compete with each other thousands or even millions of times until network G improves its performance. Thus, the network D will no longer be able to distinguish real data from fake data. With the development of big data and machine learning

technologies, the scenario for using deepfake technology has gradually changed from creating sound models and imitating text to deep video forgery. For a long time, images modified using traditional Photoshop and other technologies were easily recognized. Deepfake technology changed this situation, making it more difficult to identify fakes. As an important technological innovation in the field of artificial intelligence, deepfake technology is widely used in various areas of society, creating enormous applied value. However, any technology is a double-edged sword. The use of deepfake technology poses a great threat to personal privacy, property security and even national security. In order to find a balance between technological innovation and risk prevention and control, countries around the world are actively exploring various ways to manage. The paper describes the main risks posed by modern deepfake technology, provides an overview of legal regulation in this area in China and offers an effective way to solve problems.

Keywords: deepfake; generative adversarial network; personal life; fraud; national security; legal regulation; Chinese law

Cite as: Yao Li. The Use of Deepfake Technology in China: Problems of Legal Regulation and Ways to Solve Them. *Lex russica*. 2024;77(11):21-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.021-031

Введение

Термин «дипфейк» (deepfake) происходит из области искусственного интеллекта, использующего алгоритмы ИИ deep learning («глубинное обучение») и fake («подделка»). Это основанная на ИИ технология синтеза изображений, аудио и видео, а также генерации текста. С помощью технологии «дипфейк» можно заменить, синтезировать или наложить целевое изображение и аудио/видео, текст и т.д. на другое изображение и аудио/видео, текст и т.д., чтобы создать более реалистичные поддельные изображения, текст и аудио/видео, чем традиционная технология синтеза.

Реализация этой технологии в основном опирается на новейшие алгоритмы искусственного интеллекта, включая сеть кодер-декодер (Encoder-Decoder), конволюционную нейронную сеть (Convolutional neural network), генеративную состязательную сеть (Generative adversarial network), архитектуру Pix2Pix, циклическую генеративную состязательную сеть (CycleGAN), рекуррентную нейронную сеть (Recurrent neural network). Среди них генеративная состязательная сеть — одна из наиболее широко используемых генеративных моделей, она включает генеративную сеть и дискриминативную сеть, эти две нейросетевые модели противостоят друг другу: генеративная сеть отвечает за генерацию синтетических данных с высокой степенью сходства, а дискриминативная сеть отвечает за сравнение бывших син-

тетических данных и реальных данных, чтобы определить подлинность¹.

Генеративная сеть, в частности, генерирует данные для создания поддельных звуков, изображений и т.д.; дискриминативная сеть берет на себя задачу идентификации поддельных данных, сравнения оригинальных звуков и изображений с поддельными звуками и изображениями и определения, какие из них настоящие. Генеративная сеть постоянно корректирует свой метод генерации в соответствии с обратной связью от дискриминативной сети; цикл повторяется, обе сети учатся друг у друга и противостоят друг другу, пока генеративная сеть не создаст звуки и изображения, которые практически невозможно определить как настоящие или поддельные. Китайские ученые считают, что «всё более совершенный алгоритм GANS может полностью поддерживать автоматический синтез и подделку образцов изображений, аудио и видео, а индивидуальный голос, микровыражения, движения тела и другие биологические маркеры и поведенческие особенности могут быть пересажены для достижения эффекта подделки настоящего»².

Коды и алгоритмы технологии «дипфейк» размещены в открытом доступе на технических сайтах, ими могут пользоваться и обмениваться технические специалисты и компьютерные энтузиасты, а алгоритмические команды постоянно обновляются в процессе реального использования, чтобы сделать эффект машинного обучения более качественным. Пользователи,

¹ Цао Сюлянь. Исследование состояния развития технологии обнаружения дипфейков // Технология и применение сетевой безопасности. 2022. № 5. С. 49–51.

² Мао Нун, Ян Хуэй. Нормативная дилемма технологии «дипфейк» и ее правовой ответ // Чанбай. 2021. № 5. С. 94–101.

обладающие профессиональными знаниями, могут создавать поддельные аудио- и видеоматериалы, изучая открытый код веб-сайтов, что создает серьезную угрозу сетевой безопасности.

В то же время с непрерывным развитием больших данных и технологий машинного обучения сценарий применения технологии «дипфейк» постепенно перешел от создания одной звуковой модели и имитации текста к глубокой подделке видео, ускоряя подрывные разработки интеллектуальных технологий. «Дипфейк» является продуктом развития технологий искусственного интеллекта, а киберпреступления, основанные на технологии «дипфейк», представляют собой «технологический риск». Хотя сама по себе технология нейтральна, ее применение может привести к совершенно разным последствиям из-за различий в ценностях и целях пользователей³. Лица с разными ценностями используют одну и ту же технику, но могут совершать совершенно разные действия. Поэтому мы должны своевременно обращать внимание на угрозы и риски, возникающие при использовании технологии «дипфейк», и находить правовые решения.

Риски и угрозы, связанные с технологией «дипфейк»

С развитием больших данных и машинного обучения дипфейк-контент становится всё ближе к реальному, и отличить подлинник от фальшивки трудно не только человеку, но и искусственному интеллекту⁴. Стремительное развитие технологии «дипфейк» открывает множество возможностей для социального развития, но широкомасштабное злоупотребление ею также порождает угрозы в области личной жизни, сетевой безопасности, национальной безопасности и в других аспектах.

1. Угроза личной жизни. Информация о лице, задействованная в технологии подмены лиц ИИ, относится к персональной биометри-

ческой информации, и неправильное использование информации о лице несет в себе риск нарушения безопасности личной информации граждан. Кроме того, без согласия лиц использование их изображения для AI face-swapping и публичного распространения и даже скандальное, клеветническое поведение подозреваются в нарушении права на изображение, права на частную жизнь. Если в процессе присутствуют такие факторы, как «злонамеренная клевета», «злонамеренное редактирование», «использование оскорбительных слов», которые делают социальную оценку репутации, заслуг и т.д. других людей явно негативной, это может представлять собой нарушение права людей на репутацию.

Возьмем в качестве примера программное обеспечение Deepnude, которое обучает алгоритмы искусственного интеллекта на основе большой базы данных реальных фотографий обнаженной натуры и генерирует фотографии обнаженных жертв на основе глубокого обучения и технологии GAN. Пользователям достаточно загрузить любую фотографию женщины, и программа автоматически «снимает с нее одежду» в течение 30 секунд⁵. В июне 2024 г. Бюро сетевой безопасности Министерства общественной безопасности КНР раскрыло ряд типичных случаев использования технологии «дипфейк», подчеркнув серьезную социальную опасность, вызванную злоупотреблением технологиями ИИ со стороны недобросовестных элементов. В одном из случаев подозреваемый использовал программное обеспечение искусственного интеллекта для «одноключевой обработки фотографий жертвы», создав около 7 000 непристойных фотографий и продавая их через Сеть⁶. Глубоко подделанные порнографические видеоролики подвергали жертв «виртуальной угрозе сексуального насилия», что оказывало глубокое психологическое воздействие на человека.

2. Риск нарушения имущественных прав.

С одной стороны, такой вид риска сосредоточен на взломе различных типов систем распозна-

³ Лю Цзе. Разведывательный риск технологии «дипфейк» и ее контрмеры // Вестник Полицейского колледжа Цзянси. 2022. № 1. С. 32–38.

⁴ Цай Шилинь. Техническая логика и правовые изменения дипфейков // Политика и право. 2020. № 3. С. 131–140.

⁵ Сюй Яньпин. Этические размышления о технологии «дипфейк» — на примере программы для стриптиза в один клик Deepnude // Компьютерная эпоха. 2021. № 11. С. 118–121.

⁶ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1803729989604660419&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 02.07.2024).

вания лиц. С развитием технологий 3D-печати и 3D-масок постоянно появляются новости об успешном взломе платежных систем с распознаванием лиц⁷. Лицо гражданина является ключом к базе данных в платежных приложениях, правонарушители подделывают реалистичные биометрические данные лица в реальном времени. Атаки на платформы онлайн-кредитования, супермаркеты и разблокировка мобильных телефонов, которые имеют низкий коэффициент информационной безопасности, наносят прямой материальный ущерб.

С другой стороны, преступники используют лазейки для захвата камеры мобильного телефона, активацию фотокамеры, манипуляцию выражением лица и другие технологии «дипфейк» для синтеза видео, клонируют голос жертвы и осуществляют мошенничество в отношении родственников или руководителей жертвы через телефонные звонки, онлайн-видео чаты и т.д.

В 2021 г. Бюро общественной безопасности провинции Шаньдун объявило о нескольких случаях мошенничества, совершенных с использованием дипфейков. Например, бухгалтеру компании поступил телефонный звонок от руководителя с просьбой немедленно перевести 20 000 юаней поставщику и одновременно пришло электронное письмо с информацией о переводе. Благодаря очень реалистичному акценту руководителя в телефонном разговоре бухгалтер беспрекословно выполнил перевод⁸.

По сообщениям гонконгских СМИ, полиция Гонконга (Китай) обнаружила, что мошенники использовали технологию «дипфейк» с помощью искусственного интеллекта, чтобы успешно имитировать изображения и голоса руководителей британской компании, выдавать себя за нескольких человек на онлайн-встречах и обмануть финансовых сотрудников на 200 млн гонконгских долларов, используя видеоролики компании на YouTube и материалы СМИ, полученные из других общедоступных источников⁹.

Отчет о безопасности искусственного интеллекта за 2024 г., опубликованный компанией Qianxin, показывает, что в 2023 г. число случаев мошенничества с использованием технологии «дипфейк» вырастет на 3 000 %¹⁰.

3. Национальная безопасность. Технологии искусственного интеллекта могут создавать голосовые модели на основе публичных интервью или иных записей голоса жертвы, генерируя аудио, чрезвычайно похожее на настоящий голос персонажа, а содержание поддельного аудио может быть разработано в соответствии с потребностями пользователя¹¹. «Дипфейк» как перспективная сетевая технология обладает такими характеристиками, как мощное распространение, высокая реалистичность и простота эксплуатации, и легко используется преступниками для подрыва международных отношений, подстрекательства к терроризму и обострения национальных и социальных конфликтов.

В частности, исходя из политических, религиозных и экономических требований, преступники выбирают в качестве мишени важных политических деятелей или даже национальных лидеров, синтезируют их аватары и голоса в политические видеоролики враждебных сепаратистов, фабрикуют, редактируют и пересылают ложные сообщения и новости, созданные программным обеспечением, в попытке создать политические слухи, подстрекать к подрыву государственной власти, опорочить имидж национальных лидеров. В результате этого возникает риск нарушения социальной безопасности и финансового порядка, страдает имидж страны в международных отношениях, провоцируются международные геополитические конфликты.

Сетевая информация, основанная на технологии «дипфейк», может представлять угрозу политической безопасности стран и даже изменить политический процесс некоторых государств с точки зрения национального управле-

⁷ URL: https://www.xianjichina.com/special/detail_435812.html (дата обращения: 03.07.2024).

⁸ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1738851566361078810&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 02.07.2024).

⁹ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1790106358293240290&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 03.07.2024).

¹⁰ URL: https://www.qianxin.com/threat/reportdetail?report_id=311 (дата обращения: 01.07.2024).

¹¹ Чжан Юаньтин. Правовое регулирование злоупотребления дипфейками в эпоху искусственного интеллекта // Теория : ежемесячник. 2022. № 9. С. 118–130.

¹² Лю Гочжу. «Дипфейк» и национальная безопасность: перспектива, основанная на общей концепции национальной безопасности // Дайджест социальных наук. 2022. № 6. С. 65–67.

ния¹². Виды преступлений, о которых идет речь, в основном включают подстрекательство к расколу страны (п. 2 ст. 103 УК КНР), пропаганду терроризма, экстремизма и подстрекательство к осуществлению террористической деятельности (ст. 120.3 УК КНР), а также подстрекательство к подрыву государственной власти (ст. 105 УК КНР), предоставление заведомо ложной информации о противнике в военное время (ст. 377 УК КНР), создание слухов и нарушение морального духа армии в военное время (ст. 378 УК КНР), создание слухов и запугивание общественности в военное время (ст. 433 УК КНР)¹³.

Правовое регулирование технологии «дипфейк» в Китае и его недостаточность

Дипфейк в Китае может привести к нарушению права физического лица на изображение, на защиту личной информации, ущерб репутации, имущественным и другим правам, основанным на нормах Гражданского кодекса КНР¹⁴ и Закона о защите персональных данных¹⁵, а преступления, которые могут представлять собой диффамацию, мошенничество, кражу, распространение непристойных материалов и умышленное распространение ложной информации, также могут быть охвачены системой уголовного права. В отношении интернет-платформ, распространяющих дипфейк-контент, провайдеров услуг глубокого синтеза и производителей глубоко подделанного контента, помимо Закона о кибербезопасности¹⁶, действует Закон о безопасности данных¹⁷, существуют также Положения об экологичном управлении сетевым информационным контентом¹⁸, Положения об управлении глубоким синтезом информационных услуг Интернета¹⁹, Положения об управлении сетевыми аудио- и видеоинфор-

мационными услугами²⁰ и другие требования по управлению платформами.

Положения об экологичном управлении сетевым информационным контентом, опубликованные 1 марта 2020 г., устанавливают требования к производителям контента: в ст. 6 сказано, что «не должен производиться контент, оскорбляющий или клеветнический по отношению к другим или нарушающий честь, частную жизнь и другие законные права и интересы других», а в ст. 7 указано, что «не должен производиться контент, содержащий сексуальные намеки, сексуальные авансы и т.д.». Положения могут использоваться для регулирования дипфейков или фальшивого контента, нарушающего права и интересы других, а также распространения порнографии.

В Положении об управлении сетевыми аудио- и видеоинформационными услугами, вступившем в силу в январе 2020 г., содержатся подробные правила для поставщиков сетевых аудио- и видеоинформационных услуг, например: «Использование новых приложений, основанных на новых технологиях, таких как глубокое обучение и виртуальная реальность, для производства, публикации и распространения неаутентичной аудио- и видеоинформации, должно быть обозначено на видном месте», использование технологий глубокого обучения и виртуальной реальности запрещено в области СМИ, что отражает уважение к правдивости новостей и предотвращает недоверие общественности к новостным СМИ. В статье 12 говорится о внедрении технологии идентификации и своевременном прекращении распространения нелегального контента, что свидетельствует об усилении идентификации и аудите контента в отношении платформ распространения информации. В настоящее время технология обнаружения дипфейков всё еще разрабатывается и совершенствуется, и в ближайшей перспективе

¹³ URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3OTZhNjM2YTAxNzk4MjJhMTk2NDBjOTI> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁴ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-06/01/content_5516649.htm (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁵ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202108/t20210820_313088.html (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁶ URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁷ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202106/t20210610_311888.html (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁸ URL: https://www.cac.gov.cn/2019-12/20/c_1578375159509309.htm (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁹ URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 01.07.2024).

²⁰ URL: https://www.cac.gov.cn/2019-11/29/c_1576561820967678.htm (дата обращения: 01.07.2024).

не все онлайн-платформы смогут ее применять, поэтому данное положение имеет перспективный характер²¹.

Положения об управлении глубоким синтезом информационных услуг Интернета, которые вступили в силу 10 января 2023 г., охватывают возможные негативные последствия технологии «дипфейк». В документе сформулирован ряд правил, которым должны следовать поставщики услуг глубокого синтеза, в частности: внедрение основной ответственности за информационную безопасность; разработка и раскрытие правил управления и конвенций платформы; проверка подлинности информации о реальной личности; усиление управления контентом глубокого синтеза; создание и совершенствование механизмов разглашения слухов.

Введение данного Положения знаменует собой тот факт, что глубокий синтез стал первым типом алгоритмических услуг, который был специально законодательно закреплён в области алгоритмического управления в Китае в связи с его важностью и высоким риском²². Более всеобъемлющее положение для поставщиков и пользователей услуг глубокого синтеза является одним из наиболее важных способов регулирования услуг глубокого синтеза и технологии «дипфейк»²³. В целом Китай установил более полное регулирование контента, включающего «дипфейк», и быстро отреагировал на влияние технологии искусственного интеллекта с позитивным отношением, но всё ещё есть некоторые детали, которые необходимо улучшить.

Во-первых, в Положении об управлении сетевыми аудио- и видеoinформационными услугами содержится требование к провайдерам, то есть организациям или частным лицам, предоставляющим населению сетевые аудио- и видеoinформационные услуги, и пользователям о том, что «использование новых приложений, основанных на новых технологиях, таких как глубокое обучение и виртуальная реальность, для производства, публикации и распространения неаутентичной аудио- и

видеоинформации должно быть обозначено на видном месте», и такие фразы содержатся также в Положении об управлении глубоким синтезом информационных услуг Интернета, хотя в последнем содержатся более подробные положения о сценариях, в которых должна применяться маркировка. Но ни в одном из этих двух Положений не упоминается, что такое «заметная маркировка» либо «обозначение на видном месте», поэтому возможны различные трактовки.

Во-вторых, в законодательстве недостаточно четко определено нарушение, связанное с технологией «дипфейк». Например, статья 1024 ГК КНР и статья 6 Положения об экологическом управлении сетевым информационным контентом устанавливают, что ни одна организация или частное лицо не должны нарушать право на репутацию других лиц путем оскорбления или клеветы, однако на практике из-за анонимности пользователей, создающих дипфейк-контент, существует сложность в определении личности нарушителя, а также трудно определить каналы распространения и сферу распространения.

Статья 1027 ГК КНР устанавливает, что «если литературное или художественное произведение, опубликованное виновным лицом, содержит оскорбительное или клеветническое содержание, нарушающее право другого лица на репутацию путем описания реального или конкретного лица, потерпевший вправе требовать от виновного привлечения его к гражданско-правовой ответственности в соответствии с законом», но не предусматривает «использование средств информационных технологий для подделки содержания», что затрудняет подачу иска потерпевшим.

Пути предотвращения рисков и решения проблем

В Соединенных Штатах было принято законодательство, регулирующее технологии «дипфейк»: Конгресс принял Deepfakes Report Act of

²¹ Чу Ибинь. Углубленный синтез подделок «нереального аудио и видео» и предложения по улучшению — с точки зрения Положений об управлении сетевыми аудио- и видеoinформационными услугами // Тяньшуйский институт государственного управления. 2021. № 6. С. 120–124.

²² Чжан Линьхань. Обновление логики и итерация системы управления глубоким синтезом — китайский путь генеративного управления искусственного интеллекта, такого как ChatGPT // Юридическая наука (журнал Северо-Западного университета политики и права). 2023. № 3. С. 38–51.

²³ Ма Лися, Гао Геге, Вэй Юньцзе, Хэ Жан. Новый метод оценки социальных рисков на основе технологии «дипфейк» // Обзор менеджмента. 2022. № 10. С. 14–26.

2019²⁴, и 20 сентября 2023 г. Палата представителей передала в Подкомитет по управлению чрезвычайными ситуациями и технологиям H.R.5586 — Deepfakes Accountability Act²⁵, в котором предлагается усилить защиту от технологических атак и говорится о необходимости разработки технологий обнаружения и идентификации, а также контрмер. Компания Facebook (Meta²⁶) потратила огромные средства на проведение конкурса Deepfake Detection Challenge совместно с Массачусетским технологическим институтом, Оксфордским университетом и другими колледжами и университетами, который получил широкую поддержку со стороны академического сообщества.

В 2018 г. Европейская комиссия созвала представителей крупнейших технологических компаний и индустрии онлайн-рекламы для разработки добровольных рамок отраслевого саморегулирования и опубликовала Свод практических правил по дезинформации (Code of Practice on Disinformation), согласно которому интернет-компании должны укреплять самоцензуру и бороться с ложным контентом в Сети у источника. Усиленный Свод практических правил по дезинформации был подписан и представлен 16 июня 2022 г. 34 подписантами, которые присоединились к процессу пересмотра Свода от 2018 г.²⁷

Взятые вместе меры по управлению технологией «дипфейк», принятые Соединенными Штатами и Европейским Союзом, включают: а) регулирование посредством законодательства, разъяснение прав, обязанностей и юридической ответственности субъектов; б) усиление саморегулирования отрасли и требование к платформам выполнять свои обязательства по регулированию; в) усиление технологических исследований и разработок и управление технологией «дипфейк»²⁸.

На основе объединения опыта Соединенных Штатов и Европейского Союза Китай может при-

нять следующие меры для дальнейшего противодействия рискам, связанным с технологией «дипфейк».

1. *Поставщики услуг технологии «дипфейк» должны активно сотрудничать с государственными ведомствами*, чтобы изучить законные сценарии применения технологии «дипфейк». В настоящее время основные интернет-платформы и ключевые инфраструктуры в странах мира монополизированы несколькими технологическими гигантами, а большой объем профессиональных и технических знаний и ресурсов, необходимых для управления технологией «дипфейк», не принадлежит государству, и все сложные задачи по управлению технологией «дипфейк» не могут быть полностью возложены на правительство, поэтому необходимо предоставить поставщикам услуг технологии «дипфейк» (далее — поставщики услуг) ограниченные полномочия по саморегулированию, чтобы они могли осуществлять саморегулирование под надзором и руководством государственных органов. В частности, поставщики услуг должны прежде всего провести самооценку, чтобы доказать, что используемые ими технические решения соответствуют законам, правилам и стандартам, и представить отчет о самооценке в государственный орган, а после получения сертификата органа они могут быть освобождены от ответственности.

Это может стимулировать поставщиков услуг вносить положительный вклад в соблюдение правовых норм. С другой стороны, поскольку объем цензурных обязанностей поставщиков услуг всё еще неясен, государственные органы должны как можно скорее определить сценарии неправильного использования технологии «дипфейк» и сформировать список, ограничивающий ее применение²⁹. Поставщики услуг должны регулярно предоставлять органам обратную связь о результатах проверки дипфейк-контента, чтобы

²⁴ URL: <https://www.congress.gov/bill/116thcongress/house-bill/3600/> (дата обращения: 29.06.2024).

²⁵ URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/5586/text> (дата обращения: 01.07.2024).

²⁶ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 компания «Мета Платформс, Инк.» (Meta Platforms, Inc.) признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

²⁷ URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-disinformation> (дата обращения: 02.07.2024).

²⁸ Чжан Тао. Правовые риски «дипфейк» и ее регулирование в эпоху постправды // Электронное правительство. 2020. № 4. С. 91–101.

²⁹ Лонь Кун, Ма Е, Чжу Цичао. Вызовы дипфейков для национальной безопасности и ответные меры // Информационная безопасность и хранение тайны связи. 2019. № 10. С. 21–34.

динамично корректировать список ограничений и формировать механизм совместного управления. Правительство также должно поощрять платформы и организации к разработке отраслевых руководств и стандартов в рамках, разрешенных законами и правилами.

Согласно Закону КНР о стандартизации, отраслевой стандарт — это стандарт, совместно разработанный общественными организациями, созданными в соответствии с законом для удовлетворения потребностей рынка и инноваций и координации участников рынка, который принимается членами группы или добровольно принимается обществом в соответствии с положениями группы, а участниками разработки стандарта являются в основном ведущие организации, имеющие влияние в отраслевых областях³⁰.

2. *Уточнение принципа информированного согласия.* В настоящее время статья 1035 ГК КНР, статьи 41–42 Закона о кибербезопасности и статьи 13–15 Закона о защите персональных данных предусматривают правило информированного согласия, но в реальности оно является простой формальностью. Это связано с тем, что, с одной стороны, если пользователь не согласен с условиями предоставления персональной информации, он не сможет воспользоваться услугой, а поставщик услуг связывает «согласие» с «использованием», так что поставщик услуг может получить персональные данные пользователя только на основании его одностороннего согласия.

Для этого необходимо создать механизм динамического информированного согласия, когда согласие пользователя требуется на всех этапах оказания услуги. Кроме того, когда пользователь просматривает дипфейк-контент или ставит лайк, комментирует или совершает другие действия с таким контентом, должно автоматически всплывать окно предупреждения, чтобы проинформировать пользователя о том, что это дипфейк-контент. Пользователи могут отозвать свое согласие при необходимости, и поставщики услуг должны предоставить возможность сделать это на видном месте, а также не должны скрывать кнопку отзýва.

3. *Совершенствование методов выявления дипфейков или фальшивого контента.* Под-

тверждение подлинности информации приобретает исключительную важность в наши дни, когда технологии «дипфейк» становятся всё более изощренными³¹. Следует поощрять научно-технические предприятия к развитию технологии обнаружения дипфейков, а также к исследованию и разработке технологии различения реального и поддельного контента.

Законодательство Китая может перенять опыт американского Deepfakes Accountability Act и усовершенствовать концепцию маркировки «заметным образом», включая использование голосовых или письменных заявлений с подробным описанием степени подделки в дипфейк-контенте, на которую можно указать в течение всего процесса или в начале и конце аудио- и видеопроизведений, а также использование технологии, которую нельзя изменить или заменить. Например, блокчейн для постоянной записи метаданных. Любой дипфейк-контент может быть записан и отслежен в режиме реального времени с помощью технологии блокчейн, что обеспечивает большую прозрачность и возможность отслеживания такого контента. В частности, блокчейн может использоваться для добавления временных меток к оригинальным видео, аудио, фотографиям и другим материалам, создавая неизменяемые записи метаданных в распределенном реестре, так что весь процесс производства и распространения контента может быть отслежен в режиме реального времени. Кроме того, могут быть разработаны алгоритмические модели для идентификации поддельных лиц и т.д. путем распознавания того, согласовано ли поддельное лицо с остальными кадрами изображения, или обнаружения отсутствия физиологических сигналов в сгенерированном контенте.

4. *Раскрытие фальшивых данных с помощью реальных.* С точки зрения расширения возможностей контроля человека над своей информацией важно иметь надежные доказательства подлинности или подделки контента. Технология «дипфейк» часто пытается исказить то, куда человек перемещается, как он себя ведет и что говорит. Надежность доказательств обеспечивают реальные траектории движения человека. В данном случае речь идет о

³⁰ URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2017-11/04/content_2031446.htm (дата обращения: 02.07.2024).

³¹ Цао Цзяньфэн, Фан Линьман. Исследование рисков и контрмер в отношении технологии «дипфейк» // Информационная безопасность и хранение тайны связи. 2019. № 2. С. 89–97.

технологии, которая отслеживает и записывает жизнь человека на основе его местоположения, коммуникаций и действий, помогая выявлять и разоблачать дипфейки, повышая контроль над цифровым контентом, связанным с ним.

Носимые умные устройства и умные IoT-устройства могут собирать эти данные для подтверждения подлинности информации с помощью мониторинга жизни и здоровья, чтобы помочь доказать целостность данных человека и в конечном счете — подлинность его частного контента. Такие данные могут быть зашифрованы, сохранены и удалены владельцем для предотвращения нарушения конфиденциальности.

Заключение

Технология «дипфейк» нейтральна по отношению к ценностям, но поведение человека в отношении технологии не является нейтральным, и эффекты добра и зла не симметричны. Технологический прогресс должен не только использовать интеллект машин, но и демонстрировать мудрость человека в освоении технологий. В последние годы технология «дип-

фейк» в кино и телевидении, СМИ, образовании и других областях демонстрирует большое количество положительных применений, наряду с появлением спроса на использование всех видов коммерческих продуктов, количество контента с использованием технологии «дипфейк» значительно увеличилось. Однако аудио- и видеоматериалы, созданные в результате злонамеренного использования этой технологии, демонстрируют большую разрушительную силу, нанося ущерб репутации и имуществу частных лиц и предприятий и даже представляя угрозу для общества и национальной безопасности.

Несмотря на то что онлайн-платформы уже принимают меры по проверке информации, из-за недостатков правового регулирования платформы часто допускают создание и распространение дипфейков, также недостатки конструкции системы платформы могут привести к неспособности фильтровать или отслеживать глубокие фейки. Комплексное управление технологией «дипфейк» должно включать в себя сотрудничество между государством и предприятиями, подробные законодательные положения и меры по стимулированию разработки предприятиями технологий для выявления дипфейков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лонь Кун, Ма Е, Чжу Цичао. Вызовы дипфейков для национальной безопасности и ответные меры // Информационная безопасность и хранение тайны связи. 2019. № 10. С. 21–34. [龙坤, 马钺, 朱启超:《深度伪造对国家安全挑战及应对》,载《信息安全与通信保密》2019年第10期,第21-34页。].

Лю Гочжу. «Дипфейк» и национальная безопасность: перспектива, основанная на общей концепции национальной безопасности // Дайджест социальных наук. 2022. № 6. С. 65–67. [刘国柱:《深度伪造与国家安全:基于总体国家安全观的视角》,载《社会科学文摘》2022年第6期,第65-67页。].

Лю Цзе. Разведывательный риск технологии «дипфейк» и ее контрмеры // Вестник Полицейского колледжа Цзянси. 2022. № 1. С. 32–38. [刘杰:《“深度伪造”技术的情报风险及其应对》,载《江西警察学院学报》2022年第1期,第32-38页。].

Ма Лися, Гао Геге, Вэй Юньцзе, Хэ Жан. Новый метод оценки социальных рисков на основе технологии «дипфейк» // Обзор менеджмента. 2022. № 10. С. 14–26. [马丽霞, 高格格, 魏云捷, 赫然:《一个新的关于深度伪造技术的社会风险评估方法》,载《管理评论》2022年第10期,第14-26页。].

Мао Нин, Ян Хуэй. Нормативная дилемма технологии «дипфейк» и ее правовой ответ // Чанбай. 2021. № 5. С. 94–101. [毛宁, 杨会:《深度伪造技术的监管困境及其法律应对》,载《长白学刊》2021年第5期,第94-101页。].

Сюй Яньпин. Этические размышления о технологии «дипфейк» — на примере программы для стриптиза — один клик Deepnude // Компьютерная эпоха. 2021. № 11. С. 118–121. [徐燕萍:《“深度伪造”技术的伦理反思——以一键脱衣软件“Deepnude”为例》,载《计算机时代》2021年第11期,第118-121页。].

Цай Шилинь. Техническая логика и правовые изменения дипфейков // Политика и право. 2020. № 3. С. 131–140. [蔡士林:《“深度伪造”的技术逻辑与法律变革》,载《政法论丛》2020年第3期,第131-140页。].

Цао Сюянь. Исследование состояния развития технологии обнаружения дипфейков // Технология и применение сетевой безопасности. 2022. № 5. С. 49–51. [曹秀莲:《深度伪造检测技术发展现状研究》,载《网络安全技术与应用》2022年第5期,第49-51页。].

Цао Цзяньфэн, Фан Линьман. Исследование рисков и контрмер в отношении технологии «дипфейк» // Информационная безопасность и хранение тайны связи. 2019. № 2. С. 89–97. [曹建峰, 方玲曼: 《“深度伪造”的风险及对策研究》, 载《信息安全与通信保密》2020年第2期, 第89–97页。].

Чжан Линьхань. Обновление логики и итерация системы управления глубокого синтеза — китайский путь генеративного управления искусственного интеллекта, такого как ChatGPT // Юридическая наука (Журнал Северо-Западного университета политики и права). 2023. № 3. С. 38–51. [张凌寒: 《深度合成治理的逻辑更新与体系迭代——ChatGPT 等生成型人工智能治理的中国路径》, 载《法律科学(西北政法大学学报)》2023年第3期, 第38–51页。].

Чжан Тао. Правовые риски технологии «дипфейк» и ее регулирование в эпоху постправды // Электронное правительство. 2020. № 4. С. 91–101. [张涛: 《后真相时代深度伪造的法律风险及其规制》, 载《电子政务》2020年第4期, 第91–101页。].

Чжан Юаньтин. Правовое регулирование злоупотребления дипфейками в эпоху искусственного интеллекта // Теория : ежемесячник. 2022. № 9. С. 118–130. [张远婷: 《人工智能时代“深度伪造”滥用行为的法律规制》, 载《理论月刊》2022年第9期, 第118–130页。].

Чу Ибинь. Углубленный синтез подделок «нереального аудио и видео» и предложения по улучшению — с точки зрения Положений об управлении сетевыми аудио- и видеоинформационными услугами // Тяньшуйский институт государственного управления. 2021. № 6. С. 120–124. [储宜彬: 《深度伪造合成“非真实音视频”的规制现状与完善建议——以〈网络音视频信息服务管理规定〉为切入点》, 载《天水行政学院学报》2021年第6期, 第120–124页。].

REFERENCES

Cai Shilin. Technical logic and legal changes «deepfake». *Politics and Law*. 2020;3:131-140. [蔡士林: 《“深度伪造”的技术逻辑与法律变革》, 载《政法论丛》2020年第3期, 第131–140页。]. (In Chinese).

Cao Jianfeng, Fang Linman. Deepfake Risk and Countermeasures Study. *Information Security and Secrecy*. 2019;2:89-97. [曹建峰, 方玲曼: 《“深度伪造”的风险及对策研究》, 载《信息安全与通信保密》2020年第2期, 第89–97页。]. (In Chinese).

Cao Xulian. Research on the state of development of deepfake detection technology. *Network Security Technology & Application*. 2022;5:49-51. [曹秀莲: 《深度伪造检测技术发展现状研究》, 载《网络安全技术与应用》2022年第5期, 第49–51页。]. (In Chinese).

Chu Yibin. Advanced synthesis of fake «unrealistic audio and video» and suggestions for improvement — from the point of view of «Rules for managing network audio and video information services». *Tianshui Institute of Public Administration*. 2021;6:120-124. [储宜彬: 《深度伪造合成“非真实音视频”的规制现状与完善建议——以〈网络音视频信息服务管理规定〉为切入点》, 载《天水行政学院学报》2021年第6期, 第120–124页。]. (In Chinese).

Long Kun, Ma Ye, Zhu Qichao. National Security Deepfake Challenges and Responses. *Information Security and Secrecy*. 2019;10:21-34. [龙坤, 马钺, 朱启超: 《深度伪造对国家安全的挑战及应对》, 载《信息安全与通信保密》2019年第10期, 第21–34页。]. (In Chinese).

Liu Jie. Intelligence risk of deepfake technology and its countermeasures. *Journal of Jiangxi Police College*. 2022;1:32-38. [刘杰: 《“深度伪造”技术的情报风险及其应对》, 载《江西警察学院学报》2022年第1期, 第32–38页。]. (In Chinese).

Liu Guozhu. «Deepfake» and national security: a perspective based on a common concept of national security. *Social Science Digest*. 2022;6:65-67. [刘国柱: 《深度伪造与国家安全: 基于总体国家安全观的视角》, 载《社会科学文摘》2022年第6期, 第65–67页。]. (In Chinese).

Ma Lixia, Gao Gege, Wei Yunjie, He Jean. New method for assessing social risks based on deepfake technology. *Management Review*. 2022;10:14-26. [马丽霞, 高格格, 魏云捷, 赫然: 《一个新的关于深度伪造技术的社会风险评估方法》, 载《管理评论》2022年第10期, 第14–26页。]. (In Chinese).

Mao Ning, Yang Hui. The regulatory dilemma of deepfake technology and its legal response. *Changbai*. 2021;5:94-101. [毛宁, 杨会: 《深度伪造技术的监管困境及其法律应对》, 载《长白学刊》2021年第5期, 第94–101页。]. (In Chinese).

Xu Yanping. Ethical reflections on deepfake technology — using Deepnude as an example of a one-click striptease program. *The Computer Age*. 2021;11:118-121. [徐燕萍: 《“深度伪造”技术的伦理反思——以一键脱衣软件“Deepnude”为例》, 载《计算机时代》2021年第11期, 第118–121页。]. (In Chinese).

Zhang Linhan. Logic Update and Iteration of Deep Synthesis Control System — China's Way of Control over Generative AI like ChatGPT. *Journal of Northwest University of Political Science and Law*. 2023;3:38-51. [张凌寒:

《深度合成治理的逻辑更新与体系迭代——ChatGPT 等生成型人工智能治理的中国路径》，载《法律科学（西北政法大学学报）》2023年第3期，第38-51页。]. (In Chinese).

Zhang Tao. Legal risks of deepfake technology and its regulation in the post-truth era. *E-government*. 2020;4:91-101. [张涛：《后真相时代深度伪造的法律风险及其规制》，载《电子政务》2020年第4期，第91-101页。]. (In Chinese).

Zhang Yuanting. Legal regulation of deepfake abuse in the era of artificial intelligence. *Theory: Monthly Journal*. 2022;9:118-130. [张远婷：《人工智能时代“深度伪造”滥用行为的法律规制》，载《理论月刊》2022年第9期，第118-130页。]. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яо Ли, доктор юридических наук, Институт докторантуры международного права при Восточно-китайском университете политических наук и права
д. 555, Лунъюань ул., г. Шанхай 201620, Китайская Народная Республика
yaozaihenmang@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yao Li, Dr. Sci. (Law), Institute of Doctoral Studies in International Law, East China University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China
yaozaihenmang@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 26 августа 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 16.05.2024.

Revised 26.08.2024.

Accepted 15.10.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.032-049

В. О. Калятин

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

А. А. Амангельды

Университет Кунаева
Алматинская академия Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Макана Есбулатова
г. Алматы, Республика Казахстан

Проблемы унификации евразийского законодательства о промышленной собственности

Резюме. Построение единого экономического пространства в рамках ЕАЭС требует и развития правовой основы взаимодействия участников гражданского оборота. Использование современных технологий предполагает гармонизацию законодательства об интеллектуальной собственности. Страны ЕАЭС ведут активную работу в этом направлении, но на их пути возникает много проблем, связанных с различием подходов к регулированию интеллектуальной собственности и выбору оптимального пути развития законодательства. Для того чтобы проиллюстрировать различия в подходах, в статье особое внимание уделяется сравнению законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан. Важно перейти от работы над сближением законодательства по отдельным, пусть и важным, вопросам к системной гармонизации законодательства. Говорить о реальной охране объекта можно, лишь если нормы о соответствующем институте будут дополняться согласованием терминологии, процессуальных норм, административного и уголовного законодательства. Пример других стран показывает сложности, с которыми сталкивается унификация законодательства в области патентного права. При этом развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности должно направляться реальными экономическими процессами и отражать экономические потребности участников экономического оборота на евразийском пространстве.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); евразийский патент; незарегистрированный промышленный образец; географическое указание; новизна; оригинальность; гармонизация

Для цитирования: Калятин В. О., Амангельды А. А. Проблемы унификации евразийского законодательства о промышленной собственности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 32–49. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.032-049

Problems of Unification of Eurasian Legislation on Industrial Property

Vitaliy O. Kalyatin

Alexeev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Aizhan A. Amangeldy

Kunaev University
Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after Makan Esbulatov
Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. The construction of a single economic space within the EAEU requires the development of the legal ground for the interaction between civil turnover participants. The use of modern technologies involves harmonization of intellectual property legislation. The EAEU countries are actively working in this direction, but on its way there are many problems related to the difference in approaches to the regulation of intellectual property and the choice of the best way to develop legislation. In order to illustrate the differences in approaches, the paper draws special attention to the comparison of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. It is important to move from working on the convergence of legislation on individual, albeit important, issues to systemic harmonization of legislation. It is possible to talk about the real protection of the facility only if the norms on the relevant institution are supplemented by the coordination of terminology, procedural norms, administrative and criminal legislation. The example of other countries shows the difficulties faced by the unification of patent law. At the same time, the development of legislation in the field of intellectual property should be guided by real economic processes and it should reflect the economic needs of participants of economic turnover in the Eurasian space.

Keywords: intellectual property; Eurasian Economic Union (EAEU); Eurasian patent; unregistered industrial design; geographical indication; novelty; originality; harmonization

Cite as: Kalyatin VO, Amangeldy AA. Problems of Unification of Eurasian Legislation on Industrial Property. *Lex russica*. 2024;77(11):32-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.032-049

Введение

Одной из ключевых проблем регулирования интеллектуальной собственности является противоречие между глобальным характером использования интеллектуальной собственности и территориальной ограниченностью действия права не него. Данное противоречие естественно присуще данной сфере, но оно создает сложности в использовании и защите интеллектуальной собственности. Это означает также, что унификация законодательства — необходимое направление развития международного регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Вся история развития законодательства в этой области иллюстрирует постоянные попытки сблизить нормы об интеллектуальной собственности, как бы ни различались политические позиции разных стран, поскольку такая

унификация диктуется объективными экономическими потребностями. В литературе указывалось, что «интернационализация правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, в том числе результатов технического и художественно-конструкторского творчества, а также средств индивидуализации является сегодня одной из характерных и показательных черт современной международной экономической жизни»¹.

Важнейшими инструментами унификации законодательства являются международные договоры. Они необходимы и для того, чтобы обеспечить использование интеллектуальной собственности на территории ряда стран, ведь, например, для того, чтобы право на производство получило действие и в другом государстве, необходимо заключение международного договора².

¹ Горохов О. А. Право промышленной собственности : учебник. М. : Статут, 2011. С. 836.

² Богуславский М. М. Международное частное право. М. : Международные отношения, 1994. С. 258.

Однако сложность достижения согласия в мировом масштабе затрудняет как развитие, так и применение этого инструмента в глобальном масштабе³. В этом отношении реальным средством унификации законодательства являются региональные договоры. При этом процесс унификации детерминирован реальными экономическими процессами, экономическими связями в рамках региона и отражает направления использования интеллектуальной собственности.

Евразийская интеграция — значимое явление для государств-участников. И в этой кооперации интеллектуальная собственность выступает в качестве важной составляющей экономики ЕАЭС, а в более широком плане — и других стран этого региона. В этом отношении речь может идти прежде всего как о странах — членах ЕАЭС (Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация), так и о членах Евразийской патентной конвенции (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Российская Федерация, Туркменистан).

Возрастает популярность региональной охраны объектов промышленной собственности, причем в некоторых странах она становится безусловным лидером (так, в Кыргызской Республике 97 % изобретений охраняется евразийскими патентами, а 97 и 80 % товарных знаков зарегистрированы в рамках международных процедур)⁴.

Любая региональная кооперация, безусловно, создает положительный экономический эффект, но для достижения целей необходимо формирование гармоничной правовой основы в рамках межгосударственного хозяйственного оборота, в противном случае национальные правовые механизмы становятся преградой для развития экономик, поскольку в каждой стране установлен свой правопорядок. В этом смысле гармонизация законодательства является труд-

ной, но решаемой задачей, тем более что в мировой практике имеется положительный опыт региональных интеграций.

Законодательство стран, участвующих в развитии евразийского правового регулирования, достаточно близко, что обусловлено как наличием базовых международных соглашений в сфере интеллектуальной собственности, так и историческими причинами, а также текущими экономическими процессами. Это стимулирует и облегчает унификацию законодательства; но нужно отметить и наличие существенных различий, создающих проблемы для использования и защиты интеллектуальной собственности. Представление, что в странах ЕАЭС законодательство об интеллектуальной собственности достаточно сходно и можно не тратить время на изучение различий, мешает реальной интеграции, поскольку не учитываются реальные расхождения в подходах и причины их появления.

При этом развитие законодательства в данной сфере осуществляется на фоне цифровизации использования интеллектуальной собственности, а «борьба с нарушениями прав на объекты ИС в сети Интернет приобретает особую важность»⁵.

Проблема определения цели и механизмов унификации законодательства

Потребность в унификации является объективной, а значит, унификация будет идти и в случае реализации целенаправленной политики в этом ключе (пусть и не всегда последовательно, с колебаниями, иногда с отказом от уже достигнутого и возвратом к прежним моделям), и при отсутствии такой политики. Но гораздо эффективнее унификация будет идти, если вести такую работу сознательно, выработав и согласовав в рамках заинтересованных стран общие цели, сформировав механизмы и средства их достижения.

От выбора целей зависят и масштабы унификации, и используемые подходы.

³ Подробнее об этом см.: *Калятин В. О.* О некоторых тенденциях развития международного регулирования в сфере интеллектуальной собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 76–96.

⁴ Итоговый документ. Рекомендации участников XV Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» // Право интеллектуальной собственности. 2024. № 2. С. 33.

⁵ *Ивлиев Г. П., Егорова М. А.* Частное право: обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и коммерциализации прав на них в ЕАЭС // *Lex russica*. 2021. № 11. С. 11.

Необходимо учитывать, что охрана интеллектуальной собственности обеспечивается комплексом норм, относящихся к разным отраслям права, поэтому проблема унификации гораздо более широкая, чем просто введение нескольких норм об охране соответствующего объекта. В этом отношении работа не должна ограничиваться согласованием точечных изменений в законодательстве стран по техническим вопросам (например, размер пошлин или сроки осуществления требуемых действий), нужно вести унификацию законодательства в достаточно широком варианте.

Представляется, что для евразийского пространства с учетом тесных экономических связей имело бы смысл достичь высокой степени унификации регулирования с сохранением в то же время возможности введения особых вариантов охраны на национальных уровнях.

Примером функционирования системы разноразрядного регулирования в сфере патентного права может быть законодательство ЕС, где, как отмечает А. Галиакберов, предусматривается «четыре правовых режима функционирования правовой охраны изобретений:

- 1) национальные патенты, выданные на национальном уровне;
- 2) национальные патенты, выданные ЕПО (европейские патенты) и функционирующие в системе действия Единого патентного суда;
- 3) национальные патенты, выданные ЕПО, но без подчинения Единому патентному суду (в связи с переходным периодом, отказом от ратификации государствами-членами, а также не входящих в ЕС);
- 4) европейские патенты с унитарным эффектом»⁶.

Цель унификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности предполагает наличие международных соглашений, направляющих такую унификацию. Однако следует заметить, что в рамках евразийского экономического пространства международные соглашения в области интеллектуальной собственности сейчас существуют только в отношении объектов патентного права (и в небольшой части

в отношении товарных знаков), отсутствуют многосторонние конвенции в сфере авторского права, смежных прав, топологий интегральных микросхем, селекционных достижений, средств индивидуализации. Такое положение норм патентного права причинно обусловлено необходимостью обеспечить защиту новых технических разработок на региональном уровне. Регулирование в патентной сфере может стать образцом для развития регулирования применительно к другим видам интеллектуальной собственности.

Заключение международных соглашений должно дополняться и взаимодействием на уровне разработки и совершенствования национальных правовых актов. Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств — участников СНГ 2018 г. указывает в качестве первого направления развития сотрудничества совершенствование законодательства государств — участников Соглашения в области интеллектуальной собственности в части, касающейся повышения уровня охраны, защиты, коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности, использования объектов интеллектуальной собственности (ст. 2).

Как отмечалось в литературе, «постоянный рост количества технологических разработок, усиление интеграционных процессов в экономике, а также проблема признания экстерриториальности действия патентов привели к осознанию государствами необходимости международного сотрудничества в области правовой охраны промышленной собственности как на универсальном, так и на региональном уровне»⁷.

Л. С. Воронцова, исследуя вопросы гармонизации патентного законодательства, отмечает значимость внедрения евразийского патента и интеграции в рамках Содружества Независимых государств, что стало возможным благодаря принятию Евразийской патентной конвенции. Автор подчеркивает, что стремление к интеграции было актуальным не только для стран СНГ, и приводит в пример Африканскую организацию интеллектуальной собственности⁸. Она делает вывод, что «к числу основных

⁶ Подробнее о различиях режимов см.: Галиакберов А. С. Международно-правовая охрана изобретений, полезных моделей и промышленных образцов на региональном уровне : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 23–24.

⁷ Пилькина Н. Н. Европейская и Евразийская региональные патентные системы (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4.

⁸ Воронцова Л. С. Правовая модель евразийского патента и гармонизация патентного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 3.

факторов, оправдывающих целесообразность создания Евразийской патентной системы, следует отнести возможность охраны изобретения на территории всех стран — участниц Евразийской патентной конвенции единым охранным документом — евразийским патентом, что позволяет одновременно существенно уменьшить издержки на правовую охрану изобретения и обеспечить высокую надежность ряда технологических операций, сопряженных с процедурными операциями, предшествующими выдаче евразийского патента (в частности, процессов патентной экспертизы)⁹.

Ярким примером экономической интеграции, которая складывалась в течение длительного времени, выступает ЕС.

В литературе отмечалось, что «в основу создания и выработки правовых норм европейской и евразийской патентных систем положены одинаковые международные соглашения, прежде всего Парижская конвенция и Договор о патентной кооперации. ЕПС является одной из самых значительных мировых патентных систем, успешно действующей десятки лет»¹⁰. По мнению автора, взаимодействием с Европейским патентным ведомством и учетом его опыта и обусловлено сходство обеих систем.

Справедливо мнение, что международные акты в области патентного права «ставят общие цели сотрудничества — содействовать гармонизации национальных патентных законодательств, развитию научно-технических связей государств-участников и созданию общих структур, а также подготовке кадров и т.п.»¹¹. Очевидно, что это актуально и для других видов интеллектуальной собственности.

В соответствии с п. 1 ст. 89 Договора о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами международного права, международными договорами, актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов.

Согласно этому документу сотрудничество государств-членов осуществляется для решения следующих основных задач:

— гармонизация законодательства государств-членов в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;

— защита интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности государств-членов.

Пункт 2 этой статьи указывает, что сотрудничество государств-членов осуществляется по следующим основным направлениям:

1) поддержка научного и инновационного развития;

2) совершенствование механизмов коммерциализации и использования объектов интеллектуальной собственности;

3) предоставление благоприятных условий для обладателей авторского права и смежных прав государств-членов;

4) введение системы регистрации товарных знаков и знаков обслуживания Евразийского экономического союза и наименований мест происхождения товаров Евразийского экономического союза;

5) обеспечение защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе в сети Интернет;

6) обеспечение эффективной таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе посредством ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов;

7) осуществление скоординированных мер, направленных на предотвращение и пресечение оборота контрафактной продукции.

Выделение этих направлений сотрудничества выглядит вполне логичным, однако на практике возникает большое количество проблем, вызванных различием законодательства разных стран. Рассмотрим некоторые из них применительно к основным объектам промышленной собственности.

Изобретения

Объекты патентного права жестко привязаны к территории государства, поэтому, на первый взгляд, больших проблем с унификацией законодательства не возникает. Поскольку действие патента ограничено территорией страны, различия в регулировании в разных странах не

⁹ Воронцова Л. С. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Пилькина Н. Н. Указ. соч. С. 20.

¹¹ Воронцова Л. С. Указ. соч. С. 3.

имеют большого значения, поэтому международные соглашения в этой сфере играют особую роль. Как отмечал Л. А. Лунц, целью конвенций о международной защите изобретательства является правовое закрепление условий, облегчающих гражданам и юридическим лицам отдельных государств приобретение и защиту прав на изобретения на территории всех остальных стран — участниц соответствующей конвенции¹², но конвенции сами не предписывают странам-участницам, как охранять технические решения.

Единство патентования на территории евразийского пространства обеспечивается за счет механизма регионального патента — Евразийского патента. В свою очередь, концептуальное сходство используемых подходов, терминологии реализуется не только с помощью международных соглашений, но и в результате деятельности различных международных организаций.

Однако можно заметить появление в отдельных странах правовых конструкций, которые могут повлиять на систему правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности в целом. Например, в 1992 г. в законодательстве Республики Казахстан был введен институт предварительного патента. В марте 2007 г. предварительный патент был заменен инновационным патентом, который существовал до апреля 2015 г. Суть предварительного, а затем и инновационного патента в Казахстане заключалась в том, что они выдавались на изобретения и промышленные образцы без проведения экспертизы по существу, т.е. проводилась только формальная экспертиза — проверялось наличие документов на заявленный промышленный образец или изобретение. Таким образом, предварительный патент на изобретение и промышленный образец выдавался под риск и ответственность заявителя, который становился патентообладателем на 5 лет, но данный предварительный патент был высокорискованным, так как не проверялись условия патентоспособности заявленных объектов и любой другой правообладатель, в том числе иностранный патентообладатель, мог легко оспорить данный охраняемый документ. Если предварительный патент действовал до окончания своего срока без каких-либо претензий со стороны третьих лиц (правообладателей, в том числе иностран-

ных), обладатель предварительного патента мог подать заявку на получение полноценного патента на изобретение или промышленный образец.

Следует учитывать, что такая явочно-прове- рочная система имела целью облегчить процесс патентования ввиду недостатка квалифицированных специалистов, проводящих экспертизу, и незавершенности формирования полноценного патентного фонда.

Поэтому, когда сложности с подготовкой специалистов, проводящих экспертизу, и формированием патентного фонда были в основном преодолены, то недостатки предварительных и инновационных патентов — их высокорискованность — стали перевешивать плюсы. В результате в апреле 2015 г. в Казахстане окончательно исключили данный патент в качестве охранного документа на изобретение и промышленный образец.

Предварительный патент встречается в отдельных странах англосаксонской системы, но страны континентальной системы эту конструкцию не используют ввиду существенных рисков. Представляется, что в контексте формирования евразийского экономического пространства предварительные патенты, концептуально конфликтующие с моделью, использованной в странах континентальной системы, могут создать дополнительные риски ввиду получения возможности потенциального конфликта с евразийским патентом. Не оспаривая возможности существования конструкции предварительных патентов в отдельных странах, необходимо учесть возникающие риски.

Полезные модели

Полезная модель как объект признана далеко не во всех странах. Ситуация осложняется тем, что даже в странах евразийского пространства, охраняющих полезные модели, подходы к регулированию полезных моделей различаются достаточно сильно. Например, в части терминологии используются такие выражения, как «краткосрочный патент на изобретение» (Армения), «малый патент на изобретение» (Таджикистан) и «ограниченный патент на изобретение» (Туркменистан)¹³. В доктрине отмечалось,

¹² Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарк, 2002. С. 674.

¹³ Курман А. В., Андриевский Д. В., Заяц А. П. [и др.]. Научно обоснованные предложения по вопросу создания Евразийской системы правовой охраны полезных моделей. Отчет о научно-исследовательской

что одним из критериев патентоспособности полезных моделей в России определена мировая новизна, в Армении, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане — мировая новизна, за исключением сведений об их применении на территории каждого государства; в Азербайджане, Таджикистане и Туркменистане проверяется локальная новизна полезной модели¹⁴. В Российской Федерации и Республике Беларусь в качестве полезной модели охраняется устройство, в то время как в Республике Казахстан — также способ, вещество и применение¹⁵.

Различаются подходы по срокам действия патента, виде проводимой экспертизы и т.д.

Очевидно, что при таких сильных расхождениях в регулировании унификация законодательства в отношении полезных моделей может быть непростой задачей. Но заинтересованность стран в использовании полезных моделей также различается: например, если в 2023 г. в Российской Федерации было подано 9 742 заявки на полезную модель, в Республике Казахстан — 1 094, то в Кыргызской Республике — лишь 7 заявок¹⁶. В такой ситуации наиболее перспективным представляется не согласование норм о полезных моделях в разных странах, а создание самостоятельной системы евразийского патента на полезную модель.

Промышленные образцы

Промышленный образец пересекается по своему функционалу с объектами авторского права, поскольку они охватывают внешний вид определенного объекта, его дизайн. Очевидно, что кумуляция охраны, допускаемая правом России и ряда других стран, создает потенциальную конкуренцию между промышленными образцами и объектами авторского права. С учетом неизбежных различий законодательства стран очень важным становится существование меж-

дународных основ, обеспечивающих единство подходов в этой сфере.

В этом отношении следует отметить возможность получения евразийского патента на промышленный образец, который действует одновременно на территории ряда стран с учетом положений Протокола об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 09.09.1994¹⁷.

Насколько эффективна будет эта система? Т. М. Гончар считает, что «учреждение евразийской системы охраны промышленного образца на базе Евразийской патентной организации следует оценить как прогресс в деле создания регионального механизма оформления прав на этот объект промышленной собственности, поскольку в сравнении с другими регионами (например, Европа, Африка) по данному направлению государствами евразийского пространства не было достигнуто положительных результатов»¹⁸.

Однако надо признать, что ввиду конкуренции промышленного образца с объектами авторского права с точки зрения охраны внешнего вида изделия выбор этой формы охраны может оказаться не столь привлекательным, ведь авторско-правовая охрана приобретает бесплатно и действует гораздо дольше.

Надо учитывать также, что отсутствие единого реестра промышленных образцов в ЕАЭС создает риск параллельного существования в разных странах сходных промышленных образцов, зарегистрированных на имя разных правообладателей. В такой ситуации иногда проще воспользоваться бесплатным авторско-правовым механизмом, чем связываться с регистрацией, требующей времени и денежных расходов.

Дополнительные сложности создает и расхождение правил, относящихся к регистрации промышленных образцов. Так, «в одних государствах — членах ЕАЭС для признания использования в изделии охраняемого про-

работе. Минск, 2023. С. 36–37. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-nauchno-obosnovannye-predlozheniya-po-voprosu-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej.pdf?ysclid=ly46ft2o8z883127179>. дата обращения: 9 августа 2024 г.

¹⁴ Курман А. В., Андриевский Д. В., Заяц А. П. [и др.]. Указ. соч. С. 44–45.

¹⁵ Курман А. В., Андриевский Д. В., Заяц А. П. [и др.]. Указ. соч. С. 60.

¹⁶ Итоговый документ. Рекомендации участников XV Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». С. 33.

¹⁷ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34099796.

¹⁸ Гончар Т. М. Правовая охрана промышленных образцов в соответствии с протоколом об охране промышленных образцов к Евразийской Патентной конвенции 1994 г. // Сборник научных статей / гл. ред. С. Е. Чебуранова. Гродно : ГрГУ, 2020. Ч. 2. С. 165.

мысленного образца необходимо установление присутствия в изделии всех существенных признаков, представленных на изображении изделия, в других государствах могут быть использованы и другие элементы (например, часть существенных признаков, производящих одинаковое общее впечатление). Эти расхождения не смогут создать единообразие судебной практики»¹⁹.

Повышение привлекательности евразийского патента на промышленный образец требует совершенствования этого механизма.

Может быть развита и конструкция промышленного образца. Одним из дискуссионных направлений развития регулирования является введение незарегистрированного промышленного образца, примером чего на евразийском пространстве является законодательство Казахстана. Попробуем оценить, насколько перспективен этот механизм и меняет ли он ситуацию в сфере охраны интеллектуальной собственности в целом.

Идея охраны дизайна продукции без необходимости регистрации не нова. Потребность в такой охране существовала прежде всего в отраслях, предполагающих частую смену реализуемой на рынке продукции — можно вспомнить, например, французский закон об охране дизайна одежды 1952 г.

Но именно в последние несколько десятилетий законодательство о незарегистрированных промышленных образцах получило особое распространение, например, можно упомянуть Регламент Совета ЕС № 6/2002 от 12.12.2001 «О промышленных образцах Сообщества», Copyright, Designs and Patents Act 1988, действующий в Великобритании.

В литературе отмечалось, что основная ценность дизайна, на которую направлены старания автора, — общая концепция внешнего вида изделия, общее впечатление, на это и должна быть ориентирована правовая охрана. Именно эта особенность дизайна не позволяет говорить об эффективности авторско-правовой охраны,

которая запрещает воспроизведение изделия в полном объеме или его части, но не подражание ему. В отличие от этого охрана дизайна как промышленного образца нацелена на охрану общего впечатления, что позволяет бороться с подражанием.

Второй значительной особенностью общественного использования дизайна является быстрая утрата им актуальности. Соответственно, возникает идея дополнительно ввести и упрощенную систему охраны промышленных образцов. Так, в ЕС «появилась система охраны внешнего вида изделий, предусматривающая охрану как без регистрации, но на непродолжительный срок, с ограниченным объемом правомочий в рамках института незарегистрированного промышленного образца, так и с регистрацией, предоставляющей правообладателю традиционное исключительное право»²⁰.

Однако, облегчая охрану промышленных образцов, законодательство еще больше усиливает конкуренцию с авторским правом, в результате введение конструкции незарегистрированного промышленного образца только запутывает ситуацию.

А если посмотреть на модель незарегистрированного промышленного образца, реализованную в Великобритании, то разграничение сфер действия прав на такие объекты становится еще более сложным; неслучайно институт незарегистрированного промышленного образца оценивается в доктрине этой страны как замена «художественного» авторского права в отношении промышленной продукции и гибрид, демонстрирующий характеристики как авторского права, так и зарегистрированного промышленного образца²¹.

Следует обратить внимание, что в Казахстане категория незарегистрированного промышленного образца введена с 20 июня 2022 г. в рамках патентного права²². Промышленный образец, соответствующий требованиям новизны и оригинальности, может охраняться без регистрации и выдачи охранного документа в

¹⁹ Гончар Т. М. Указ. соч. С. 167.

²⁰ Николаева М. С. Незарегистрированный промышленный образец ЕС: перспективы введения аналогичного режима в России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 82–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezaregistrirovannyy-promyshlennyy-obrazets-es-perspektivy-vvedeniya-analogichnogo-rezhima-v-Rossii> (дата обращения: 09.08.2024).

²¹ Cornish W., Llewelyn D., Aplin T. Intellectual Property: Patents, Copyright, Trade Marks And Allied Rights. Sweet & Maxwell, 2010.

²² Закон Республики Казахстан от 20.06.2022 № 128-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства

течение трех лет с даты, когда промышленный образец впервые был обнародован (раскрыт) в Республике Казахстан (п. 1 ст. 34-1 Патентного закона РК²³).

Как отмечает М. С. Николаева, «режим правовой охраны дизайна представляет собой компромиссный вариант охраны между авторским и патентным правом. Он включает в свой состав черты как авторского права (а именно отсутствие требований к регистрации дизайна), так и патентного права, от которого заимствованы требования к объекту, а также более широкий объем охраны, в частности от имитации», а «исключительное право на незарегистрированный промышленный образец будет представлять собой ослабленное право»²⁴.

Но при сокращении срока охраны (до трех лет) меняется механизм приобретения права: отсутствие необходимости прохождения экспертизы упрощает приобретение права и открывает широкие возможности для злоупотреблений (которые, например, массово имели место, когда в РФ можно было получить патент на полезную модель без экспертизы по существу). В случае же когда регистрация отсутствует, появление претензии может стать неприятным сюрпризом для добросовестного пользователя.

Еще одной интересной особенностью режима незарегистрированного промышленного образца в Республике Казахстан является ограничение возможности защиты прав на такие объекты.

В соответствии с п. 5 ст. 34-1 Патентного закона РК владелец незарегистрированного промышленного образца вправе препятствовать действиям использования, указанным в п. 2 ст. 11 Закона, только если оспариваемое использование является следствием копирования его незарегистрированного промышлен-

ного образца. Оспариваемое использование не должно считаться следствием копирования незарегистрированного промышленного образца, если оно возникло в результате независимой работы по созданию другого промышленного образца автора, который может обоснованно считаться лицом, не владевшим сведениями об обнародованном промышленном образце²⁵.

Таким образом, режим незарегистрированного промышленного образца выглядит весьма спорным. С одной стороны, он облегчает охрану дизайнерских решений в сфере легкой промышленности. Даже в Великобритании, при всех очевидных недостатках избранного там варианта регулирования, отмечалось, что оно нашло применение в широком спектре отраслей, «и нельзя сказать, что оно бесполезно или даже не очень полезно для этих отраслей»²⁶. С другой стороны, характер охраны в рамках такой модели создает высокую неопределенность в охране этих объектов и порождает возможности для недобросовестного поведения, и представляется, что эти минусы перевешивают плюсы от введения упрощенной охраны дизайна.

В любом случае, необходимость разграничения этих объектов с традиционными промышленными образцами, а также с объектами авторского права становится серьезной проблемой для унификации законодательства на евразийском пространстве.

Товарные знаки

Товарные знаки, безусловно, являются важнейшим инструментом, обеспечивающим индивидуализацию товаров и услуг, и если компания стремится к ведению широкой экономической деятельности на территории стран евразийского

в сферах интеллектуальной собственности и оказания гарантированной государством юридической помощи» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000128> (дата обращения: 09.08.2024).

²³ Закон Республики Казахстан от 16.07.1999 № 427-І «Патентный закон Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991&pos=841;-34#pos=841;-34 (дата обращения: 09.08.2024).

²⁴ Николаева М. С. Незарегистрированный промышленный образец ЕС: перспективы введения аналогичного режима в России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezaregistrirovannyy-promyshlennyy-obrazets-es-perspektivy-vvedeniya-analogichnogo-rezhima-v-Rossii/viewer> (дата обращения: 24.09.2024).

²⁵ Закон Республики Казахстан от 16.07.1999 № 427-І «Патентный закон Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991&sub_id=34010000&pos=841;-33#pos=841;-33 (дата обращения: 09.08.2024).

²⁶ MacQueen H., Waelde C., Laurie G., Brown A. Contemporary Intellectual Property. Law and Policy. Oxford University Press, 2011. P. 353.

экономического пространства, то вопрос защиты товарных знаков выйдет для нее на одно из первых мест.

Единство регулирования в этой сфере и упрощение защиты интересов правообладателей строится на базе развития механизма товарного знака Евразийского экономического союза. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза, подписанный 3 февраля 2020 г. в Москве, вступил в силу 26 апреля 2021 г.

Важность этого шага отмечалась и в прессе: «Запуск региональной системы регистрации объектов интеллектуальной собственности в ЕАЭС позволит усилить интеграционный эффект объединения, в том числе в сфере развития предпринимательской деятельности, повысить конкурентоспособность национальных экономик стран союза, а также обеспечит дополнительную инвестиционную привлекательность рынка ЕАЭС. Применение договора приведет к сокращению временных и финансовых издержек на обеспечение правовой охраны, будет содействовать выводу на рынок союза товаров под евразийскими брендами»²⁷. Так, министр юстиции Республики Казахстан отметил, что целью документа является создание региональной системы регистрации и охраны товарных знаков и наименований мест происхождения товаров²⁸.

Началу функционирования этой системы препятствует ряд формальных сложностей, которые со временем, надеемся, будут разрешены. Очевидно, что препятствия лежат не столько в правовой, сколько в административной сфере. Но для того, чтобы данный инструмент хотя бы достиг по популярности евразийский патент, а лучше — превзошел его, еще нужно много сделать. В частности, важным шагом было бы создание единого ведомства по товарным знакам, но пока это не предусмотрено указанным договором.

В рамках исследования хотелось бы затронуть конфликт различных объектов, существующих в разных странах, в контексте применения законодательства о недобросовестной конкуренции.

Так, в Республике Казахстан появилась практика, в том числе судебная, признавать реги-

страцию товарных знаков недействительной со ссылкой на недобросовестную конкуренцию, причем это осуществляется в рамках предъявления административных исков в специализированном межрайонном административном суде г. Астаны (поскольку ответчиком выступает Министерство юстиции РК), хотя экспертизу проводил и регистрировал спорный товарный знак РГП на ПХВ «Национальный институт интеллектуальной собственности», являющийся самостоятельным юридическим лицом, тогда как иски подаются в адрес Министерства юстиции РК.

Иски подают правообладатели из России в случаях регистрации в Казахстане третьими лицами тождественных или сходных до степени смешения обозначений, что приводит к конфликту между российскими и казахстанскими товарными знаками.

Рассмотрим пример такого спора.

Истец ИП И. В. с 2001 г. изготавливает и продает металлические двери, фурнитуру и сопутствующие товары на территории РФ, производство находится в Республике Марий Эл, г. Йошкар-Ола. С 2010 г. И. В. маркирует изготовленную продукцию зарегистрированными в РФ товарными знаками: комбинированный товарный знак «Аргус», свидетельство № 418511 от 16.09.2010, словесный товарный знак «Аргус» № 568971 от 12.04.2016 и комбинированный товарный знак № 570318 от 05.04.2016.

При распространении на территории Республики Казахстан охраны комбинированного товарного знака по международной заявке № 1508801 в отношении товаров 6-го класса МКТУ И. В. было отказано в связи с зарегистрированным за ЗАО «С» словесным товарным знаком № 69747 ARGUS (дата приоритета — 1 июля 2019 г.). 26 апреля 2021 г. решением № 39/2021 Апелляционного совета Министерства юстиции РК было отказано в удовлетворении возражения против регистрации товарного знака ARGUS по свидетельству РК № 69747 в отношении 6-го класса МКТУ.

Истец обратилась в суд с иском, мотивируя, что при рассмотрении ее возражений Апелляционный совет Министерства юстиции РК не дал правовую оценку всем обстоятельствам,

²⁷ URL: <https://kapital.kz/economic/95234/dogovor-o-tovarnykh-znakakh-yeaes-vstupil-v-silu.html> (дата обращения: 09.08.2024).

²⁸ URL: <https://kz.kursiv.media/2021-03-03/mazhilis-odobril-sozdanie-sistemy-tovarnykh-znakov-eaes/> (дата обращения: 09.08.2024).

возражения против регистрации товарного знака были основаны на ложности и способности ввести потребителя в заблуждение относительно товара и его изготовителя. И. В. с 2006 г. является учредителем и директором ООО «А-В» с основным видом деятельности «Производство бронированных или армированных сейфов, несгораемых шкафов и дверей», а с 2012 г. изготавливает и поставляет через ООО «М» в Республику Казахстан продукцию, маркированную обозначением ARGUS.

ЗАО «С» не могло не знать о производстве в России дверей, выпускаемых в г. Йошкар-Оле. Так, аффилированное с ЗАО «С» лицо, ООО «Р С», в период с 2014 по 2017 г. регулярно приобретало в компаниях истца продукцию на сумму более 100 000 000 руб.

Суд согласился с доводами истца, что в оспариваемом решении ее возражения фактически не были рассмотрены, представленным доказательствам надлежащая правовая оценка дана не была. Согласно ст. 6 bis Парижской конвенции страны, к которым применяется Конвенция, обязуются по ходатайству заинтересованного лица признавать недействительной регистрацию товарного знака, представляющего собой воспроизведение, имитацию или перевод другого знака, способные вызвать смешение со знаком, который по определению компетентного органа страны регистрации или страны применения уже является в этой стране общеизвестным и используется для идентичных или подобных продуктов. Учитывая вышеизложенное, суд удовлетворил иск И. В.²⁹ Апелляционная и кассационная инстанции оставили решение суда первой инстанции в силе³⁰.

На данном примере становится понятным, что многие суды Республики Казахстан рассматривают такие случаи в качестве недобросовестной конкуренции. В свою очередь, НИИС как экспертная организация в РК руководствуется принципом территориальной охраны товарного знака, т.е. принимает решение независимо от того, что сходный товарный знак уже зарегистрирован в другой стране.

Таким образом, в Казахстане происходит столкновение законодательства о недобросовестной конкуренции и законодательства о

товарных знаках, базирующегося на принципе территориальной охраны объектов.

Широкое применение законодательства о недобросовестной конкуренции применительно к товарным знакам создает ситуацию, когда на едином экономическом пространстве будет существовать возможность столкновения товарных знаков, зарегистрированных в разных странах. Представляется, что этот вопрос требует скорейшего разрешения.

Вступление 26 апреля 2021 г. в силу Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза, который предусматривает создание Единого реестра товарных знаков ЕАЭС, может облегчить ситуацию, но очевидно, что это только часть решения.

Наименования мест происхождения товаров, географические указания

Среди средств индивидуализации особое место занимают наименования мест происхождения товаров и географические указания. Договором о ЕАЭС охватываются оба этих объекта, однако их разграничение остается весьма нечетким.

Если наименования мест происхождения товаров уже хорошо известны в России, то географические указания появились совсем недавно — в 2018 г. Аналогичная ситуация сложилась и в Республике Казахстан — географические указания были введены в Гражданский кодекс лишь с 20 июня 2022 г.

В статье VI Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014) в качестве объектов интеллектуальной собственности предусмотрены географические указания. В частности, согласно п. 17 Протокола под географическим указанием понимается обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории государства-члена, региона или местности на этой территории, если качество, репутация или иные характеристики товара в значительной степени обусловлены его географическим происхождением.

²⁹ Решение Специализированного межрайонного административного суда города Нур-Султана от 24.09.2021 по делу № 7194-21-00-4/43 // Информационная система BestProfi.

³⁰ Постановление судебной коллегии по административным делам суда города Нур-Султана от 27.01.2022 № 7199-21-00-4а/367 ; постановление судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан от 04.08.2022 № 6001-22-00-6ап/402 // Информационная система BestProfi.

Добавление географических указаний в список охраняемых средств индивидуализации осуществлялось в Республике Казахстан по результатам подготовки аналитического обзора, проведенного ЕЭК³¹, в котором было рекомендовано включить данный институт в законодательства стран — членов ЕАЭС.

Определения наименования места происхождения товара и географического указания в законодательстве России и Республики Казахстан весьма близки.

Так, согласно п. 1 ст. 1516 ГК РФ географическим указанием, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара). На территории данного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара. Наименованием же места происхождения товара, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. На территории данного географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара.

Согласно пп. 3 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 26.07.1999 № 456-І «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров»³² географическое указание — обо-

значение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением. На территории данного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая существенное влияние на формирование его характеристик.

Исходя из пп. 11 той статьи наименование места происхождения товара — обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, населенного пункта, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. На территории данного географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара.

Таким образом, предлагается режим, дающий весьма жесткий контроль всех стадий производства товаров (наименование места происхождения товара), совмещать с облегченным режимом, предполагающим сниженный уровень требований (географическое указание).

Мнения по поводу такой конструкции расходятся достаточно сильно. Приведем лишь несколько позиций.

Э. А. Шахназарова пишет, что «в связи с многообразием содержащих указание на географическое происхождение товаров и услуг и свидетельствующих о связи их особых свойств, качества, репутации с географическим объектом средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана как на международном, так и на национальном уровне, и в связи с сохраняющейся терминологической неопределенностью в отношении подобных

³¹ Аналитический обзор в сфере интеллектуальной деятельности в государствах — членах Евразийского экономического союза // URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c9f/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-16.07.2020.pdf> (дата обращения: 09.08.2024).

³² URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203&pos=92;-84#pos=92;-84 (дата обращения: 09.08.2024).

обозначений, предлагается на доктринальном уровне ввести для них собирательный термин «географическое обозначение»³³. То есть автор, по сути, предлагает рассматривать как родовое понятие «географическое обозначение», выделяя в рамках данного института такие виды, как географическое указание и наименование места происхождения товаров.

Под географическим обозначением она предлагает понимать «средство индивидуализации, указывающее на происхождение товара из того или иного географического объекта, природными и людскими факторами которого обусловлены его особые свойства, качество, репутация. К географическим обозначениям предлагается отнести наименования места происхождения товаров и географические указания».

На первый взгляд, данные объекты имеют много сходных черт, что может заставить усомниться в самостоятельности географического указания и необходимости его отдельного существования.

В качестве критерия дифференциации наименований мест происхождения товаров и географических указаний Э. А. Шахназарова предлагает использовать «связь всех стадий (в случае с наименованиями места происхождения товаров) или определенной стадии производства товара (в случае с географическими указаниями) с географическим объектом». По ее мнению, «такой подход целесообразно использовать в российском законодательстве и национальных законодательствах других государств, предусматривающих или собирающихся ввести одновременную охрану и географических указаний, и наименований мест происхождения товаров.

При этом предлагается указанный критерий, реализованный в законодательстве ЕС применительно к сельскохозяйственной продукции и продуктам питания, распространить в национальных законодательствах, а также в российском законодательстве не только на сельскохозяйственную продукцию и продукты питания, но и на другие категории товаров с уточнения-

ми (как, например, сделано в Регламенте ЕС № 1308/2013, применительно к охране виноградных вин), учитывающими специфику этих товаров и основных стадий их производства для целей дифференциации географических указаний и наименований места происхождения товаров с тем, чтобы обеспечить охрану иным (в том числе непродовольственным) категориям товаров, поскольку дифференциация наименований мест происхождения товара и географических указаний по уровню связи производства товара с географическим объектом может применяться независимо от категории товара и сферы его использования»³⁴.

Предлагалось также скорректировать в законе определение географического указания следующим образом — рассматривать в качестве него «обозначение, служащее для идентификации товаров, происходящих из конкретной географической местности, природная среда которой либо ее этнографические факторы влияют на свойства и качества товара, создавая у потребителя устойчивую репутацию товара, обусловленную названными свойствами»³⁵. При этом под географическим указанием предлагалось понимать «два объекта, имеющих разные смысловые характеристики: указание места происхождения товара и наименование места происхождения товара».

Другие исследователи различают указание происхождения товара, наименование места происхождения товара и географическое указание и предлагают рассматривать географическое указание и наименование места происхождения товара «как образующие группу обозначений, индивидуализирующих товар, обладающий в большей или в меньшей степени особыми свойствами / качеством, обусловленными территорией его происхождения, в свою очередь, указание происхождения товара следует рассматривать как обозначение, идентифицирующее товар как происходящий с определенной территории без связи с особыми свойствами / качеством, репутацией»³⁶.

Особенности регулирования двух объектов выражаются также и в содержании исключи-

³³ Шахназарова Э. А. Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 14.

³⁴ Шахназарова Э. А. Указ. соч. С. 17–18.

³⁵ Тахиров Г. И. Совершенствование правовой охраны географических указаний в Республике Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

³⁶ Широкова О. Ю. Виды средств индивидуализации товара, происходящего с определенной территории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12–13.

тельного права на них. Однако если мы обратим внимание на то, как описывает эти средства индивидуализации российский Гражданский кодекс, то не увидим различий в том, какие права принадлежат правообладателю.

Аналогичная ситуация складывается и в Казахстане: статья 37 Закона РК «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров» предусматривает единые условия приобретения права и одинаковое содержание права в отношении как наименования места происхождения товара, так и географического указания.

Подводя итог, можно признать, что появление указания на эти объекты в законодательстве России, Казахстана и т.д. является шагом на пути к унификации законодательства, однако это должно подкрепляться и дифференциацией соответствующих правовых режимов; в противном случае такие действия будут не облегчать, а затруднять использование и защиту соответствующих объектов.

Распоряжение правами

Эффективность использования интеллектуальной собственности во многом зависит от регулирования распоряжения правами. Если распоряжение ограничено, это негативно влияет на ценность соответствующего права. Поэтому одно только признание права в другой стране может оказаться бесполезным, если оно не может быть в полной мере реализовано. А это означает, что необходимой частью обеспечения существования права на территории разных стран является унификация механизмов распоряжения правом.

В рамках евразийского экономического пространства различия в регулировании распоряжения правом весьма существенны; не совпадает даже перечень способов распоряжения, не говоря уже об учете особенностей распоряжения правом в информационно-коммуникационных сетях, о подходах к таким специфическим конструкциям, как открытые/свободные лицензии, смарт-контракты, цифровые права.

Рассмотрим, например, базовые различия в регулировании распоряжения правом в России и Республике Казахстан. Так, в соответствии с п. 1 ст. 965 ГК Республики Казахстан исключи-

тельные права на объект интеллектуальной собственности, если иное не предусмотрено кодексом или иными законодательными актами, могут быть переданы их правообладателем полностью или частично по договору другому лицу. В то время как в России в случае отчуждения исключительного права имеется в виду именно полная передача права, в Казахстане возможно как отчуждение права в полном объеме (с появлением нового правообладателя), так и частичное отчуждение исключительного права — одна часть правомочий исключительного права сохраняется за прежним правообладателем, а другая часть переходит к новому правообладателю, поскольку согласно казахстанской концепции и законодательству Казахстана исключительное право делимо, т.е. отчуждать (или передавать) исключительное право можно как полностью, так и частично³⁷.

Однако если в отношении охраны отдельных объектов работа по сближению законодательства идет (хотя и медленно), согласованию законодательства о распоряжении интеллектуальными правами внимания практически не уделяется. А без этого трудно рассчитывать на обеспечение условий для активного использования интеллектуальной собственности в рамках евразийского экономического пространства.

Защита прав

Перефразируя известное выражение, можно сказать, что всякое право лишь тогда чего-то стоит, если оно может быть защищено. Признание права в определенной стране не будет иметь особой ценности, если это право не будет защищено. И в этом отношении очень важно обеспечить, чтобы право на интеллектуальную собственность могло быть защищено на всей территории евразийского экономического пространства.

При этом стоит учитывать, что свободное движение товаров в рамках нескольких стран создает риск обхода требований закона за счет выбора удобного для лица места использования интеллектуальной собственности (это особенно актуально для информационно-телекоммуникационных сетей, но и для офлайн-мира сохраняет большое значение). В этом отношении важно не только признание прав на определен-

³⁷ Амангельды А. А. Правопреемство в сфере интеллектуальной собственности // Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 36.

ной территории, но и установление достаточных санкций за нарушение этих прав. Если нарушения не будут влечь для нарушителя адекватной ответственности, формальное признание права будет мало чего стоить.

В настоящее время в сфере ответственности можно заметить значительные различия в подходах в разных странах. Так, в России предусмотрена достаточно серьезная ответственность за нарушение интеллектуальных прав, но ряд других стран евразийского пространства идут по пути ослабления ответственности в этой сфере.

В частности, если за незаконное использование товарного знака в Российской Федерации предусматривается ответственность, в том числе в виде лишения свободы до 6 лет, то в Республике Казахстан максимальная ответственность составляет 20 суток ареста, а в Республике Армения — арест до 3 месяцев. На практике в Республике Армения, Республике Казахстан и Кыргызской Республике почти не применяется административная ответственность в данной сфере³⁸.

Еще одно важное направление сближения законодательства и усиления защиты интеллектуальной собственности — формирование специальных процессуальных механизмов, направленных на разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности.

Так, некоторые ученые, исследуя процессы региональной интеграции, предлагают сформировать общий процессуальный режим рассмотрения споров в отношении интеллектуальной собственности с опорой на институты евразийской интеграции по модели ЕАЭС (Евразийскую патентную организацию — по аналогии с европейским патентом с унитарным эффектом), поскольку в его отсутствие развивается фрагментация правовых режимов в рамках регионального интеграционного образования³⁹. В современной литературе отмечалось, что «рассмотрение споров единой инстанцией будет способствовать единообразию правоприменения. Создание евразийской юрисдикции для рассмотрения споров об оспаривании и прекращении правовой охраны объектов ин-

теллектуальной собственности может повлечь заимствование практических подходов, применяемых региональным судом, для целей предоставления правовой охраны и национальным объектам, а также рассмотрения споров, связанных с их правовой охраной. Несмотря на принципиальную независимость национальной правовой системы, выработка унифицированных подходов международным судом может подтолкнуть процесс унификации законодательства и правоприменительной практики разных стран»⁴⁰.

В этом отношении важно формирование арбитражных механизмов разрешения споров. Арбитраж способен дать необходимую гибкость в разрешении споров, учесть особенности, существующие в каждой стране, и в то же время выработать единые подходы к разрешению споров (при обеспечении независимости судебных систем разных стран). Кроме того, как отмечалось в доктрине, международный арбитраж обладает рядом уникальных особенностей, которые делают его подходящей альтернативой для разрешения споров в области интеллектуальной собственности по сравнению с судебным разбирательством⁴¹.

Заключение

Евразийское региональное сотрудничество имеет положительное значение для развития общего рынка, в котором оборот интеллектуальной собственности занимает важное место, и тенденция к гармонизации законодательств государств — участников ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности стимулирует развитие этого рынка.

Вместе с тем на пути к гармонизации национальных законодательств государств ЕАЭС возникает немало сложных задач, требующих учета интересов указанных государств, участников гражданского оборота, оценки направлений развития экономического сотрудничества и выбора оптимальных моделей регулирования в сфере интеллектуальной собственности.

³⁸ Аналитический обзор в сфере интеллектуальной деятельности в государствах — членах Евразийского экономического союза // URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c9f/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-16.07.2020.pdf>. С. 46.

³⁹ Галиакберов А. С. Указ. соч. С. 12–13.

⁴⁰ Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе / под ред. Г. П. Ивлева и Т. Н. Нешатаевой. М. : Городец, 2024. С. 186.

⁴¹ Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе. С. 161.

Представляется, что следует перейти от работы над сближением законодательства по отдельным, пусть и важным вопросам к системной гармонизации законодательства. Говорить о реальной охране объекта можно, лишь если нормы о соответствующем институте будут дополняться согласованием терминологии, процессуальных норм, административного и уголовного законодательства.

Пример других стран показывает сложности, с которыми сталкивается унификация законодательства в области патентного права. При этом развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности должно направляться актуальными экономическими процессами и отражать экономические потребности участников экономического оборота на евразийском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амангельды А. А. Правопреемство в сфере интеллектуальной собственности // Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 26–36.
- Богуславский М. М. Международное частное право. М. : Международные отношения, 1994.
- Воронцова Л. С. Правовая модель евразийского патента и гармонизация патентного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
- Галиакберов А. С. Международно-правовая охрана изобретений, полезных моделей и промышленных образцов на региональном уровне : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
- Гончар Т. М. Правовая охрана промышленных образцов в соответствии с протоколом об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции 1994 г. // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика : закономерности и тенденции развития : сборник научных статей / гл. ред. С. Е. Чебуранова. Ч. 2. Гродно : ГрГУ, 2020.
- Городов О. А. Право промышленной собственности : учебник. М. : Статут, 2011.
- Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Частное право: обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и коммерциализации прав на них в ЕАЭС // Lex russica. 2021. № 11. С. 9–16.
- Калятин В. О. О некоторых тенденциях развития международного регулирования в сфере интеллектуальной собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 76–96.
- Курман А. В., Андриевский Д. В., Заяц А. П. [и др.]. Научно обоснованные предложения по вопросу создания Евразийской системы правовой охраны полезных моделей. Отчет о научно-исследовательской работе. Минск, 2023. URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-nauchno-obosnovannye-predlozheniya-po-voprosu-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej.pdf?ysclid=ly46ft2o8z883127179>.
- Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. М. : Спарк, 2002.
- Минакова А. И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца // URL: <http://ipcmagazine.ru/patent-law/issues-intersection-legal-regimes-work-of-design-and-industrial-design>.
- Николаева М. С. Незарегистрированный промышленный образец ЕС: перспективы введения аналогичного режима в России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 82–83.
- Пилькина Н. Н. Европейская и евразийская региональные патентные системы (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
- Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе / под ред. Г. П. Иванова и Т. Н. Нешатаевой. М. : Городец, 2024.
- Тахиров Г. И. Совершенствование правовой охраны географических указаний в Республике Таджикистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- Шахназарова Э. А. Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
- Широкова О. Ю. Виды средств индивидуализации товара, происходящего с определенной территории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
- Cornish W., Llewelyn D., Aplin T. Intellectual Property: Patents, Copyright, Trade Marks And Allied Rights. Sweet & Maxwell, 2010.
- MacQueen H., Waelde C., Laurie G., Brown A. Contemporary Intellectual Property. Law and Policy. Oxford : Oxford University Press, 2011.

REFERENCES

- Amangeldy AA. Succession in the field of intellectual property. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2024;3:26-36. (In Russ.).
- Boguslavsky MM. Private international law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1994. (In Russ.).
- Cornish W, Llewelyn D, Aplin T. Intellectual Property: Patents, Copyright, Trade Marks and Allied Rights. Sweet & Maxwell; 2010.
- Galiakberov AS. International legal protection of inventions, utility models and industrial designs at the regional level. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2014. (In Russ.).
- Gonchar TM. Legal protection of industrial designs in accordance with the protocol on the protection of industrial designs to the Eurasian Patent Convention of 1994. In: Cheburanova SE (ed.). Legal science, legislation and law enforcement practice: patterns and development trends: Collection of research articles. Part 2. Grodno: GRSU; 2020. (In Russ.).
- Gorodov OA. Industrial property law. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
- Ivlev GP, Neshataeva TN (eds.). Resolution of intellectual property disputes in the Eurasian region. Moscow: Gorodets Publ.; 2024. (In Russ.).
- Ivlev GP, Egorova MA. Ensuring Legal Protection of the Results of Intellectual Activity and the Commercialization of Rights to Them in the EAEU. *Lex russica*. 2021;11:9-16. (In Russ.).
- Kalyatin VO. On some trends in the development of international regulation in the field of intellectual property. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017;8:76-96. (In Russ.).
- Kurman AV, Andrievsky DV, Zayats AP, et al. Scientifically based proposals on the creation of the Eurasian system of legal protection of utility models. Research report. Minsk; 2023. Available at: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-nauchno-obosnovannye-predlozheniya-po-voprosu-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej.pdf?ysclid=ly46ft2o8z883127179> (Accessed 03.11.2024). (In Russ.).
- Luntz LA. Course in Private International Law. In 3 vols. Moscow: Spark Publ.; 2002. (In Russ.).
- MacQueen H, Waelde C, Laurie G, Brown A. Contemporary Intellectual Property. Law and Policy. Oxford: Oxford University Press; 2011.
- Minakova AI. Issues of intersection of legal regimes of design and industrial design. Available at: <http://ipcmagazine.ru/patent-law/issues-intersection-legal-regimes-work-of-design-and-industrial-design>. (Accessed 03.11.2024). (In Russ.).
- Nikolaeva MS. Unregistered EU industrial model: prospects for introducing a similar regime in Russia. *Gaps in Russian Legislation*. 2015;5:82-83. (In Russ.).
- Pilkina NN. European and Eurasian regional patent systems (comparative legal analysis). Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2007. (In Russ.).
- Shakhnazarova EA. Protection of means of individualization containing an indication of the geographical origin of goods in private international law. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2019. (In Russ.).
- Shirokova OYu. Types of means of individualization of goods originating from a certain territory. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2016. (In Russ.).
- Takhirov GI. Improving the legal protection of geographical indications in the Republic of Tajikistan. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2004. (In Russ.).
- Vorontsova LS. Legal model of the Eurasian patent and harmonization of patent legislation. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 1996. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калятин Виталий Олегович, кандидат юридических наук, доцент, профессор Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации; доцент департамента цифровых технологий и биоправа факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
Vitaliy.Kalyatin@rusnano.com

Амангельды Айжан Амангельды кызы, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета Кунаева; научный сотрудник Научно-исследовательского центра

Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Макана Есбулатова
д. 29, Утепова ул., г. Алматы 050060, Республики Казахстан

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaliy O. Kalyatin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Alexeev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Digital Technology and Biolaw, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Ayzhan A. Amangeldy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law Disciplines, Kunaev University; Researcher, Research Center, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Makan Esbulatov, Almaty, Republic of Kazakhstan

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 10.04.2024.

Revised 14.10.2024.

Accepted 15.10.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.050-062

И. В. ШестеряковаМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовое регулирование трудовых отношений инвалидов в странах БРИКС

Резюме. По данным ООН, более одного миллиарда людей на планете — это люди с инвалидностью, что составляет примерно 15 % всего населения. Высокий процент населения с инвалидностью и в странах БРИКС. Люди с ограниченными возможностями в странах БРИКС принадлежат к группе тех, кто нуждается в особой заботе государства и предоставлении дополнительных гарантий и льгот, в том числе трудовых. Понятие человека с инвалидностью в законодательстве стран БРИКС с течением времени менялось. Как показывает практика последних лет, в наших странах сегодня можно наблюдать единообразие по некоторым вопросам правового регулирования труда инвалидов. Все рассматриваемые страны ратифицировали Конвенцию ООН о правах инвалидов и имплементировали ее в национальное законодательство. Однако проблемы реализации норм о правовом регулировании труда инвалидов остались, требуют дальнейшего решения. Очевидно, что дальнейшая интеграция и совместное развитие стран БРИКС поможет в их преодолении.

Ключевые слова: труд; трудовые отношения; БРИКС; трудовой договор; инвалид; работник; работодатель; законодательство о труде

Для цитирования: Шестерякова И. В. Правовое регулирование трудовых отношений инвалидов в странах БРИКС. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 50–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.050-062

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Regulation of Employment Relations of the Disabled Workers in the BRICS Countries

Irina V. ShesteryakovaKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. According to the UN, more than one billion people in the world are people with disabilities, which is approximately 15 per cent of the total population. The number of the population with disabilities is also high in the BRICS countries. People with disabilities in the BRICS countries belong to the group of those who need special state care and the provision of additional guarantees and benefits, including labor relations. The concept of a person with a disability in the legislation of the BRICS countries has changed over time. As the practice of recent years shows, in our countries today one can observe uniformity on some issues of legal regulation of the work of disabled people. All countries in question have ratified the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities and implemented it into national law. However, the problems of implementing the norms on the legal regulation of the labor of disabled people remain, and they require further solutions. Obviously, further integration and joint development of the BRICS countries will help in overcoming them.

Keywords: employment; employment relations; BRICS; employment contract; disabled person; employee; employer; labor legislation

Cite as: Shesteryakova IV. Legal Regulation of Employment Relations of the Disabled Workers in the BRICS Countries. *Lex russica*. 2024;77(11):50-62. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.050-062

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

© Шестерякова И. В., 2024.

Введение

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года¹ определяет вектор развития объединения БРИКС и задает рамочные основы сотрудничества «пятерки» в соответствии с текущими экономическими тенденциями и условиями. В сфере развития человеческого потенциала предусмотрено установление адекватного уровня минимальной заработной платы в каждой из стран БРИКС в целях искоренения бедности и обеспечения приемлемых условий жизни работников. В последние несколько лет страны БРИКС активно наращивают взаимодействие в различных сферах деятельности, в том числе и в сфере труда по вопросам платформенной занятости и трансформации трудовых отношений под воздействием технологических трендов, социальной защищенности и повышения культуры труда, снижения производственного травматизма, развития механизмов непрерывного образования и современных инструментов социальной политики. Поэтому автор рассматривает вопрос о правовом регулировании трудовых отношений инвалидов в указанных странах, чтобы выявить особенности, характерные черты, а также сходство в таком правовом регулировании, что поможет в дальнейшем взаимодействии между нашими странами, искоренении бедности и стигмы в отношении лиц с пониженной трудоспособностью.

Основная часть

Конвенция о правах инвалидов² предусматривает, что государства признают право инвалидов на труд наравне с другими; оно включает право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов.

Государства обеспечивают и поощряют реализацию права на труд, в том числе теми лицами, которые получают инвалидность во время

трудовой деятельности, путем принятия, в том числе в законодательном порядке, надлежащих мер, направленных, в частности, на следующее:

- запрещение дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда;

- защиту прав инвалидов наравне с другими на справедливые и благоприятные условия труда, включая равные возможности и равное вознаграждение за труд равной ценности, безопасные и здоровые условия труда, включая защиту от домогательств, и удовлетворение жалоб;

- обеспечение того, чтобы инвалиды могли осуществлять свои трудовые и профсоюзные права наравне с другими;

- наделение инвалидов возможностью эффективного доступа к общим программам технической и профессиональной ориентации, службам трудоустройства и профессиональному и непрерывному обучению;

- расширение на рынке труда возможностей для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказание помощи в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы;

- расширение возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела;

- наем инвалидов в государственном секторе;

- стимулирование найма инвалидов в частном секторе с помощью надлежащих стратегий и мер, которые могут включать программы позитивных действий, стимулы и другие меры;

- обеспечение инвалидам разумного приспособления рабочего места;

- поощрение приобретения инвалидами опыта работы в условиях открытого рынка труда;

- поощрение программ профессиональной и квалификационной реабилитации, сохранения рабочих мест и возвращения на работу для инвалидов.

¹ URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

² Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006). Россия подписала данный документ (распоряжение Президента РФ от 05.08.2008 № 450-рп). Документ вступил в силу 3 мая 2008 г. (СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468).

³ Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

Конвенция о правах инвалидов особо обращает внимание на то, чтобы инвалиды не содержались в рабстве или в подневольном состоянии и были защищены наравне с другими от принудительного или обязательного труда (ст. 27).

Актуален вопрос о правовом регулировании труда лиц с пониженной трудоспособностью (инвалидов). Инвалидность может наступить в результате различных причин, а особенности правового регулирования распространяются на всех работников с пониженной трудоспособностью. О важности этого вопроса говорит и тот факт, что в Федеральном законе «О занятости населения в Российской Федерации»³ содержится отдельная глава 7 «Содействие занятости инвалидов». Кроме того, в ст. 2 данного Закона в числе граждан, испытывающих трудности в поиске работы, первыми указаны инвалиды. В самом законе инвалиды упоминаются 107 раз.

По данным Росстата⁴, на 26 апреля 2024 г. в России 11 млн инвалидов, более 4 млн из них инвалиды трудоспособного возраста, но работают только немногим более 1 млн человек. Уровень безработицы среди инвалидов всегда выше, чем в других группах населения.

Правовое регулирование трудовых отношений инвалидов в Российской Федерации

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов»⁵ закрепляет, что инвалид — лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Ограничение жизнедеятельности — полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять са-

мообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью. В зависимости от степени расстройства функций организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид»⁶. Особенности правового регулирования труда инвалидов — это нормы специальные, так как применяются к субъекту, имеющему ограничения по состоянию здоровья.

К ведению федеральных органов государственной власти в области социальной защиты инвалидов относится в том числе определение основных требований к оснащению (оборудованию) специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности. Такие требования утверждены Министерством труда и социальной защиты РФ⁷.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации в области социальной защиты и социальной поддержки инвалидов имеют право содействия трудовой занятости инвалидов, в том числе стимулирования создания специальных рабочих мест для их трудоустройства, а также определения порядка проведения специальных мероприятий для предоставления инвалидам гарантий трудовой занятости. С 2023 г. регистрация решений о признании гражданина инвалидом, в том числе об отнесении к категории «ребенок-инвалид», осуществляется в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере».

Там же отображена информация о степени утраты трудоспособности инвалида. Учреждения медико-социальной экспертизы определяют степень утраты профессиональной трудоспособности инвалида и выдают ему

⁴ Положение инвалидов // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 11.10.2024).

⁵ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1480-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Печникова Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 195 и частью второй статьи 391.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьями 1, 7 и 8 Федерального закона “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Приказ Минтруда России от 19.11.2013 № 685н «Об утверждении основных требований к оснащению (оборудованию) специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности» // Российская газета. № 83. 11.04.2014.

соответствующее заключение, а также индивидуальную программу реабилитации. С 2023 г. в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» введена новая статья 9.1 «Сопровождаемое проживание инвалидов», где предусмотрено, что это комплекс мер, направленных на обеспечение проживания в домашних условиях инвалидов старше 18 лет, неспособных вести самостоятельный образ жизни без помощи других лиц, а также на повышение способности таких инвалидов к самообслуживанию и удовлетворению основных жизненных потребностей (осуществлению трудовой и иной деятельности, досугу и общению). Такое сопровождение включает услуги ассистента (помощника), оказывающего персональную помощь инвалидам в передвижении, получении информации, ориентации и коммуникации, в том числе при получении образования, осуществлении трудовой деятельности и получении социальных услуг.

Инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости путем проведения специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда: организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов (трудовой деятельности инвалидов трудоспособного возраста, в том числе на специальных рабочих местах, осуществляемой с помощью других лиц); предоставления инвалидам мер государственной поддержки в сфере занятости населения.

С ноября 2023 г. действует приказ Минтруда России от 09.08.2023 № 652н «Об утверждении порядка организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов»⁸. Новая статья 20.1 Федерального закон «О социальной защите инвалидов» ввела новое понятие «социальная занятость инвалидов» — деятельность инвалидов, не являющихся занятыми в

соответствии с законодательством Российской Федерации о занятости населения в связи с имеющимися у них значительно выраженными ограничениями способности к трудовой деятельности и способных к осуществлению несложных (простых) видов деятельности исключительно с помощью других лиц. Социальная занятость инвалидов направлена на социальную адаптацию и вовлеченность инвалидов в жизнь общества, осуществляется с согласия инвалидов на возмездной или безвозмездной основе⁹.

Работодатели несут административную ответственность за обеспечение занятости инвалидов. Так, работодатели обязаны создавать инвалидам, принятым на работу, необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида. С 1 сентября 2024 г. действует постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов»¹⁰. Работодателям, у которых численность работников превышает 35 человек, нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов — от 2 до 4 % от среднесписочной численности работников¹¹.

В Трудовом кодексе РФ также предусмотрены специальные нормы о труде инвалидов. Например, согласно ст. 65 ТК РФ при трудоустройстве инвалид предоставляет индивидуальную программу реабилитации. Однако предоставление таких документов не обязанность, а право инвалида. Если он не претендует на предоставление гарантий, установленных ТК РФ, то предоставлять программу реабилитации не нужно. Такую позицию подтвердил и Верховный Суд РФ¹².

Для работников-инвалидов I и II группы действующее трудовое законодательство уста-

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.10.2023.

⁹ С сентября 2023 г. действует приказ Минтруда России от 28.07.2023 № 605н «Об утверждении примерного порядка организации социальной занятости инвалидов» (официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 28.08.2023).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов» (вместе с Правилами выполнения работодателем квоты для приема на работу инвалидов, Правилами заключения соглашения о трудоустройстве инвалидов) // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. I). Ст. 3187.

¹¹ Подробнее см.: приказ Минтруда России от 09.08.2024 № 399 «Об утверждении методических рекомендаций по установлению нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации квоты для приема на работу инвалидов» // Официальные документы в образовании. 2024. № 24, август. 2024.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.12.2019 № 78-КГ19-46 // СПС «КонсультантПлюс».

навливает сокращенное рабочее время (ст. 92 ТК РФ) — 35 часов в неделю. Инвалиды не допускаются к работе в ночное время, к сверхурочной работе привлекаются только с их письменного согласия и если это не противопоказано им по состоянию здоровья (ст. 96, 99 ТК РФ). Похожее правило и относительно привлечения к работе в выходной и нерабочий праздничный день (ст. 113 ТК РФ), а также направления в командировку (ст. 167 ТК РФ). Однако законодатель уточняет, что инвалиды должны быть под роспись ознакомлены с правом отказаться от работы в такой день.

Следует отметить, что 8 августа 2024 г. в ст. 115 внесены изменения, согласно которым работающим инвалидам предоставляется ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью не менее 30 календарных дней. С 1 сентября 2024 г. эта норма вступила в действие. Кроме того, по письменному заявлению работающего инвалида работодатель обязан предоставить ему до 60 дней в году отпуска без сохранения заработной платы. Инвалиды I группы имеют право на дополнительный отпуск продолжительностью до 14 календарных дней без сохранения заработной платы, если это предусмотрено коллективными договорами и соглашениями (ст. 263 ТК РФ). Дополнительные гарантии установлены для инвалидов Великой Отечественной войны и боевых действий по защите Отечества — они имеют право при сокращении численности или штата работников при равной производительности труда и квалификации на преимущественное оставление на работе.

Необходимо подчеркнуть, что работодатель обязан при приеме на работу инвалида или в случае признания работника инвалидом создать для него условия труда, в том числе производственные и санитарно-бытовые, в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида, а также обеспечить охрану труда (ст. 214, 216.1 ТК РФ). Такие нормы являются одной из мер

государственной поддержки инвалидов (ст. 37 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации»).

Правовое регулирование трудовых отношений в Китайской Народной Республике

Юлин Хао и Пэн Ли отмечают, что конфуцианство, будучи ядром китайской культуры, закрепляет, что идеальное общество — это то, в котором «старые, немощные, больные и инвалиды частично или полностью освобождены от социальных обязательств и о них заботится общество, которое приняло это как национальную руководящую философию страны»¹³.

Тем не менее в Китае до сих пор сильны предрассудки относительно людей с инвалидностью, как при приеме на работу, так и на рабочих местах. Проводившаяся ранее политика «одна семья — один ребенок» предусматривала возможность для пары иметь второго ребенка, если первый родился с инвалидностью. Это говорит о том, что инвалиды не могут считаться продуктивными членами общества. По мнению ученых, в разные годы понятие «инвалидность» в китайском языке звучало по-разному: поврежденный, раненный, бесполезный. В современной интерпретации термин не имеет уничижительного значения, а связан с болезненным состоянием. Однако опрос студентов показал, что инвалидность — одна из трех причин дискриминации при приеме на работу, а 14 % работодателей ответили, что не примут на работу человека с инвалидностью, потому что не считают его квалифицированным¹⁴.

В 1988 г. была создана Федерация инвалидов Китая (CDPF)¹⁵, целью которой является представительство и защита людей с ограниченными возможностями, предоставление услуг инвалидам, контроль за соблюдением законодательства об инвалидах. Федерация имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном совете ООН.

¹³ Hao Y., Li P. Employment Legal Framework for Persons with Disabilities in China: Effectiveness and Reasons // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020;17(14):4976. DOI: 10.3390/ijerph17144976. URL: https://www.researchgate.net/publication/342855619_Employment_Legal_Framework_for_Persons_with_Disabilities_in_China_Effectiveness_and_Reasons (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁴ Yang K. L., Tan H. E. Disability in the Workplace in China: Situation Assessment / Institute on Employment and Disability (YTI) at Cornell University's ILR School. 2018. P. 11.

¹⁵ Chinese Disabled Persons' Federation // URL: <https://socialprotection.org/connect/stakeholders/chinese-disabled-persons%E2%80%99-federation> (дата обращения: 10.11.2024).

Необходимость создания такой организации говорит тот факт, что в Китае более чем 83 млн человек с инвалидностью.

Согласно китайскому законодательству инвалидом считается человек, страдающий от аномалий, связанных с утратой определенного органа или функции организма, в психологическом или физиологическом плане или в анатомическом строении, и полностью или частично утративший способность выполнять какую-либо деятельность обычным способом.

Конституция КНР закрепляет, что государство и общество помогают слепым, глухим, немым и другим гражданам-инвалидам в устройстве на работу, получении средств на жизнь, получении образования (ст. 45).

Трудовой кодекс закрепляет защиту работников от дискриминации по различным основаниям (ст. 12).

В 1991 г. был принят Закон о защите инвалидов¹⁶, который установил дополнительные права и гарантии для лиц с ограниченными возможностями. В 2007 г. был принят Закон о занятости¹⁷, который направлен на дополнительное содействие занятости инвалидов, на устранение дискриминации при приеме на работу и впоследствии для этой категории работников. Так, статья 3 названного Закона предусматривает, что работники имеют право на труд на равных началах и на выбор работы по собственной инициативе в соответствии с законом, инвалиды, наряду со всеми остальными работниками, имеют равные возможности.

При трудоустройстве работники не должны подвергаться дискриминации по признаку этнического происхождения, расы, пола, религиозных убеждений и т.д., в том числе и инвалидности, государство гарантирует инвалидам право на труд (ст. 29). Статьей 17 устанавливается квота рабочих мест для инвалидов — 1,5 % от списочного состава работающих как на государственных, так и на частных предприятиях. Квота устанавливается региональными властями.

Работодатели обязаны создавать рабочие места, отвечающие требованиям состояния здоровья инвалидов (ст. 55).

В 2007 г. было принято и Положение о трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями¹⁸. В документе отмечается, что службы занятости должны помогать инвалидам с трудоустройством и заключением трудового договора, контролировать предоставление рабочего места, соответствующего состоянию здоровья инвалидов, предлагать программы профессионального обучения и переобучения.

Установлено, что работодатели, создающие достаточное количество рабочих мест для инвалидов, имеют право на налоговые льготы. В статье 22 Положения предусматривается создание организаций по трудоустройству инвалидов при Федерации инвалидов и ее органов на местах. Такие специализированные службы занятости оказывают бесплатно следующие услуги: информирование о состоянии рынка труда и вакансиях; профессиональную подготовку и переподготовку; профессиональную ориентацию; поиск подходящей работы; бесплатное предоставление юридической помощи при трудоустройстве и по трудовым спорам.

Для того чтобы дать возможность инвалидам работать, быть интегрированными в общество и трудовые коллективы, еще более чем в 50 законах Китая содержатся нормы о трудовых правах инвалидов. Кроме того, КНР ратифицировала Конвенцию МОТ № 159 о профессиональном обучении и трудоустройстве инвалидов (Женева, 1988), Конвенцию ООН о правах инвалидов (2008)¹⁹. С целью помощи таким работникам Правительством Китая была принята Программа по борьбе с бедностью граждан, проживающих в сельской местности (2010–2020 гг.) (отдельная глава посвящена инвалидам) и в Программе по борьбе с бедностью (1994–2000 гг.) целый раздел был посвящен инвалидам.

Лю Цзюньвэнь, генеральный директор Международного центра по сокращению бедности

¹⁶ China Disabled Persons' Federation. UPR Review on Disability Rights. China. Feb. 2009 // URL: <https://upr-info.org/sites/default/files/documents/2013-08/cdpfchnuprs42009chinadisabledpersons federation.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁷ Law of the People's Republic of China on Promotion of Employment // URL: <http://iolaw.org.cn/global/en/showNews.aspx?id=48232> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁸ Regulations on the Employment of Persons with Disabilities has been passed by the 159th meeting of the State Council Executive Committee, and is here by released, to take effect on May 1, 2007 // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/regulations-on-the-employment-of-persons-with-disabilities/> (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁹ ILO. Facts on People with Disabilities in China.

в Китае, отмечает: «Была разработана не только Программа по сокращению бедности, но и механизм мониторинга по отдельным группам населения, в том числе и инвалидам, по невозвращению к бедности. Это дало свои положительные результаты»²⁰.

Согласно статистическим данным, в 2023 г. более чем 9,06 млн людей с инвалидностью являются работниками²¹. Это не только работа по трудовому договору или квотируемые рабочие места. Речь идет о трудоустройстве в качестве самозанятых (Правительство Китая поощряет предпринимательство инвалидов и устанавливает для них льготный налоговый режим), работающих неполный рабочий день, а также по социальному контракту. Более половины — это работники, занятые в сельской местности, перерабатывающих отраслях.

По мнению экспертов МОТ²², в Китае уделяется большое внимание занятости инвалидов, однако по-прежнему требуются решения следующие вопросы:

— дискриминация при приеме на работу и на рабочем месте. Эта проблема в Китае стоит особо остро. Например, чтобы устроиться на государственную службу, необходимо пройти обязательный медицинский осмотр. Процедура прохождения медицинского осмотра очень сложная, и лицам, имеющим ограничения по состоянию здоровья в результате инвалидности, она практически недоступна. Поэтому для большинства инвалидов остается работа в неформальном секторе экономики с низкооплачиваемой и низкокачественной занятостью²³. Даже выпускники элитных университетов часто испытывают трудности с поиском работы из-за стигматизации вокруг их инвалидности²⁴;

— бедность инвалидов остается серьезной проблемой, требующей решения;

— работодатели предпочитают не брать на работу инвалидов по квоте, а заплатить штраф в Фонд занятости инвалидов. Прием на работу инвалида означает для работодателя заключение трудового договора не менее чем на один год. Кроме того, при увольнении работника, согласно Закону о трудовом договоре, работодатель должен сделать выплаты в Фонд социального страхования и жилищного обеспечения;

— люди с ограниченными возможностями испытывают трудности с трудоустройством, обучением, профориентацией, социальным обеспечением, это одна из самых уязвимых групп на рынке труда (высокий процент безработных инвалидов);

— низкий уровень заработной платы, следовательно, и уровень жизни;

— специализированные службы для трудоустройства инвалидов только начинают развиваться.

Правовое реагирование трудовых отношений инвалидов в Федеративной Республике Бразилии

Конституция Бразилии провозглашает право на труд и защиту всех граждан от дискриминации (ст. 3)²⁵.

Бразилия ратифицировала²⁶ Конвенцию ООН о правах инвалидов в 2008 г., и с 2009 г. документ вступил в силу. На основании этого международного акта в 2015 г. был принят Закон «О правах инвалидов»²⁷. Статья 5 этого акта запрещает дискриминацию инвалидов при приеме на работу и на рабочем месте. За-

²⁰ Junwen Liu. China: Strategies in Rural Development and Poverty Reduction // The Asean, 12 April 2022.

²¹ 544,000 people with disabilities newly employed in China in 2023 // URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202405/03/content_WS66349531c6d0868f4e8e6ad9.html (дата обращения: 10.11.2024).

²² Facts on People with Disabilities in China.

²³ Prohibiting Using the Health Examination Standard to Refuse Persons with Disabilities. Beijing Newspaper. Beijing, China, 2017.

²⁴ Yiwen Cai. How China's People With Disabilities Are Confronting the Future of Work // SIXRT Tone. Apr. 1, 2024. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1014882> (дата обращения: 10.11.2024).

²⁵ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11795> (дата обращения: 10.11.2024).

²⁶ Legislative Decree 186/2008.

²⁷ Law No. 13.146/2015 Statute of Persons with Disabilities // URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.ohchr.org%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2FDocuments%2FIssues%2FDisability%2FArticle8%2FBrazil.docx%23%3A~%3Atext%3DDue%2520to%2520the%2520foregoing%252C%2520Law%2520No.%252013.146%252F2015%252C%2520known%2Cto%2520assess%2520disability%252C%2520rather%2520than%2520just%2520medical%2520judgment.&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 10.11.2024).

кон устанавливает обязанность работодателя создать рабочие места, требуемые инвалиду по состоянию здоровья, а также выплачивать справедливую заработную плату.

В Бразилии принят Закон о квотировании рабочих мест для инвалидов²⁸. Назначение Закона было в том, чтобы облегчить инвалидам доступ на рынок труда, обеспечить достойную работу и возможность получать заработную плату. Однако, как и в других странах БРИКС, ученые ставят вопрос об эффективности таких мер²⁹.

Квота для трудоустройства инвалидов устанавливается на предприятиях с числом работающих не менее 100 человек в размере от 2 до 5 % списочного состава работающих³⁰. Исследования Бразильского института статистики показывают, что, несмотря на наличие квот и законодательство о гарантиях для инвалидов, большинство лиц с ограниченными возможностями остаются нетрудоустроенными.

Судебная практика показывает, что даже если инвалид обращается в суд за защитой его прав, суд становится на сторону работодателя, объясняя это сложностями при трудоустройстве таких граждан³¹. Работодатели готовы заплатить штраф в размере от 2 331,32 реалов (около 625 долл. США) до 233 130, 50 реалов (около 62 330,00 долл. США), чем принимать на работу инвалидов. Особенность таких штрафов заключается в том, что если компания продолжает нарушать законодательство о квотировании инвалидов, то их можно взыскивать каждый день.

Проблема дискриминации инвалидов в Бразилии обсуждалась экспертами МОТ еще в 2000 г.³² Тогда, по данным МОТ, доля дискри-

минации инвалидов среди остальных факторов дискриминации составляла 4 %. Эксперты МОТ отмечают, что Бразилии необходимо перейти на правозащитную модель в отношении инвалидов. Особую тревогу вызывает положение инвалидов среди коренных народов (они находятся в изоляции и иногда не имеют возможности трудиться), женщин и девочек с ограниченными возможностями, которые подвергаются насилию.

Необходимо отметить, что в Бразилии ряд иных законов также направлены на защиту от дискриминации инвалидов, например в аспекте доступности для них цифровой среды³³. В Законе «О доступности цифровой среды» отмечается, что сайты должны быть разработаны так, чтобы люди с ограниченными возможностями могли ими беспрепятственно пользоваться. Однако только 1 % из 20 млн зарегистрированных в Бразилии сайтов доступны таким гражданам для пользования³⁴. Ряд законов Бразилии направлены на предоставление инвалидам дополнительных информационных возможностей, например сурдопереводчики, возможность прослушать текст. Правительство разрабатывает программы (например, Национальный план действий в области прав человека «Жизнь без ограничений», 2015 г.) для широкого информирования о правах инвалидов, для предоставления льготного кредитования. На муниципальном уровне созданы советы по защите прав инвалидов.

Проанализировав законодательство Бразилии и мнения ученых³⁵, можно сделать вывод о том, что антидискриминационное законодательство в отношении трудовых прав инвалидов

²⁸ Law 8.213/1991.

²⁹ *Pereira Lima de Araújo Ana Cléssia, Santos Sampaio Maria Analice D., Martins Costa Edward, Khan Ahmad Saeed, Costa Guilherme Irffi & Rayssa Alexandre*. The quotas law for people with disabilities in Brazil: is it a guarantee of employment? // *International Review of Applied Economics*. 2021, DOI: 10.1080/02692171.2021.1962257. URL: https://repositorio.ufc.br/bitstream/riufc/60695/1/2021_art_acplaraujo.pdf.

³⁰ Brazil's Law No. 8213 of 24 July 1991.

³¹ Закон 9263/1996 устанавливает, что дети и взрослые с какой-либо формой инвалидности, дееспособность которых ограничена, могут подвергаться стерилизации без их свободного и осознанного согласия. При приеме на работу таких инвалидов работодатель требует предоставления справки о стерилизации.

³² Individual Case (CAS) — Discussion: 2000, Publication: 88th ILC session (2000) // URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:13101:0::NO:13101:P13101_COMMENT_ID:3417489.

³³ LBI 13.146/2015.

³⁴ Digital Accessibility and Inclusion in Brazil — Brazilian Inclusion Law (LBI 13.146.2015) // URL: <https://www.skynettechnologies.com/blog/digital-accessibility-brazil#:~:text=In%20Brazil%2C%20the%20Accessibility%20Law,accessible%20to%20individuals%20with%20disabilities> (дата обращения: 10.11.2024).

³⁵ Например: *Maia Gori A., Garcia Vinicius G*. Labor market impacts of employment quotas for the disabled in Brazil // *Economia Aplicada*. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 33–70 ; *Berlinski S., Gagete-Miranda J*. Enforcement

хотя и было принято, но не принесло необходимых результатов. Гораздо более эффективными можно назвать меры по установлению квот для инвалидов при приеме на работу (хотя и в этом отношении есть проблемы).

Правовое регулирование трудовых отношений инвалидов в ЮАР

Конституция ЮАР (1996)³⁶ провозглашает, что все граждане имеют равные права и право на защиту своих прав. Устанавливается запрет дискриминации по различным основаниям, в том числе по состоянию здоровья (ст. 9). Принудительный и рабский труд запрещен (ст. 13). Каждый имеет право на труд и справедливые условия труда (ст. 23).

Следует отметить, что ЮАР ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов в 2007 г., принимая на себя все обязательства, установленные в Конвенции.

В разные годы в законодательстве ЮАР существовали разные подходы к понятию инвалидности. Например, первоначально инвалидом признавалось лицо, имеющее дефекты состояния здоровья и нуждающееся в «заботе, сожалении». Позже появилось медицинское понятие, которое означало, что инвалид — это человек, который имеет различные отклонения в состоянии здоровья (слух, зрение, психическое здоровье, физические нарушения и др.) и нуждается в предоставлении медицинских услуг и лечении. Современное понятие «инвалид» понимает его не только как человека, нуждающегося в медицинской помощи и лечении, но и как человека, который является полноценным членом общества, обладает равными со всеми правами и обязанностями, имеет возможность трудиться и зарабатывать на жизнь для себя и членов семьи. В настоящее время понятие инвалидности также связано с без-

барьерной средой, пропагандой помощи и защиты инвалидов на всех уровнях.

Согласно последней переписи населения доля людей с ограниченными возможностями в ЮАР составляет 7,5 % от общей численности населения. Среди женщин инвалидов больше (8,3 %), чем среди мужчин (6,5 %). Статистические данные свидетельствуют о том, что в ЮАР, как и в других странах, инвалиды сталкиваются со следующими проблемами: отсутствие образования или недостаточно высокое образование, незнание своих прав, негативное отношение к ним в обществе; психологические барьеры — страх за свою жизнь; недоступность объектов инфраструктуры, нежелание работодателей создать рабочие места для таких людей.

В ЮАР действует Комиссар по защите прав людей с инвалидностью, который работает в структуре Уполномоченного по правам человека. Как отмечал Комиссар, особую тревогу вызывает соблюдение трудовых прав инвалидов в частном секторе, поэтому в 2015 г. было принято специальное руководство для работодателей³⁷. В этом документе также предусмотрена система мониторинга за соблюдением прав инвалидов. Работодатели обязаны проводить такой мониторинг и отчитываться Комиссару по защите прав людей с инвалидностью.

В ЮАР принято достаточное количество нормативных актов о защите прав инвалидов в различных отраслях: Закон о пожилых гражданах (Закон № 81 1967 г.); Закон о гигиене и безопасности труда (Закон № 85 1993 г.); Закон о трудовых отношениях (Закон № 66 1995 г.); Закон о домашнем насилии (Закон № 116 1998 г.); Закон о равенстве в сфере занятости (Закон № 55 1998 г.); Закон о доступе к информации (Закон № 2 2000 г.); Поправки 2002 г. к Закону о занятости населения (Закон № 10 2002 г.) и др.³⁸

Так, Закон о равенстве в сфере занятости³⁹ предусматривает, что для всех граждан должна быть обеспечена защита от дискриминации

Spillovers under Different Networks: The Case of Quotas for Persons with Disabilities in Brazil // URL: <https://publications.iadb.org/en/enforcement-spillovers-under-different-networks-case-quotas-persons-disabilities-brazil> (дата обращения: 10.11.2024).

³⁶ URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (дата обращения: 10.01.2024).

³⁷ Promoting the right to work of toolkit for the private sector persons with disabilities. Toolkit for the Private Sector // URL: <https://www.sahrc.org.za/home/21/files/SAHRC%20Disability%20toolkit%20FOR%20CD.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

³⁸ Policy on disability. Department of Social Development // URL: https://www.westerncape.gov.za/assets/departments/social-development/national_disability_policy.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

³⁹ South Africa: Consolidated Acts. Employment Equity Act 1998 // URL: https://www.saflii.org/za/legis/consol_act/eea1998240/ (дата обращения: 10.11.2024).

(прямой и косвенной) при приеме на работу и впоследствии, право на свободный доступ на рынок труда без какой бы то ни было дискриминации. Данный Закон в ст. 1 «Основные определения» выделяет женщин и лиц с пониженной трудоспособностью в группу граждан, особо нуждающихся в защите. Инвалид понимается как человек, имеющий стойкие или повторяющиеся физические или психические нарушения, которые существенно ограничивают его возможности трудоустройства или продвижения по работе. Работодатель должен создать соответствующее рабочее место для лица с ограниченными возможностями, предоставить возможности для обучения и переобучения (ст. 15).

Каждый работодатель разрабатывает и реализует мониторинг обеспечения равенства в сфере занятости на его предприятии (не менее чем на один год и не дольше пяти лет), а также отчитывается о соблюдении критериев такого мониторинга (ст. 20). Такие отчеты официально публикуются, к ним обеспечивается свободный доступ. Равенство касается условий и оплаты труда всех работающих в организации, в том числе инвалидов. О серьезности вопросов равноправия в сфере занятости говорит и тот факт, что на государственном уровне создана и работает Комиссия по вопросам равноправия в сфере занятости.

Закон о трудовых отношениях⁴⁰ предусматривает, что все его положения распространяются на инвалидов, как и на других граждан. В статье 185 дается определение незаконного увольнения, где также установлено, что незаконным считается увольнение работника по причинам инвалидности. Такое увольнение не только незаконное, но и дискриминационное. Особо отмечается, что дополнительными гарантиями пользуются работники, которые получили травму на производстве, в результате чего наступила инвалидность.

Отдельно хотелось бы рассмотреть некоторые положения такого нормативного акта ЮАР, как Кодекс добросовестной практики в сфере равной оплаты за труд равной ценности. Целью его принятия было разъяснение для работодателей применения такого международного принципа, как равная оплата за труд равной ценности, реализация этого принципа особенно касается инвалидов.

Национальная стратегия ЮАР в отношении лиц с ограниченными возможностями обращает внимание на то, что в более уязвимом положении среди инвалидов по-прежнему остаются: женщины и девочки с отклонениями в интеллектуальном развитии; инвалиды пожилого возраста; женщины-инвалиды, инвалиды, работающие и проживающие в сельской местности; группы инвалидов с особыми потребностями⁴¹.

Таким образом, в ЮАР создана необходимая законодательная база для защиты трудовых прав инвалидов, но на практике есть нарушения и отступления от рассматриваемых законов. Ситуация на рынке труда в отношении инвалидов остается очень сложной, что отмечается исследователями⁴². Работодатели неохотно создают или меняют рабочие места с учетом потребностей инвалидов. Это всего 1,2 % от необходимого количества рабочих мест.

Правовое регулирование трудовых отношений инвалидов в Индии

Согласно статистическим данным, в Индии около 30 млн людей с ограниченными возможностями, 13 млн из них являются трудоспособными и только 3,4 млн человек трудоустроены с помощью государственных органов занятости, но не в государственном секторе, а частном или являются самозанятыми⁴³.

⁴⁰ South Africa: Consolidated Acts. Labour Relations Act 1995 // URL: <https://www.saflii.org/za/legis/consolidated/act/lra1995188/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴¹ Promoting the self-determination of people with disabilities // URL: <https://www.independentliving.org/docs5/SANatIDisStrat6.html>.

⁴² Например: Charles W. P., Gie L., Musakuro R. N. Barriers to the employability of people with disabilities in the South African public service. 2023, July 17. DOI: 10.4102/ajod.v12i0.1178. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10713490> ; Tinta N., Steyn H., Vermaas J. Barriers experienced by people with disabilities participating in income-generating activities. A case of a sheltered workshop in Bloemfontein, South Africa // African Journal of Disability (Online). Vol. 9. Durbanville 2020. URL: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2226-72202020000100016.

⁴³ Soman Preetha, Manjooran Aishwarya. Disability inclusion in the workplace: the evolving landscape in India // URL: <https://www.ibanet.org/disability-inclusion-workplace-india>.

Конституция Индии⁴⁴ закрепляет равенство всех перед законом и судом (ст. 14), а также запрет дискриминации по различным основаниям, в том числе инвалидности (ст. 15). В статье 16 Конституции закреплено равенство всех при трудоустройстве и на рабочем месте, а также в продвижении по службе.

В 2016 г. в Индии был принят Закон «О правах инвалидов»⁴⁵, что стало развитием ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов. Закон устанавливает 21 тип инвалидности, охватывая умственные и физические нарушения (например, слепота; слабое зрение; нарушение слуха; люди, излечившиеся от проказы; нарушения опорно-двигательного аппарата; умственная отсталость; психические заболевания). Это позволило охватить как можно больше людей с ограниченными возможностями и предоставить им дополнительные гарантии и возможности. Закон направлен прежде всего на обеспечение равенства и защиты, в том числе трудовых прав инвалидов, а также на недискриминацию инвалидов в сфере труда и занятости (ст. 20–21).

Согласно Закону работодатель на предприятии с числом работающих не менее 20 человек обязан принять локальный нормативный акт — план по обеспечению равных возможностей для всех, в том числе для инвалидов. Этот план обязателен для выполнения. Работодатель регулярно предоставляет отчет о его выполнении. В локальном акте должны содержаться следующие данные: сведения о доступных рабочих местах, оборудованных под нужды лиц с инвалидностью; перечень должностей, на которые могут претендовать инвалиды; порядок приема на работу и обучения таких лиц; возможности карьерного роста, предоставления жилья и другие гарантии для лиц с пониженной трудоспособностью; возможности безбарьерной среды; контактные данные наставника.

В отношении квот для трудоустройства инвалидов установлены следующие нормы. Для государственных предприятий и служащих — 3 % от общей численности работающих, но эти проценты должны быть разделены поровну — по 1 % для лиц с нарушением зрения, слуха и опорно-двигательного аппарата.

Хотя Закон «О правах инвалидов» не устанавливает обязательных квот при приеме на работу, он предусматривает возможность установления налоговых льгот для работодателей, у которых занято не менее 5 % инвалидов от общей численности работающих. Работодатели должны предоставить полный учет и доказательства того, что инвалиды действительно трудоустроены и работают. Исследователи отмечают, что за последние два года в Индии можно констатировать положительный сдвиг в обеспечении занятости инвалидов. Отдельные крупные компании проводят специальный прием на работу людей с разными ограниченными возможностями и создают им необходимые условия для работы. Проводится также большая разъяснительная работа среди населения, работников организаций о правах инвалидов и об изменении отношения к ним.

Так, Верховный суд Индии⁴⁶ в 2021 г. отметил, что простого запрета дискриминации в отношении людей с ограниченными возможностями недостаточно, для того чтобы обеспечить им равенство и достойную жизнь. Необходимо реализовывать правозащитный подход, в основе которого — расширение прав и возможностей для людей с инвалидностью. Такие возможности предусмотрены в законодательстве Индии. Например, это доступность кредитов и финансовая поддержка для инвалидов в Гоа, которая заключается в предоставлении ежемесячного финансового обеспечения тем, кто занимается традиционными профессиями.

В Индии есть и другие нормативные акты о правах инвалидов: Закон «О Совете по реабилитации» (1992 г.), Закон «О психическом здоровье» (1987 г.), Закон «О доверительном управлении» (1999 г.).

Несмотря на изменения в законодательстве и положительную динамику правового регулирования труда инвалидов в Индии, остаются вопросы, требующие внимания:

- высок процент безработных инвалидов, а для работающих велик риск нестабильности;
- большинство инвалидов заняты в негосударственном секторе экономики (пошив одежды, сумок, вышивка, упаковка, оператор связи, консультант по реабилитации и т.д.). В основ-

⁴⁴ URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴⁵ The Rights of Persons with Disabilities Act, 2016 // URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15939/1/the_rights_of_persons_with_disabilities_act%2C_2016.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

⁴⁶ Supreme Court of India Vikash Kumar vs Union Public Service Commission on 11 February, 2021 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/157396742/> (дата обращения: 10.11.2024).

ном это работа, для которой не требуется образование или требуется только базовое, как следствие — невысокая заработная плата;

— сильны предрассудки в обществе и на работе по отношению к людям с ограниченными возможностями, например неуважение.

Заключение

Исследование нормативных правовых актов стран БРИКС (Россия, Бразилия, Индия, ЮАР, Китай) и мнений ученых показало, что в указанных странах в последние 5–7 лет изменилось национальное законодательство в отношении труда инвалидов. Эти изменения продиктованы новыми экономическими условиями и ратификацией Конвенции ООН о правах инвалидов. Анализ законодательства показал, что есть множество общих норм в правовом регулировании труда инвалидов, в частности установление запрета на

их дискриминацию как при приеме на работу, так и впоследствии (приняты нормы об обязанности работодателя специально оборудовать рабочие места).

Несомненно, нововведения оказывают положительное влияние на рынок труда инвалидов, однако остаются проблемы, требующие скорейшего разрешения: еще сильно общественное мнение в отношении инвалидов на рабочем месте как о людях «не вполне соответствующих» работе; не во всех странах установлено обязательное квотирование рабочих мест для инвалидов (например, в России, Китае, Бразилии, ЮАР установлено обязательное квотирование рабочих мест для инвалидов, а в Индии это не является обязательным); работодатели не стремятся принимать на работу лиц с инвалидностью; нарушения трудового законодательства по отношению к инвалидам имеют место во всех странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Berlinski S., Gagete-Miranda J. Enforcement Spillovers under Different Networks: The Case of Quotas for Persons with Disabilities in Brazil // URL: <https://publications.iadb.org/en/enforcement-spillovers-under-different-networks-case-quotas-persons-disabilities-brazil>.

Charles W. P., Gie L., Musakuro R. N. Barriers to the employability of people with disabilities in the South African public service. 2023. July 17.

Hao Y., Li P. Employment Legal Framework for Persons with Disabilities in China: Effectiveness and Reasons // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020;17(14):4976. DOI: 10.3390/ijerph17144976. URL: https://www.researchgate.net/publication/342855619_Employment_Legal_Framework_for_Persons_with_Disabilities_in_China_Effectiveness_and_Reasons.

Junwen Liu. China: Strategies in Rural Development and Poverty Reduction // The Asean, 12 April 2022.

Maia Gori A., Garcia Vinicius G. Labor market impacts of employment quotas for the disabled in Brazil // Economia Aplicada. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 33–70.

Soman Preetha, Manjooran Aishwarya. Disability inclusion in the workplace: the evolving landscape in India // URL: <https://www.ibanet.org/disability-inclusion-workplace-india> (дата обращения: 10.11.2024).

Tinta N., Steyn H., Vermaas J. Barriers experienced by people with disabilities participating in income-generating activities. A case of a sheltered workshop in Bloemfontein, South Africa // African Journal of Disability (Online). Vol. 9. Durbanville 2020. URL: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2226-72202020000100016 (дата обращения: 10.11.2024).

Yang K. L., Tan H. E. Disability in the Workplace in China: Situation Assessment / Institute on Employment and Disability (YTI) at Cornell University's ILR School. 2018.

Yiwen Cai. How China's People With Disabilities Are Confronting the Future of Work // SIXRT Tone. April 1, 2024. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1014882>.

REFERENCES

Berlinski S, Gagete-Miranda J. Enforcement Spillovers under Different Networks: The Case of Quotas for Persons with Disabilities in Brazil. Available at: <https://publications.iadb.org/en/enforcement-spillovers-under-different-networks-case-quotas-persons-disabilities-brazil> (Accessed 19.10.2024).

Charles WP, Gie L, Musakuro RN. Barriers to the employability of people with disabilities in the South African public service. *African Journal of Disability*. 2023;12:a1178. DOI: 10.4102/ajod.v12i0.1178

Hao Y, Li P. Employment Legal Framework for Persons with Disabilities in China: Effectiveness and Reasons. *International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH)*. 2020;17(14):4976. DOI: 10.3390/ijerph17144976. Available at: https://www.researchgate.net/publication/342855619_Employment_Legal_Framework_for_Persons_with_Disabilities_in_China_Effectiveness_and_Reasons (Accessed 19.10.2024).

Junwen Liu. China: Strategies in Rural Development and Poverty Reduction. *The ASEAN Magazine*. 12 April 2022. Available at: <https://theaseanmagazine.asean.org/article/china-strategies-in-rural-development-and-poverty-reduction/> (Accessed 19.10.2024).

Maia Gori A, Garcia Vinicius G. Labor market impacts of employment quotas for the disabled in Brazil. *Economia Aplicada*. 2019;23(2):33-70.

Soman Preetha, Manjooran Aishwarya. Disability inclusion in the workplace: the evolving landscape in India. Available at: <https://www.ibanet.org/disability-inclusion-workplace-india> (Accessed 11.10.2024).

Tinta N, Steyn H, Vermaas J. Barriers experienced by people with disabilities participating in income-generating activities. A case of a sheltered workshop in Bloemfontein, South Africa. *African Journal of Disability (Online)*. 2020;9. Available at: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2226-72202020000100016 (Accessed 11.10.2024).

Yang KL, Hock E. Tan Disability in the Workplace in China: Situation Assessment. Institute on Employment and Disability (YTI) at Cornell University's ILR School; 2018.

Yiwen Cai. How China's People with Disabilities Are Confronting the Future of Work. *SIXRT Tone*. April 1, 2024. Available at: <https://www.sixhtone.com/news/1014882> (Accessed 11.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестерякова Ирина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ivshesteryakova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Shesteryakova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ivshesteryakova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 5 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 октября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 05.03.2024.

Revised 13.10.2024.

Accepted 15.10.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.063-073

Б. А. Шахназаров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Гринвошинг, гринвишинг и гринхашинг в контексте недобросовестной конкуренции, охраны интеллектуальной собственности и прав потребителей

Резюме. Проблематика гринвошинга и различных его проявлений в современном мире приобретает особое значение, ввиду того что объективная, правдивая информация о товарах и услугах лежит в основе нормальных экономических процессов, отражает интересы потребителей по всему миру, используется в целях защиты конкуренции, а также сопряжена с добросовестным использованием интеллектуальной собственности, объектов интеллектуальных прав. Проблематика гринвошинга не только затрагивает сферу конкурентного законодательства в собственном смысле и законодательства о защите прав потребителей, но может быть квалифицирована и как проблематика законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Тенденция к выбору экологически чистых продуктов не приводит к пропорциональному увеличению числа соответствующих покупок из-за тенденции к недоверию, вызванной распространением неопределенных, двусмысленных и непроверяемых экологических заявлений. Унификация подходов к квалификации гринвошинга и различных его проявлений с акцентом на особый вид недобросовестных актов ведения предпринимательской деятельности с определенными квалифицирующими признаками позволит обеспечить устойчивое развитие международных рынков товаров и услуг, поскольку гринвошинг чаще используется крупными производителями, осуществляющими деятельность на рынках многих государств, для получения конкурентных преимуществ. При этом в праве интеллектуальной собственности также целесообразна отдельная проработка и регламентация недопустимости использования практик гринвошинга при использовании результатов интеллектуальной деятельности и прежде всего средств индивидуализации.

Ключевые слова: гринвошинг; гринвишинг; гринхашинг; ESG-иски; защита конкуренции; интеллектуальная собственность; права потребителей; зеленый маркетинг; зеленая интеллектуальная собственность; экологически безопасная продукция

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Гринвошинг, гринвишинг и гринхашинг в контексте недобросовестной конкуренции, охраны интеллектуальной собственности и прав потребителей. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 63–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.063-073

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Greenwashing, Greenwishing and Greenhushing in the context of Unfair Competition, Intellectual Property Protection and Consumer Rights

Benjamin A. Shakhnazarov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The problems of greenwashing and its manifestations in the modern world are of particular importance, since objective, truthful information about goods and services underlies normal economic processes, serves to respect the interests of consumers around the world and protect competition. It is also associated with the fair use of intellectual property, intellectual property rights. The problems of greenwashing not only affect the sphere of competition and consumer protection legislation. They can also be qualified as problems of legislation in the field of intellectual property. The trend towards sustainable product choices does not result in a proportionate increase in eligible purchases due to the trend towards distrust caused by the proliferation of vague, ambiguous and unverifiable environmental claims. Unification of approaches to the qualification of greenwashing and its various manifestations with an emphasis on a special type of unfair acts of doing business with certain qualifying characteristics will ensure the sustainable development of international markets for goods and services, since greenwashing is more often used by large manufacturers operating in the markets of many countries to gain competitive advantages. At the same time, within the scope of intellectual property law, it is also advisable to research and regulate the inadmissibility of using greenwashing practices when using the results of intellectual activity and, above all, means of individualization.

Keywords: greenwashing; greenwishing; greenhushing; ESG lawsuits; protection of competition; intellectual property; consumer rights; green marketing; green intellectual property; environmentally friendly products

Cite as: Shakhnazarov BA. Greenwashing, Greenwishing and Greenhushing in the context of Unfair Competition, Intellectual Property Protection and Consumer Rights. *Lex russica*. 2024;77(11):63-73. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.063-073

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Гринвошинг (Greenwashing), или «зеленый пиар», как практика публичного сообщения вводящих в заблуждение сведений о том, насколько продукция компании является экологически безопасной, а также создания ложного впечатления у потребителей и конкурентов о товаре или услуге имеет широкое распространение. Гринвошинг подразумевает необоснованное заявление с целью введения в заблуждение потребителей для формирования у них представления о том, что продукция компании является экологически безопасной или оказывает большее положительное воздействие на окружающую среду, чем на самом деле.

Проблематика гринвошинга затрагивает не только конкурентное законодательство в собственном смысле и законодательство о защите прав потребителей, но и законодательство в сфере интеллектуальной собственности. Необходимо понимать, что инструменты пресече-

ния недобросовестной конкуренции являются и инструментами правовой охраны интеллектуальной собственности, например согласно ст. 1, 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г.

Так, позиционирование товарного знака, его индивидуализирующие свойства могут пересекаться с ложными заявлениями правообладателя об экологичности товара, на которую всё чаще обращают внимание потребители по всему миру. Недавние исследования показали, что потребители, особенно молодые и всё более осведомленные, чрезвычайно чувствительны к проблемам окружающей среды — настолько, что готовы платить больше, чтобы покупать продукцию у компаний, которые реализуют серьезную и надежную экологическую политику¹.

Однако тенденция к выбору экологически чистых продуктов не приводит к пропорциональному увеличению числа соответствующих

¹ Sartori B., Campesato S. Greenwashing, European regulation and Italian legal framework: the challenge of transparency in environmental marketing. March 25, 2024 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d6b6c09a-fe77-4041-b70d97ccaf7cd9426> (дата обращения: 06.07.2024).

покупок из-за тенденции к недоверию, вызванной распространением неопределенных, двусмысленных и непроверяемых экологических заявлений.

Если говорить о ЕС, то согласно исследованию Европейской комиссии, проведенному в 2020 г., 53 % экологических заявлений содержат расплывчатую, частичную или вводящую в заблуждение информацию, а 40 % являются необоснованными. Чтобы сделать маркетинг более прозрачным и поощрять более осознанный выбор, Европейский парламент окончательно одобрил 17 января 2024 г. Директиву², которая среди прочего запрещает использование общих экологических заявлений, таких как «эко», «зеленый», «биоразлагаемый» или «углеродно нейтральный», если нет объективных доказательств того, что их использование оправдано. Государствам — членам ЕС предоставлено 24 месяца для того, чтобы имплементировать положения Директивы в национальное законодательство. Директива, по сути, направлена на защиту потребителей от вводящих в заблуждение маркетинговых практик и помощь им в принятии более обоснованных решений при покупке. Для этого ряд проблемных маркетинговых практик, связанных с гринвошингом и ранним устареванием товаров, будет добавлен в список запрещенных коммерческих практик ЕС. Новые правила ЕС также направлены на то, чтобы сделать маркировку продукции более понятной и заслуживающей доверия, запретив использование общих экологических заявлений без соответствующих доказательств.

Использование маркировок, свидетельствующих об устойчивости, теперь также будет регулироваться. В будущем в ЕС будут разрешены только маркировки устойчивости, основанные на официальных схемах сертификации или установленные государственными органами.

Кроме того, Директива запрещает утверждения о том, что продукт оказывает нейтральное, уменьшенное или положительное воздействие

на окружающую среду благодаря схемам компенсации выбросов.

Еще одна важная цель нового регулирования — заставить производителей и потребителей больше внимания уделять долговечности товаров. В будущем информация о гарантии должна стать более заметной, и будет создана новая, гармонизированная этикетка, которая придаст большую значимость товарам с увеличенным сроком гарантии.

Новая Директива должна функционировать вместе с директивой о зеленых требованиях³, разрабатываемой в Европейском парламенте. Планируется, что директива о зеленых требованиях будет более конкретной и более подробно разработает условия использования экологических требований.

Продвижение определенных продуктов путем утверждения, что они являются экологически чистыми, когда это не соответствует действительности или не подтверждено надлежащим образом научными доказательствами, представляет собой акт недобросовестной коммерческой практики и введение в заблуждение.

Так, по смыслу ст. 20, 21 и 22 Итальянского кодекса защиты прав потребителей, гринвошинг подпадает под юрисдикцию Управления по конкуренции и рынку (AGCM) в той мере, в какой это способно существенно повлиять на решения потребителей о приобретении товара, побуждая их вести себя так, как они бы не вели себя в случае отсутствия у них соответствующей ложной информации⁴.

С другой точки зрения, гринвошинг может также представлять собой акт недобросовестной конкуренции в соответствии с п. 3 ст. 2598 Гражданского кодекса Италии — если, передавая экологические сообщения, которые не соответствуют действительности или носят общий характер и не поддаются проверке, компания приобретает несправедливое конкурентное преимущество за счет получения доли рынка своих конкурентов.

² European Parliament legislative resolution of 17 January 2024 on the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on amending Directives 2005/29/EC and 2011/83/EU as regards empowering consumers for the green transition through better protection against unfair practices and better information (COM(2022)0143 — C9-0128/2022 — 2022/0092(COD)) // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0018_EN.html (дата обращения: 06.07.2024).

³ Substantiation and communication of explicit environmental claims (Green Claims Directive). 2023/0085(COD) // URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2023/0085\(COD\)&l=en](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2023/0085(COD)&l=en) (дата обращения: 06.07.2024).

⁴ *Sartori B., Campesato S.* Op. cit.

Одно из первых дел, в котором европейские суды вынесли решение (хотя и предварительное) о недобросовестной конкуренции в пространстве экологических сообщений, было рассмотрено судом Гориции 25 ноября 2002 г.⁵ Суд установил, что компания-ответчик, используя утверждения «экологически устойчивый» и «100 % перерабатываемый» при продвижении своего микроволокна, сформировала у общественности впечатление, что она является компанией, твердо приверженной экологической устойчивости, без каких-либо очевидных оснований для этого и, по сути, действовала в противоречии с некоторыми заявлениями, опубликованными на ее веб-сайте. В апелляционном порядке решение о запрете было отменено за отсутствием серьезных причин для срочности принятия запретительных мер.

Данное решение ценно также тем, что в нем рассмотрена практика итальянского института рекламной самодисциплины (IAP), в частности, исследуются решения судов за 10 лет после введения в Итальянский кодекс защиты прав потребителей статьи 12, согласно которой маркетинговые сообщения, заявляющие преимущества или приводящие к преимуществам экологического или природоохранного характера, должны основываться на правдивых, релевантных и научно проверенных данных. Такие сообщения должны четко указывать, к какому аспекту рекламируемого продукта или деятельности относятся заявленные преимущества.

Среди дел, рассмотренных AGCM, особое значение имеет решение № 28060 от 20.12.2019, касающееся некоторых экологических заявлений, использованных нефтяной компанией для рекламы нового типа дизельного топлива, подчеркивающей его преимущества с точки зрения экономии топлива, сокращения выбросов газообразных веществ и положительного воздействия на окружающую среду. В связи с этим Управление разъяснило, что экологические заявления «должны своевременно и недвусмысленно отражать экологические преимущества продукта, быть научно проверяемыми и, наконец, сообщаться корректным образом», указав, что «корректное экологическое заявление должно содержать информацию, которая надлежащим образом документирована, научно проверяема и ограничена конкретными проверяемыми аспектами

в сравнительном ключе по отношению к однородным продуктам».

Аналогичные принципы были выражены в других решениях Управления, касающихся использования общих экологических заявлений, таких как «устойчивый», «биоразлагаемый», «компостируемый», например, в случае с детскими подгузниками, которые рекламировались как «биоразлагаемые и компостируемые», но которые после предварительного расследования оказались некомпостируемыми из-за присутствия небiorазлагаемых полимеров, или в случае с хозяйственными сумками, которые были заявлены как «на 100 % биоразлагаемые», но которые после технического расследования оказались крайне долго биоразлагаемыми.

Как уже было сказано, гринвошинг рассматривается не только с точки зрения ответственности за нарушения прав потребителей и правил добросовестной конкуренции между компаниями. С ростом спроса на этичные и экологичные продукты возникает риск того, что правообладатели, владельцы брендов могут преувеличивать экологические характеристики товаров и услуг, чтобы увеличить продажи и продвигать свои предложения. Таким образом, возникает вопрос о балансе отношений по устойчивому развитию и отношений по охране объектов интеллектуальных прав.

В частности, важную роль играют товарные знаки, в том числе сертификационные знаки (если они признаются применимым правом), географические указания, указания происхождения, которые дают потребителям уверенность в том, что продукты и услуги соответствуют проверяемым стандартам устойчивости. Разумное использование этих прав интеллектуальной собственности может помочь компаниям получить конкурентное преимущество, поставляя «устойчивые» товары и услуги экологически сознательным потребителям, одновременно заявляя о своих собственных преимуществах. Экологическая повестка в сфере интеллектуальной собственности, в свою очередь, помогает стимулировать и облегчать зеленые инновации, позволяя компаниям выводить новые разработки на рынок и доставлять их конечному потребителю.

Товарные знаки по своей природе являются индивидуализирующими обозначениями, отличающими компании, осуществляю-

⁵ Sartori B., Campesato S. Op. cit.

щие производство, продажу товаров и услуг. Включение префиксов, таких как «Enviro» или «Eco», в товарный знак является действенным способом донести до клиентов информацию об устойчивости продукта или услуги. Однако правообладатели и пользователи товарных знаков должны быть уверены в легитимности заявлений об экологичности, прежде чем брать на себя обязательства по использованию знака «Enviro» или «Eco». Они также должны быть готовы дополнительно обосновать эти заявления, например разъясняя на самой упаковке товара или на своем веб-сайте конкретные экологические характеристики товара.

Управление по конкуренции и рынкам Великобритании (СМА), например, представило сводку вводящих в заблуждение практик поведения, которых следует избегать: преувеличение положительного воздействия продукта или услуги на окружающую среду; использование сложных или перегруженных жаргоном языковых оборотов; формирование ложного представления о том, что товары являются экологически чистыми, посредством упаковки и логотипов⁶.

Помимо товарных знаков, экологически ориентированные правообладатели брендов могут использовать другие обозначения, чтобы заверить клиентов в том, что продукты соответствуют определенным стандартам. Предприятиям может быть предоставлено право использовать сертификационные знаки, такие как обозначение «Fairtrade» или логотип «Marine Stewardship Council». Однако стоит отметить, что перед тем, как получить право использования такого обозначения, заявителю необходимо будет доказать, что его продукция соответствует определенным критериям, обычно включающим справедливые условия труда, надлежащую экологическую практику и устойчивые процессы производства или снабжения.

Еще одним направлением использования зеленой повестки в сфере интеллектуальной собственности является зеленое позиционирование объектов патентных прав, использование

так называемых зеленых патентов. Экологическое позиционирование объектов патентных прав может быть серьезным конкурентным преимуществом, а также может быть и предметом нарушения патентных прав.

Например, в 2009 г. Ведомство интеллектуальной собственности Великобритании (UKIPO) ввело схему выдачи патентов, известную как Зеленый канал⁷. Этот механизм позволяет заявителям на патенты запрашивать ускоренную обработку своих заявок, если изобретение, на которое они подают заявку, имеет доказанные экологические преимущества. Услуга бесплатна для заявителей.

Основная цель программ ускоренной экспертизы для зеленых патентов (помимо Великобритании, они существуют в патентных ведомствах различных государств, например в Бразилии) — поощрение разработки и внедрения технологий, которые минимизируют воздействие на окружающую среду и способствуют устойчивому использованию природных ресурсов.

Зеленые патенты, предоставляя изобретателям правовую защиту и эксклюзивность более ускоренным образом, одновременно поощряют инвестиции в исследования и разработку устойчивых технологий⁸. Кроме того, более быстрый процесс защиты облегчает передачу технических решений, лицензирование и обмен устойчивыми технологиями, способствуя более широкому и быстрому внедрению зеленых инноваций, содействуя глобальному распространению лучших экологических практик и помогая решать экологические проблемы в глобальном масштабе.

Гринвошинг в обозначенном контексте может проявляться как указание на экологически безопасную технологию, выраженную в патентном решении, или указание на соответствие технического решения, выраженного в изобретении или продукции, в которой выражено изобретение, определенным стандартам, когда такое соответствие отсутствует.

Споры в обозначенной сфере могут возникать применительно непосредственно к нару-

⁶ Westley R. IP, sustainability and the perils of «greenwashing» // URL: <https://www.traverssmith.com/knowledge/knowledge-container/ip-sustainability-and-the-perils-of-greenwashing/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁷ См.: Bryce A., Burr A., White O. IP & the Environment — the fine balance between eco-friendly and greenwashing // 4 December 2023. URL: <https://brodies.com/insights/ip-technology-and-data/ip-and-the-environment-the-fine-balance-between-eco-friendly-and-greenwashing/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ См.: Salerno G., Gurvitz M. World IP Day: Green Patents — Sustainable Innovation Driving the Future // 26 April 2024. URL: <https://www.montaury.com.br/en/world-ip-day-green-patents-sustainable-innovation-driving-the-future> (дата обращения: 10.07.2024).

шениям прав на объекты интеллектуальной собственности, а также в плоскости законодательства о защите конкуренции и пресечении недобросовестной конкуренции.

Например, факт гринвошинга в сфере производства биопластиков рассматривался в споре Danimer Scientific, Inc. со своими акционерами⁹. Акционеры подали коллективный иск против производителя биополимерных пластиков Danimer¹⁰. Компания утверждала, что ее запатентованный заменитель пластика Nodax на 100 % биоразлагаем. Однако в статье-расследовании, опубликованной в The Wall Street Journal в марте 2021 г., и в последующих отчетах утверждалось, что продукция Danimer не способна полностью биоразлагаться в океанах и на свалках¹¹. Публичные заявления компании были, по сути, ложными и вводящими в заблуждение.

Компания впоследствии возразила, что ее заявления о биоразлагаемости применимы только к материалу Nodax, но не к каким-либо конечным продуктам, изготовленным с использованием Nodax.

Таким образом, сведения о запатентованной технологии, охраняемом техническом решении, в частности о промышленной применимости изобретения, могут быть предметом судебного разбирательства в случае, когда правообладатель сообщает потребителям и третьим лицам ложную информацию, не соответствующую характеристикам запатентованного технического решения. Это свидетельствует и о том, что инструменты гринвошинга могут противоречить истинным целям патентования и предоставления правовой охраны интеллектуальной собственности в целом.

Еще одним интересным кейсом представляется ситуация с автопроизводителем Volkswagen,

который признал себя виновным в установке на дизельные автомобили программного обеспечения, разработанного с целью ввести в заблуждение регулирующие органы и потребителей относительно выбросов. Против компании были поданы многочисленные коллективные иски за ложную рекламу в рекламной кампании «Чистый дизель», в которой компания утверждала, что эти автомобили «с низким уровнем выбросов», «экологичны», «соответствуют стандартам выбросов» и «будут сохранять высокую стоимость при перепродаже».

Верховный суд Австралии отказался рассматривать апелляцию Volkswagen на решение Федерального суда Австралии¹², установившего рекордный для Австралии штраф в размере 125 млн австралийских долларов, наложенный на компанию за преднамеренное введение в заблуждение регулирующие органы и потребителей относительно экологических характеристик ее автомобилей («дизельгейт»). Этот кейс характеризуется как значительная победа Австралийской комиссии по конкуренции и защите прав потребителей в ее борьбе с гринвошингом, когда компании делают ложные экологические заявления, чтобы ввести потребителей в заблуждение¹³.

Здесь стоит отметить использование в целях гринвошинга программного обеспечения, традиционно охраняемого как объект авторских прав (программы для ЭВМ), что, как правило, вступает в противоречие с законодательством о защите конкуренции и защите прав потребителей, как в рассмотренном деле.

В обозначенном контексте целесообразно на законодательном уровне запретить использование результатов интеллектуальной деятельности для осуществления недобросовестных коммерческих практик под угрозой

⁹ См.: The Danimer Securities Exchange Act Violations Class Action Lawsuit is Rosencrants v. Danimer Scientific Inc., et al., et al., Case No. 1:21-cv-02708-MKB-RLM, in the United States District Court Eastern District of New York.

¹⁰ См.: Tian D. Greenwashing lawsuits in businesses: Notable cases and consequences (Part 2). Circularise // May 4, 2023. URL: <https://www.circularise.com/blogs/greenwashing-lawsuits-in-businesses-part-2> (дата обращения: 12.07.2024).

¹¹ См.: Bradley-Smith A. Danimer Scientific Lied About its Products, Falsely Inflating Share Prices, Class Action Claims // May 14, 2021. URL: <https://topclassactions.com/lawsuit-settlements/securities/breaking-danimer-scientific-lied-about-its-products-falsely-inflating-share-prices-class-action-claims/> (дата обращения: 12.07.2024).

¹² Australian Competition and Consumer Commission v. Volkswagen Aktiengesellschaft [2019] FCA 2166 [274] (Foster J) (Judgment).

¹³ См.: Adams M. High Court decision on \$125 million fine for Volkswagen is a warning to all greenwashers // November 12, 2021. URL: <https://theconversation.com/high-court-decision-on-125-million-fine-for-volkswagen-is-a-warning-to-all-greenwashers-171733> (дата обращения: 12.07.2024).

аннулирования исключительных прав на соответствующий объект интеллектуальных прав, что должно быть и гармонично встраиваемой в правовую систему частью законодательства об охране интеллектуальной собственности.

С точки зрения связи гринвошинга с правовой охраной товарных знаков, фирменных наименований и системы бренда в целом стоит отметить, что гринвошинг в обозначенном контексте не всегда является преднамеренным. Факт гринвошинга может возникнуть из-за отсутствия должного контроля использования обозначений в торговой и рекламной деятельности, проблем в цепочках поставок, из-за отсутствия достаточных знаний и соответствующих сведений, подтверждающих заявления об устойчивом развитии. Организационная сложность и инерция, неэффективная коммуникация также играют значительную роль в случайном гринвошинге. Такие непреднамеренные факты гринвошинга в ряде случаев именуются **гринвишингом (Greenwashing)**: компания под давлением необходимости ставить амбициозные цели по устойчивому развитию надеется выполнить определенные обязательства по устойчивому развитию, но может обнаружить, что берет на себя обязательства по целям, которые не может реально достичь, возможно из-за финансовых, технологических или организационных ограничений. Неспособность достижения этих целей может подорвать доверие к таким компаниям.

Множество факторов давления и стимулов со стороны рынка, правительства, иных органов регулирования, инвесторов и потребителей приводит к тому, что компании хотят позиционировать себя и свои товары как зеленые, используя зеленые товарные знаки. При этом негативное освещение в прессе и репутационный ущерб бренду могут привести к потере доверия со стороны не только потребителей, но и регулирующих органов, инвесторов и других заинтересованных лиц. Компании могут столкнуться с дорогостоящими и трудоемкими процессами претензионной работы и судебными разбирательствами по поводу недобросовестной ком-

мерческой практики и/или нарушений иных требований нормативных правовых актов¹⁴.

Еще одним явлением в рассматриваемой сфере является **гринхашинг (Greenhushing)**, который в некотором роде противоположен гринвошингу¹⁵. Гринхашинг подразумевает минимизацию публичных заявлений об обязательствах по климату, чтобы избежать критики за их невыполнение, и распространяется также и на тех лиц, которые принимают правомерные меры по улучшению показателей устойчивости. Существует множество причин, по которым компании могут умалчивать о своих зеленых обязательствах: риск критики со стороны заинтересованных лиц о достигнутом прогрессе, неуверенность в своей способности выполнить поставленные задачи. Гринхашинг может быть просто бизнес-стратегией, позволяющей избежать ярлыка гринвошена — компании, осуществляющей гринвошинг, и позиционироваться как компания, просто продолжающая свою текущую деятельность. Умалчивание о достижениях и намерениях снижает возможности позитивного позиционирования и возможности для сотрудничества, в итоге нанося ущерб репутации бренда, в том числе среди сотрудников, клиентов и других заинтересованных лиц, если они не знают о соответствующих инвестициях и приверженности ESG.

Некоторые компании выборочно раскрывают позитивные экологические инициативы или аспекты своей продукции, которая охраняется товарными знаками или в которой выражены запатентованные технические решения, опуская информацию о вредных факторах. Так, в 2008 г. De Longhi — импортер, дистрибьютор и поставщик электроприборов — предоставила Австралийской комиссии по конкуренции и защите прав потребителей (АССС) подлежащее принудительному исполнению обязательство воздерживаться от ложных экологических заявлений относительно своих переносных кондиционеров. Термин «зеленый» применялся только к одному компоненту продукта, а не к топливу в целом¹⁶.

¹⁴ См.: Tian D. Op. cit.

¹⁵ См.: O'Neill K. Greenwashing, Greenwishing and Greenhushing — The three deceptions undermining corporate sustainability // November 28, 2023. URL: <https://www.reputation-inc.com/thinking/greenwashing-greenwishing-and-greenhushing-the-three-deceptions-undermining-corporate-sustainability> (дата обращения: 16.07.2024).

¹⁶ См.: Aristova E. Greenwashing Exposed: A Close Look at the Existing Case Law (Part 3) // 12 December 2023. URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2023/12/greenwashing-exposed-close-look-existing-case-law-part-3> (дата обращения: 12.07.2024).

К практикам гринвошинга можно отнести использование товарных знаков, в которых преимущественно использован зеленый цвет или зеленый лист на продукции, которая не удовлетворяет соответствующим стандартам и требованиям. К зеленому маркетингу в целом относятся:

- использование таких слов, как «устойчивый», «компостируемый», «зеленый», «органический», «экологический», «нулевое воздействие» и «натуральный»;
- использование фотографий гор, океанов и лесов в качестве фона для рекламы;
- использование зеленых цветовых схем для рекламных шрифтов и текста;
- заявления об экологических преимуществах, которые приносит продукция.

Так, в России действует Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который устанавливает, в частности, требования к маркировке органической продукции, согласно которым производители органической продукции после подтверждения соответствия производства органической продукции требованиям данного Закона вправе разместить являющуюся отличительным признаком органической продукции маркировку в виде комбинации надписей и графического изображения (знака) органической продукции единого образца на упаковке, потребительской и (или) транспортной таре органической продукции или на прикрепленных к ней либо помещенных в нее иных носителях информации. С 1 сентября 2024 г. вступили в силу изменения в данном Законе, согласно которым надписи, используемые для маркировки органической продукции, могут содержать слово «органический», его сокращения или производные от него слова, отдельно либо в сочетании с наименованием органической продукции, указание на то, что продукция получена методом органического производства, а также слова «биодинамический», «биологический», «экологический», «экологически чистый», «зеленый» или сходные по значению слова либо их сокращения либо обозначения «эко», «био» (с учетом ограничений, установленных Законом). При этом обозначенные требования не распространяют-

ся на маркировку отдельных видов продукции в следующих случаях:

- 1) если при формировании наименований отдельных видов продукции вне зависимости от способа ее производства техническими регламентами допускается использование обозначения «био»;
- 2) если слово «зеленый» используется в такой маркировке для обозначения цвета продукции или степени ее созревания;
- 3) если словосочетание «зеленый эталон» используется для маркировки сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственного сырья и продовольствия с улучшенными характеристиками.

При этом органическая продукция в рассматриваемом законе определяется как экологически чистая сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным данным Федеральным законом.

В США принимаются Зеленые руководства Федеральной торговой комиссии, которые призваны помочь маркетологам избежать экологических заявлений, которые вводят потребителей в заблуждение. Зеленые руководства были впервые выпущены в 1992 г. и пересматривались в 1996, 1998 и 2012 гг.

Содержащиеся в них рекомендации включают:

- 1) общие принципы, которые применяются ко всем заявлениям об экологическом маркетинге;
- 2) то, как потребители, скорее всего, будут интерпретировать конкретные заявления и как маркетологи могут обосновать эти заявления;
- 3) то, как маркетологи могут квалифицировать свои заявления, чтобы не обманывать потребителей.

Последнее обновление руководств призвано сделать их более понятными и удобными для использования компаниями. Установлены правила использования маркетологами сертификации продукции и печатей одобрения, заявления о материалах и источниках энергии, которые являются «возобновляемыми», и заявления о «компенсации выбросов углерода»¹⁷.

Конкуренты также могут подать в суд, как и потребители, введенные в заблуждение, часто в рамках коллективного иска потребителей.

¹⁷ См.: Environmentally Friendly Products: FTC's Green Guides // URL: <https://www.ftc.gov/news-events/topics/truth-advertising/green-guides> (дата обращения: 12.07.2024).

В недавнем деле о «первом впечатлении», рассмотренном в Италии, суд удовлетворил иск конкурента о ложной рекламе, основанной на гринвошинге¹⁸. Компания Alcantara, производящая микроволокно, используемое в автомобилях, заявила, что ее конкурент, компания Miko, делал ложные заявления об экологичности его микроволокна. Суд поддержал временный судебный запрет ответчику продолжать делать расплывчатые и необоснованные заявления о «зеленом характере продукции», маркированной товарными знаками ответчика. Суд постановил, что заявления конкурента были не поддающимися проверке и ложными, и предписал немедленно удалить их из всей рекламы. Он также обязал Miko опубликовать решение суда на сайте своей компании в течение 60 дней¹⁹.

Следует отметить, что заявки на товарные знаки, включающие прямые экологические заявления, например называющие продукт экологически чистым, устойчивым, скорее всего, в большинстве юрисдикций будут отклонены. Основанием для таких отказов чаще всего является то, что знак носит описательный характер; еще одним потенциальным основанием для отказа является то, что знак не выполняет функции товарного знака, отсутствует различительная способность; третьим потенциальным основанием для отказа является то, что знак является ложным или вводящим в заблуждение обозначением²⁰.

Отказ в регистрации товарных знаков по причине описательности предполагает использование описательных, общеупотребимых слов, составляющих знак, по отношению к обозначаемым товарам. Например, Ведомство США по патентам и товарным знакам (USPTO) отказало в регистрации таким знакам, как Green Cement для цемента, не наносящего вреда окружающей среде, Green-Key для экологически чистых карт-ключей, Carbon Negative Fiber для натуральных волокон, используемых в композитные материалы для производства, и Zero Waste Tee для одежды. В ЕС используется аналогичный анализ, и такие термины, как «эко» и «зеле-

ный», специально упоминаются в Руководстве EUIPO как описательные, когда они используются в отношении товаров или услуг, которые якобы являются экологически чистыми²¹.

Использование неквалифицированных зеленых товарных знаков, скорее всего, приведет к иску о гринвошинге из-за невозможности адекватно квалифицировать это утверждение в нескольких словах, которые обычно составляют товарный знак. Поскольку гринвошинг устанавливается в тех случаях, когда утверждение не является конкретным или квалифицированным, большинство товарных знаков по умолчанию не проходят этот тест.

Впрочем, маркетологи находят формулировки товарных знаков, которые подлежат охране и наводят на мысль, но не описывают экологические преимущества, которые обещает бренд. Например, бренд одежды для активного отдыха Patagonia зарегистрировал такой товарный знак Better Than New® для обозначения потребительских товаров; Everlane, компания по производству одежды, успешно зарегистрировала знаки Recashmere® и Rewool® для товаров, изготовленных из переработанного текстиля. Соответствующие товарные знаки прошли регистрацию, поскольку не являются описательными или ложными, но в то же время содержат некоторое указание на их экологические свойства и приверженность зеленой повестке, что представляется возможным результатом взаимодействия маркетологов с юристами, патентными поверенными, иными специалистами в сфере интеллектуальной собственности.

Анализируя особенности ESG-исков в целом, стоит отметить, что выделяют три основные категории случаев гринвошинга, которые приводят к возникновению споров и разбирательствам и которые основаны:

- 1) на амбициозных (завышенных) корпоративных обязательствах;
- 2) искажении информации об экологических или климатических свойствах товара или услуги;
- 3) ложном заявлении о рисках изменения климата²².

¹⁸ Alcantara S.p.A. v. Miko S.r.l. (Court of Gorizia — Civil Division — case No. 712/2021). 2022 // URL: <https://engagepremium.hoganlovells.com/resources/esg-litigation-guide/cases?j=36> (дата обращения: 12.07.2024).

¹⁹ См.: Park K. Green trademarks and the risk of greenwashing // December 2022. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2022/04/article_0006.html (дата обращения: 12.07.2024).

²⁰ См.: Park K. Op. cit.

²¹ См.: Park K. Op. cit.

²² Aristova E. Указ. соч.

Споры по поводу гринвошинга в разных странах рассматриваются в разном порядке. В некоторых юрисдикциях, например в Германии, дела о гринвошинге в первую очередь рассматриваются национальными судами. В то же время в ряде других стран гринвошинг является специализированным предметом рассмотрения административными органами. Так, в Австралии активную деятельность в выявлении и пресечении гринвошинга осуществляют Австралийская комиссия по ценным бумагам и инвестициям (ASIC) и Австралийская комиссия по конкуренции и защите прав потребителей (ACCC). В Великобритании в последние годы Управление по конкуренции и рынкам (CMA) и Управление по стандартам рекламы (ASA) уже сфокусировали свою позицию в отношении рекламных заявлений, сводящихся к гринвошингу.

Как представляется, унификация подходов к квалификации гринвошинга и различных его проявлений с акцентом на особый вид недоб-

росовестных актов ведения предпринимательской деятельности с определенными квалифицирующими признаками позволит обеспечить устойчивое развитие международных рынков товаров и услуг, поскольку гринвошинг чаще используется крупными производителями, осуществляющими деятельность на рынках многих государств, для получения конкурентных преимуществ. При этом в праве интеллектуальной собственности также целесообразна проработка и регламентация недопустимости использования практик гринвошинга при использовании результатов интеллектуальной деятельности, прежде всего средств индивидуализации. Такая регламентация, как видится, могла бы находиться, в частности, в плоскости дополнительных оснований для отказа в регистрации товарных знаков, а также в ограничении использования таких квалифицированных объектов интеллектуальной собственности, как зеленая интеллектуальная собственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Adams M. High Court decision on \$125 million fine for Volkswagen is a warning to all greenwashers // The Conversation. November 12, 2021. URL: <https://theconversation.com/high-court-decision-on-125-million-fine-for-volkswagen-is-a-warning-to-all-greenwashers-171733> (дата обращения: 12.07.2024).

Aristova E. Greenwashing Exposed: A Close Look at the Existing Case Law (Part 3) // 12 December 2023. URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2023/12/greenwashing-exposed-close-look-existing-case-law-part-3> (дата обращения: 12.07.2024).

Bradley-Smith A. Danimer Scientific Lied About its Products, Falsely Inflating Share Prices, Class Action Claims // May 14, 2021. URL: <https://topclassactions.com/lawsuit-settlements/securities/breaking-danimer-scientific-lied-about-its-products-falsely-inflating-share-prices-class-action-claims/> (дата обращения: 12.07.2024).

Bryce A., Burr A., White O. IP & the Environment — the fine balance between eco-friendly and greenwashing // 4 December 2023. URL: <https://brodies.com/insights/ip-technology-and-data/ip-and-the-environment-the-fine-balance-between-eco-friendly-and-greenwashing/> (дата обращения: 10.07.2024).

O'Neill K. Greenwashing, Greenwashing and Greenhushing — The three deceptions undermining corporate sustainability // November 28, 2023. URL: <https://www.reputation-inc.com/thinking/greenwashing-greenwashing-and-greenhushing-the-three-deceptions-undermining-corporate-sustainability> (дата обращения: 16.07.2024).

Park K. Green trademarks and the risk of greenwashing // December 2022. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2022/04/article_0006.html (дата обращения: 12.07.2024).

Salerno G., Gurvitz M. World IP Day: Green Patents — Sustainable Innovation Driving the Future // 26 April 2024. URL: <https://www.montaury.com.br/en/world-ip-day-green-patents-sustainable-innovation-driving-the-future> (дата обращения: 10.07.2024).

Sartori B., Campesato S. Greenwashing, European regulation and Italian legal framework: the challenge of transparency in environmental marketing // March 25 2024. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d6b6c09a-fe77-4041-b70d47ccaf7cd9426> (дата обращения: 06.07.2024).

Tian D. Greenwashing lawsuits in businesses: Notable cases and consequences (Part 2) // Circularise. May 4, 2023. URL: <https://www.circularise.com/blogs/greenwashing-lawsuits-in-businesses-part-2> (дата обращения: 12.07.2024).

Westley R. IP, sustainability and the perils of «greenwashing» // URL: <https://www.traverssmith.com/knowledge/knowledge-container/ip-sustainability-and-the-perils-of-greenwashing/> (дата обращения: 08.07.2024).

REFERENCES

Adams M. High Court decision on \$ 125 million fine for Volkswagen is a warning to all greenwashers. *The Conversation*. November 12, 2021. Available at: <https://theconversation.com/high-court-decision-on-125-million-fine-for-volkswagen-is-a-warning-to-all-greenwashers-171733> (Accessed 12.07.2024).

Aristova E. Greenwashing Exposed: A Close Look at the Existing Case Law (Part 3). *Faculty of Law Blogs. University of Oxford*. 12 December 2023. Available at: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2023/12/greenwashing-exposed-close-look-existing-case-law-part-3> (Accessed 12.07.2024).

Bradley-Smith A. Danimer Scientific Lied About its Products, Falsely Inflating Share Prices, Class Action Claims. Top Class Actions website. May 14, 2021. Available at: <https://topclassactions.com/lawsuit-settlements/securities/breaking-danimer-scientific-lied-about-its-products-falsely-inflating-share-prices-class-action-claims/> (Accessed 12.07.2024).

Bryce A, Burr A, White O. IP & the Environment — the fine balance between eco-friendly and greenwashing. BRODIES website. 4 December 2023. Available at: <https://brodies.com/insights/ip-technology-and-data/ip-and-the-environment-the-fine-balance-between-eco-friendly-and-greenwashing/> (Accessed: 10.07.2024).

O'Neill K. Greenwashing, Greenwishing and Greenhushing — The three deceptions undermining corporate sustainability. Reputation-INC website. November 28, 2023. Available at: <https://www.reputation-inc.com/thinking/greenwashing-greenwishing-and-greenhushing-the-three-deceptions-undermining-corporate-sustainability> (Accessed 16.07.2024).

Park K. Green trademarks and the risk of greenwashing. World International Property Organization website. December 2022. Available at: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2022/04/article_0006.html (Accessed 12.07.2024).

Salerno G, Gurvitz M. World IP Day: Green Patents — Sustainable Innovation Driving the Future. Montaury website. 26 April 2024. Available at: <https://www.montaury.com.br/en/world-ip-day-green-patents-sustainable-innovation-driving-the-future> (Accessed 10.07.2024).

Sartori B, Campesato S. Greenwashing, European regulation and Italian legal framework: the challenge of transparency in environmental marketing. Lexology website. 25 March 2024. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d6b6c09a-fe77-4041-b70d47ccaf7cd9426> (Accessed 06.07.2024).

Tian D. Greenwashing lawsuits in businesses: Notable cases and consequences (Part 2). Circularise. Website. May 4, 2023. Available at: <https://www.circularise.com/blogs/greenwashing-lawsuits-in-businesses-part-2> (Accessed 12.07.2024).

Westley R. IP, sustainability and the perils of «greenwashing.» Available at: <https://www.traverssmith.com/knowledge/knowledge-container/ip-sustainability-and-the-perils-of-greenwashing/> (Accessed 08.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

bashahnazarov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

bashahnazarov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 12 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 октября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 12.03.2024.

Revised 10.10.2024.

Accepted 15.10.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.074-091

Д. Е. БогдановМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

Донбасский государственный университет юстиции

г. Донецк, Российская Федерация

Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra

Резюме. В статье рассматриваются вопросы конкуренции договорного и деликтного иска в российском и зарубежном праве, а также договорно-деликтной конкуренции лиц. Проблема конкуренции договорной и внедоговорной ответственности имеет искусственный характер для российской научной и судебной доктрины. Конкуренция исков связана с альтернативностью в требованиях, но не с альтернативностью должников. Сделан вывод, что современная научная и судебная доктрина, основанная на полифункциональной трактовке гражданско-правовой ответственности, способны обосновать и оправдать не только феномен компенсационной деликтно-договорной конкуренции лиц, но и возможность обхода установленной законом ограниченной ответственности (*contra legem*), если это будет отвечать целям справедливой ответственности: сдерживанию вредоносного поведения и стимулированию потенциальных деликвентов к надлежащему исполнению ими обязанностей по обеспечению безопасности своей деятельности. Российская правоприменительная практика свидетельствует об усилении тенденции к социализации гражданско-правовой ответственности, ее направленности на предупреждение причинения вреда неопределенному кругу лиц, социального вреда (вреда обществу).

Ключевые слова: договор; деликт; конкуренция; внедоговорная ответственность; конкуренция исков; социализация; ограниченная ответственность; превенция; справедливость

Для цитирования: Богданов Д. Е. Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 74–91. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.074-091

Contract and Tort Choice of Cause of Action by Persons from the Standpoint of Justice: Pro et Contra

Dmitriy E. Bogdanov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Donbass State University of Justice

Donetsk, Russian Federation

Abstract. The paper deals with the issues of choice of cause of action as to contract and tort in Russian and foreign law, as well as contract and tort competition between persons. The problem of choice between contractual and non-contractual liability has an artificial character for Russian scientific and judicial doctrine. The choice of cause of action relates to the alternative in claims, but not to the alternative as to debtors. It is concluded that modern scientific and judicial doctrine based on a multifunctional interpretation of civil liability can substantiate and justify not only the phenomenon of compensatory aspect of choice of cause of action by persons, but also the possibility of circumventing the limited liability established by law (*contra legem*) if it meets the goals of fair liability. These include deterrence of harmful behavior and stimulation of potential to ensure the proper performance of their duties to ensure the safety of their activities. Russian law enforcement practice indicates an increasing trend towards the socialization of civil liability, its focus on preventing harm to an indefinite circle of people, social harm (harm to society).

© Богданов Д. Е., 2024

Keywords: contract; tort; competition; non-contractual liability; choice of cause of action; socialization; limited liability; prevention; justice

Cite as: Bogdanov DE. Contract and Tort Choice of Cause of Action by Persons from the Standpoint of Justice: Pro et Contra. *Lex russica*. 2024;77(11):74-91. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.074-091

Введение

Конкуренция договорного и деликтного иска является традиционной проблемой в цивилистической доктрине. Например, в одном из учебников по гражданскому праву содержится тезис, что «потребитель может предъявить требование о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, как к продавцу, так и к изготовителю товара. Таким образом, закон допускает конкуренцию договорного и деликтного исков, оставляя право выбора за потребителем»¹. Впоследствии данный тезис был практически дословно воспроизведен в одном из определений Верховного Суда РФ², после чего стал транслироваться в акты нижестоящих судов³.

Однако буквальное толкование правил ст. 1095–1096 ГК РФ и ст. 14 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» указывает на отсутствие феномена конкуренции исков применительно к данному специальному деликту. Независимо от предъявления иска к продавцу товара или его изготовителю, ответственность указанных лиц будет иметь внедоговорную, деликтную природу. Правила ГК РФ предоставляют возможность потерпевшему по своему выбору взыскать причиненный вред с продавца или с изготовителя товара. Законодатель предусмотрел альтернативность в выборе должника (ответчика), но не конкуренцию договорных и деликтных исков. Аналогичной является деликтная ответ-

ственность перевозчика в случае причинения вреда пассажиру (ст. 800 ГК РФ). На отсутствие конкуренции договора и деликта указывается и в литературе⁴.

Таким образом, речь идет об установлении внедоговорного «единого режима ответственности», несмотря на заключение потерпевшим договора с одним из деликвентов. По мнению Г. Гилмора, происходит перекрывание деликтными конструкциями сферы договорных отношений⁵. Установление такого режима ответственности обусловлено необходимостью защиты интересов конечных потребителей, независимо от того, состояли ли они в договорных отношениях с изготовителями или продавцами товаров.

Как отмечает Р. де Грааф, основным вопросом в дискуссии по проблеме соотношения договора и деликта является возможность стороны по договору заявить деликтное требование о возмещении к другой стороне договора⁶. Таким образом, конкуренция исков связана с альтернативностью в требованиях, но не с альтернативностью должников. Правила ст. 1095–1096 ГК РФ и ст. 14 Закона о защите прав потребителей такой альтернативности в природе требований не устанавливают.

Отдельные авторы утверждают, что проблема конкуренции договорной и внедоговорной ответственности имеет искусственный характер, поскольку советское и российское законодательство, судебная практика и теория всегда четко разграничивали договорную и внедого-

¹ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 2 : Обязательственное право.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.09.2015 № 66-КГ15-10.

³ См., например: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 № 88-3905/2020 ; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2020 по делу № 88-814/2020 ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2021 по делу № 88-2615/2021, 2-11/2020.

⁴ Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2013.

⁵ Gilmore G. The Death of Contract. Second edition. Ohio : Ohio State University Press, 1995. P. 87–88.

⁶ De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective // European Review of Private Law. 2017. Vol. 4-2017. P. 701–726 ; Von Bar C., Drobnič U. The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe. Munchen : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2004. P. 189.

ворную ответственность, считали невозможной конкуренцию договорного и деликтного исков⁷. Так, можно указать на негативную в отношении конкуренции исков позицию Е. А. Флейшиц⁸. Аргументы в отношении недопустимости конкуренции исков приводятся в трудах многих современных российских ученых⁹.

Соотношение договора и деликта в зарубежной научной и судебной доктрине

Если вопрос о допустимости конкуренции исков кратко рассмотреть с позиций компаративной перспективы, можно выделить правовые системы как негативно относящиеся к феномену конкуренции исков (например, Франция), так и допускающие данный феномен (например, Англия, Германия, Нидерланды).

Во Франции сформировалась судебная доктрина о недопустимости кумуляции договорной и деликтной ответственности. Правило о некумулятивности в отношении договорной и деликтной ответственности означает, что если вред возник в сфере договорных отношений, то правила о деликтах не подлежат применению¹⁰. В литературе отмечается, что данное правило стало господствовать в науке и судебной практике после 1920 г.¹¹

Следует отметить, что в практике Кассационного суда Франции были сформулированы исключения из общего правила о «некумулятивности» договорных и деликтных требований¹². Так, суд применял правила о деликтах к договорным отношениям, если они были связаны с мошенническими действиями на стороне контрагента, транспортными происшествиями, строительными дефектами и др.¹³ Впоследствии во французском ГК был установлен режим «единой ответственности» (ст. 1386-1) в связи с принятием в 1985 г. соответствующей Директивы ЕС¹⁴, содержащей правила, аналогичные правилам ст. 1095–1096 ГК РФ.

Для сравнения: в германской доктрине договор и деликт рассматриваются как две самостоятельные сферы правового регулирования. Само по себе нарушение договора не квалифицируется в качестве деликта. Однако потерпевший при наличии необходимых условий вправе заявить деликтное требование за нарушения договора¹⁵.

В научной литературе отмечается, что допустимость конкуренции исков в германском праве обусловлена в том числе отсутствием в ГГУ правила генерального деликта¹⁶. Еще одной причиной конкуренции исков является дифференциация правил о договорной и деликтной ответственности в германском законодательстве.

⁷ Остроумов Н. Н. Правовой режим международных воздушных перевозок : монография. М. : Статут, 2015.

⁸ Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951. С. 203–206.

⁹ См.: Гутников О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30 ; Байбак В. В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства // Закон. 2016. № 8. С. 121–130 ; Летута Т. В. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, в договорных формах гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 39–45.

¹⁰ Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization // Journal of Civil Law Studies. 2013. Vol. 6. P. 765.

¹¹ Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience // Oxford Journal of Legal Studies 1995. Vol. 15. P. 336.

¹² Von Bar C., Drobnič U. Op. cit. P. 40–41.

¹³ De Graaff R. Op. cit.

¹⁴ Council Dir. 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products.

¹⁵ De Graaff R. Op. cit.

¹⁶ Markesinis B. S., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. 4th ed. Oxford, 2002. P. 52. Анализ различий между германским и французским подходами к деликтной ответственности см. также: Bruggemeier G. Protection of personality right in the law of delict/torts in Europe: mapping out our paradigms // Personality rights in European Tort Law / ed. by G. Bruggemeier, A. Colombi Ciacchi and P. O'Callaghan. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 5–37.

Как отмечает в этой связи Р. де Грааф, имеются аргументы *pro et contra* в отношении и допустимости, и недопустимости конкуренции договорных и деликтных исков. Недопустимость конкуренции исков связана с приоритетностью договора, уважением принципа свободы договора и воли законодателя. Стороны не должны иметь возможность обходить условия заключенного ими договора посредством заявления соответствующего деликтного иска. Сторонники конкуренции подчеркивают, что деликтное право должно обеспечивать определенный уровень защиты всем лицам, независимо от их участия в договорных отношениях. Одновременно автор указывает на некоторую конвергенцию, сближение в подходах разных правовых систем в отношении конкуренции договорных и деликтных исков (гармонизация правил о договорной и деликтной ответственности). Например, в Германии и Нидерландах произошла законодательная унификация по вопросам определения размера убытков (вреда) и сроков исковой давности. Во Франции конвергенция выразилась в появлении унифицированных режимов ответственности и исключений из общего правила о некумуляции исков, гармонизации в судебной практике правил в отношении установления причинности и др.¹⁷

В этой связи представляет интерес последняя судебная практика по вопросам соотношения договора и деликта в странах общего права, поскольку они относятся к юрисдикциям, традиционно допускающим конкуренцию договорного и деликтного иска.

Заслуживает внимания допустимость возмещения «чистых экономических потерь» (*pure*

economic loss), поскольку она связана с определением границ между сферами договорной и деликтной ответственности. В литературе данный вопрос рассматривается в аспекте допустимости вторжения деликта в сферу договора¹⁸. Чистые экономические потери рассматриваются в научной литературе в качестве потерь, возникающих вне связи с причинением вреда личности или собственности (т.е. вне связи с «физическим» вредом)¹⁹.

Такие потери могут возникать при посягательстве на относительные права (права стороны по договору). Применительно к вопросу возмещения чистых экономических потерь в ситуации посягательства на относительные права интересно английское дело *Multiplex*²⁰, по которому истец (генподрядчик) заключил договор субподряда с ответчиком-1 (субподрядчиком), который привлек к выполнению части проектных работ ответчика-2 (дубль-субподрядчика). Ответчик-1 также поручил компании *RNP Associates Ltd* провести независимую проверку проектной документации. Обязательность такой проверки была обусловлена как обязательными требованиями, так и условиями договора, заключенного между истцом и ответчиком-1.

После того, как в отношении ответчика-1 было введено внешнее управление, истцом к выполнению работ был привлечен другой субподрядчик, который обнаружил дефекты в проектной документации, бывшей предметом независимой проверки со стороны *RNP Associates Ltd*. Строительные работы были возобновлены только после устранения дефектов в проектной документации. На этом основании истец

¹⁷ *De Graaff R.* Op. cit.

¹⁸ *Bussani M., Palmer V. V.* The Frontier between Contractual and Tortious Liability in Europe: Insights from the Case of Compensation for Pure Economic Loss (January 15, 2010). URL: <https://ssrn.com/abstract=1537031>.

¹⁹ Как отмечается в литературе, существует общепринятая отправная точка — чистые экономические потери всегда контрастируют с вредом, причиненным жизни или здоровью потерпевшего или его материальным объектам (физический вред). Например, согласно § 2 Tort Law Act (Швеция) под чистыми экономическими потерями понимается экономический ущерб, возникающий без связи с вредом, причиненным личности или собственности. См.: *Van Boom W. H.* Pure Economic Loss — a Comparative Perspective // *Pure Economic Loss* / W. H. van Boom, H. Koziol, C. A. Witting, eds. Wien ; New York : Springer, 2004. URL: <https://ssrn.com/abstract=555809>.

Даже в случае причинения физического вреда он причиняется не потерпевшему, понесшему только чистые экономические потери (например, рикошетные потери), а иному (третьему) лицу. Таким образом, обозначение «чистые» (т.е. не связанные с физическим вредом) играет здесь основную роль в определении сущности и характера понесенных потерпевшим потерь. См.: *Bussani M., Palmer V. V.* Op. cit.

²⁰ *Multiplex Construction Europe Limited v (1) Bathgate Realisations Civil Engineering Limited (formerly known as Dunne Building and Civil Engineering Limited) (In administration) (2) BRM Construction LLC (3) Argo Global Syndicate 1200* [2021] EWHC 590 (TCC).

потребовал возмещения убытков (расходы на устранение недостатков в работе, простой в выполнении работ и др.). Истец не состоял в договорных отношениях с RNP Associates Ltd. Истец считал, что по отношению к нему у RNP Associates Ltd возникла деликтная обязанность «по заботе» (duty of care) в связи с проведением независимой проверки проектной документации и добровольным принятием на себя ответственности (assumption of responsibility)²¹.

Требования истца о взыскании чистых экономических потерь, причиненных лицом, не состоявшим с ним в договорных отношениях, были обусловлены тем, что ответственность RNP Associates Ltd была застрахована страховой компанией (ответчиком-3). Это был единственный способ для истца получить компенсацию, поскольку его контрагент по договору (ответчик-1) был неплатежеспособен²².

Основным прецедентом в отношении установления обязанности по заботе в силу принятия на себя ответственности является решение по делу *Henderson v. Merrett Syndicates*²³. В нем была сформулирована правовая позиция о том, что принятие на себя ответственности лицом, предоставляющим профессиональные услуги, соединенное с доверием другого лица, которому была оказана услуга, дает основание для возникновения деликтной обязанности по заботе независимо от наличия договорных отношений между сторонами. Суд установил наличие деликтной обязанности у субагента по отношению к истцу несмотря на то, что последний состоял только в договорных отношениях с агентом.

Однако в спорах, вытекающих из договоров строительного подряда, английские суды отказывают заказчикам в деликтных исках к субподрядчикам, поскольку заказчики имеют возможность привлечь к договорной ответственности генерального подрядчика. Вывод об отсутствии деликтных обязанностей субподрядчиков по отношению к заказчикам обосновывается избранной сторонами структурой договорных связей²⁴. В этой связи в научной литературе указывается на то, что в прецедентной практике

нет четкого обоснования того, почему договор строительного подряда отличается от структуры договорных связей в решении по делу *Henderson v. Merrett Syndicates*²⁵.

В споре *Multiplex* суд посчитал, что имеет место сформированная структура договорных отношений (договор субподряда между истцом и ответчиком-1, а также договор между ответчиком-1 и RNP Associates Ltd). Истец не состоял в договорных отношениях с RNP Associates Ltd.

Суд указал, что в прецедентной практике отсутствует общепризнанный подход, позволяющий установить наличие у деликтанта общей обязанности по проявлению заботы в случае возникновения чистых экономических потерь. Поэтому для установления такой обязанности необходим подробный анализ обстоятельств конкретного дела с учетом специфики отношений сторон.

В результате суд пришел к выводу, что у RNP Associates Ltd отсутствовала обязанность по заботе (duty of care) в отношении истца. Структура договорных отношений не предусматривала прямой договорной ответственности RNP Associates Ltd перед истцом. Суд посчитал, что было бы несправедливо и неразумно возлагать на RNP Associates Ltd обязанность проявлять заботу в отношении истца. Именно ответчик-1 несет перед истцом полную ответственность по договору субподряда.

Таким образом, трудности в привлечении контрагента к ответственности за нарушение договора, например при его неплатежеспособности, не рассматривались английским судом в качестве основания для возложения деликтной ответственности на третье лицо.

В комментариях отмечается, что это решение подтверждает устоявшуюся позицию, согласно которой при намеренном вступлении сторон в сложную структуру договорных отношений (цепочку договоров) суды неохотно накладывают дополнительные обременительные обязанности на участников такой цепочки²⁶.

В этой связи представляет интерес решение по делу *Mechanical, Inc. v. Venture Electrical*

²¹ Один из трех тестов по установлению обязанности по заботе (duty of care).

²² URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fb10de86-b23e-4cbe-b9da-db36e520e3ec>.

²³ [1994] UKHL 5 ; [1995] 2 AC 145.

²⁴ *Barclays Bank plc v. Fairclough Building Ltd* (№ 2) (1995) BLR 1.

²⁵ *Jones M. A. Textbook on Torts. Eight Edition. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 3.*

²⁶ *Mullender S. The TCC considers whether an independent design checker owed a duty of care to the main contractor in a construction project* // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fb10de86-b23e-4cbe-b9da-db36e520e3ec>.

Contractors, Inc. (США)²⁷. В нем суд указал, что доктрина чистых экономических потерь исключает возможность предъявления субподрядчиками друг другу требований из небрежности (*negligence claims*), если они не состоят в прямых договорных отношениях. Наличие косвенной горизонтальной связи между субподрядчиками в связи с тем, что они были контрагентами по отдельным договорам субподряда с генеральным подрядчиком, не было квалифицировано в качестве основания для возникновения деликтных обязанностей.

Апелляционным судом была использована правовая позиция Верховного суда Висконсина по делу *Linden v. Cascade Stone Co*²⁸. По данному делу истец (домовладелец) не состоял в прямых договорных отношениях с субподрядчиком (ответчиком), но имелась вертикальная связь (*vertical privity*) через соответствующие договоры с генподрядчиком. Суд отказал в иске из небрежности (*negligence*), применив доктрину о недопустимости возмещения чистых экономических потерь и указав, что удовлетворение такого иска привело бы к размыванию различий между деликтным и договорным правом.

В решении по делу *Mechanical, Inc. v. Venture Electrical Contractors, Inc.* между сторонами спора была не «вертикальная», а «горизонтальная» связь, но этому обстоятельству не было придано существенного значения, поскольку имелась определенная структура договорных связей, состоящая из нескольких договоров. Каждый из субподрядчиков имел возможность в соответствующем договоре определить договорные риски, обязанности и средства правовой защиты. Был отклонен довод истца о том, что он и ответчик по отношению друг к другу были «чужаками» (*contractual strangers*).

В комментарии к решению по делу *Mechanical, Inc. v. Venture Electrical Contractors, Inc.* отмечается, что в договорах, заключаемых с генеральным подрядчиком, необходимо предусматривать условия о распределении договорных рисков. Например, риски возникновения чистых экономических потерь при просрочке в выполнении работ²⁹.

Таким образом, англосаксонские суды продолжают транслировать доктрину о недопустимости возмещения чистых экономических потерь в ситуациях, когда такие потери кредитор мог компенсировать путем заявления требования о взыскании убытков с непосредственного контрагента по договору или когда риск таких потерь мог быть перераспределен посредством оговорки о возмещении потерь (*indemnity*).

Представляет интерес австралийское решение по делу *Mallonland Pty Ltd v. Advanta Seeds Pty Ltd*³⁰. Дело было связано с коллективным деликтным иском о возмещении чистых экономических потерь к компании Advanta (ответчику), специализирующейся на производстве семян и селекционных разработках. Ранее истцы приобрели у дистрибьютора семена сорго, произведенные ответчиком. Истцы утверждали, что семена сорго были загрязнены семенами другого растения по небрежности ответчика, что стало причиной увеличения сельскохозяйственных расходов и снижения урожайности.

Суд согласился с доводами ответчика о том, что условия продажи, размещенные им на мешках с семенами, можно рассматривать как его отказ от принятия на себя ответственности. Ответчик не был обязан проявить разумную заботу (*reasonable care*) в отношении истцов в целях предупреждения причинения им чистых экономических потерь. На этом основании суд отказал в удовлетворении деликтного иска к ответчику.

В комментарии к данному решению отмечается, что суды традиционно избегают возложения на ответчиков обязанности по предотвращению чисто экономических потерь, опасаясь риска возникновения неопределенной, безграничной ответственности (*indeterminate liability*). Принятие на себя ответственности (*assumption of responsibility*) является ключевым признаком в определении наличия деликтной обязанности проявить осторожность и заботу в целях недопущения экономических потерь. Такая обязанность может быть устранена прямым отказом от ответственности, как в данном деле³¹.

²⁷ 2018AP2380 (Wis. Ct. App. 2020).

²⁸ 2005 WI 113, 283 Wis. 2d 606, 699 N.W.2d 189.

²⁹ *Zenk L. N., Muth D. P. Subcontractor Tort Claims Barred Under the Economic Loss Doctrine* <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9a790f04-69cc-4714-b618-aa77bd364d3d>.

³⁰ [2021] QSC 74.

³¹ *Bouvier S., Casey R., Costello E., Lawrence E., Lewis H., Stevenson P. Further seeds of doubt in relation to duty of care for pure economic loss* <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=94a4e6ad-c98f-4e8e-8168-dd97ee70a8bd>.

Можно констатировать, что австралийский суд, по сути, следовал позиции о недопустимости размывания границ между деликтным и договорным правом. Суд прямо указал на то, что истцы имели возможность взыскать убытки непосредственно с контрагента по договору (дистрибьютора), который впоследствии мог бы обратиться с требованием к компании Advanta³².

В прецедентной практике Канады имеются примеры успешного взыскания чистых экономических потерь, однако наиболее распространен подход, основанный на дифференциации субъективных прав применительно к определению защитного диапазона деликтной ответственности. Согласно данному подходу посредством деликтозного иска может быть возмещен вред, причиненный «реальным» правам, например вред личности или собственности, но не посягательство на чисто экономические интересы. Ограничительный подход в отношении определения защитного диапазона деликтной ответственности находит активную поддержку и в научной литературе³³.

Положительным примером расширения пределов деликтной ответственности является правовая позиция Верховного суда Канады по делу *Deloitte & Touche v. Livent Inc*³⁴. Суд определил пять ситуаций, когда допускается взыскание чистых экономических потерь: ответственность за вред, причиненный органами государственной власти; небрежное введение в заблуждение; небрежное оказание услуги; небрежная продажа некачественных товаров; относительные (рикошетные) экономические потери.

Таким образом, в Канаде чистые экономические потери могут быть взысканы только в случаях, подпадающих под указанную классификацию, поскольку, по мнению суда, отсутствует общее, генеральное правило о принципиальной допустимости возмещения любых чистых экономических потерь.

Это можно проиллюстрировать позицией Верховного суда Канады по делу *Ontario Inc. v. Maple Leaf Foods, Inc.*³⁵ Компания Maple Leaf

(ответчик) отозвала изготовленные ею мясные продукты по причине их бактериального заражения (листерия). Данное обстоятельство затронуло имущественные интересы группы франчайзи (истцы), входящих в сеть ресторанов быстрого питания Mr. Sub, поскольку между франчайзером и ответчиком был заключен эксклюзивный договор, согласно которому ответчик имел эксклюзивное право на поставку мясных продуктов для всей сети ресторанов быстрого питания Mr. Sub. Истцы не состояли с ответчиком в прямых договорных отношениях, однако обязанности использовать только мясные продукты ответчика были предусмотрены непосредственно в договорах франчайзинга. Истцы обратились к ответчику с деликтозными требованиями о возмещении небрежно (*negligence*) причиненных чистых экономических потерь, связанных со снижением их прибыли, а также стоимости франшизы и репутации и т.д. В удовлетворении требований было отказано, поскольку у ответчика отсутствовала обязанность по заботе в отношении истцов. Данная обязанность была бы у ответчика только в отношении защиты здоровья потребителей, но не чистых экономических интересов истцов. Судом была дана оценка структуре договорных связей. По мнению суда, имелась возможность предусмотреть в договорах условия о распределении бремени рисков, связанных с возникновением чистых экономических потерь при таких обстоятельствах. Суд отказался корректировать порядок распределения договорных рисков путем установления новых деликтозных обязанностей.

Верховный суд Канады, по сути, основывался на тезисе о недопустимости размывания границ между деликтным и договорным правом, отдавая приоритет договору как основному средству распределения рисков возникновения чистых экономических потерь. Как отмечается в комментарии к данному решению, суд не может возлагать обязанность по заботе в ситуации, когда стороны могли бы договориться об использовании средств договорной защиты, но не сделали этого³⁶.

³² URL: <https://www.queenslandjudgments.com.au/caselaw/>.

³³ См.: *Linden A. Canadian Tort Law*. 11th ed. Toronto : LexisNexis, 2018. P. 408.

³⁴ 2017 SCC 63.

³⁵ URL: 1688782 *Ontario Inc. v. Maple Leaf Foods Inc.*, 2020 SCC 35 (CanLII) // URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2020/2020scc35/2020scc35.html?resultIndex=1>.

³⁶ *Fenton D., Agarwal R. K., Beaulne G. G., Cameron K. A Clarified Approach to Pure Economic Loss Claims* // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3a4c6b2d43479-43e1-abfc-24b4dc7859cd>.

Во всех рассмотренных примерах из судебной практики англосаксонских стран отстаивался тезис приоритетности договорной защиты и недопустимости размывания границ между сферами договора и деликта. Было продемонстрировано негативное отношение к «конкуренции лиц». Это подтверждает вывод Р. де Граафа относительно конвергенции в вопросах соотношения договора и деликта в различных правовых системах.

Соотношение договора и деликта в российской научной и судебной доктрине

В российской доктрине имеются специальные исследования, посвященные феномену конкуренции лиц, при которой управомоченное лицо имеет самостоятельные притязания к различным субъектам. Так, М. А. Ерохова считает, что солидарные обязательства являются примером субъективной конкуренции, а не конкуренции исков. При конкуренции исков управомоченное лицо имеет несколько вариантов правовых требований, основанных на тождественных фактах, к одному и тому же ответчику (объективная конкуренция притязаний)³⁷.

До недавнего времени российская судебная доктрина основывалась на принципе приоритетности договора и недопустимости «кумуляции» и «деликтно-договорной» конкуренции лиц. Так, ранее в актах высших судов неоднократно указывалось, что если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности из причинения вреда применению не подлежат³⁸. Например, по одному делу суд указал, что при несохранности (порче, повреждении) переданного на хранение имущества поклажедатель вправе предъявить требование об убытках хранителю на основании

заключенного с ним договора, но не третьим лицам по нормам о деликтной ответственности³⁹.

По другому делу суд указал, что при наличии между сторонами спора по поводу урегулированного законом договорного обязательства по перевозке, правила об ответственности сторон которого также регламентируются специальными нормами закона, обоснование требования заказчика о возмещении возникших у него убытков в связи с утратой груза ссылкой на регресс, обусловленный уплатой за перевозчика долга третьим лицом, с которым заказчик сам состоял в договорных отношениях, исключается. В контракте, заключенном между заказчиком и иностранной компанией, была установлена полная ответственность экспедитора за утрату груза. Однако в силу относительного характера обязательственных отношений контракт не может оказывать влияние на права и обязанности лица, в нем не участвующего (перевозчика), и являться основанием для возложения на него большей ответственности, чем установлена в нормах Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов⁴⁰.

Рассмотренные правовые позиции высших судов могли бы выступать в качестве обоснования существования в российском частном праве судебной доктрины приоритетности договора и недопустимости конкуренции лиц.

Однако анализ современной судебной практики свидетельствует о наличии тенденции, которая может быть охарактеризована тезисом С. Уиттейкера о том, что суды, манипулируя границами договора, могут также манипулировать и границами деликта⁴¹.

В качестве примера манипулирования границами договора и деликта можно указать на одно из определений Верховного Суда РФ⁴², в котором была подвергнута критике позиция нижестоящих судов, считавших, что отсутствуют

³⁷ Ерохова М. А. Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 59.

Автор упоминает позицию Ф. Савиньи, который называет такую конкуренцию корреляльными обязательствами и выносит их в самостоятельный вид обязательств, рассматривая эту проблему в связи с учением о лицах в обязательстве.

³⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13 по делу № А40-112862/11-69-982.

³⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 2410/14 по делу № А41-2321/13.

⁴⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.02.2014 № 13817/13 по делу № А41-52705/12.

⁴¹ Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience // Oxford Journal of Legal Studies 1995. Vol. 15. P. 334.

⁴² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.06.2016 № 301-ЭС15-18581 по делу № А31-8643/2014.

основания для применения к сетевой компании ответственности в виде возмещения убытков в пользу сбытовой компании, поскольку причиной аварии явилось повреждение оборудования в зоне ответственности ФСК (третьего лица). Верховный Суд РФ указал, что в силу ст. 9 и 12 ГК РФ выбор способа защиты права принадлежит истцу. Возможность привлечения ФСК к деликтной ответственности не исключает использования сбытовой компанией (потребителем) иного способа защиты, вытекающего из договора с сетевой компанией. С учетом изложенного вывод нижестоящих судов о применении к спорной ситуации исключительно норм об ответственности из причинения вреда (деликта) ошибочен и привел к неправомерному отказу сбытовой компании в судебной защите. В данном определении Верховный Суд РФ констатировал наличие у сбытовой компании двух самостоятельных притязаний, а именно, договорного — к сетевой компании и деликтного — к компании ФСК. Произошло размывание границ между деликтным и договорным правом, поскольку была сформулирована правовая позиция, что взыскание убытков могло быть канализировано как по цепочке договоров, путем обращения с требованием к контрагенту по договору, так и путем их взыскания с непосредственного причинителя (деликвента).

Последующая кассационная практика, связанная с применением данной правовой позиции, как правило, основывается на положениях ст. 403 ГК РФ об ответственности должника за третьих лиц, которых он привлек к исполнению своих обязанностей. Кассационные суды признают право продавца по договору энергоснабжения (энергосбытовой компании), возместившего убытки, причиненные потребителю поставкой электрической энергии ненадлежащего качества, взыскать понесенные в резуль-

тате этого расходы с лица, с которым у него заключен договор оказания услуг по передаче электрической энергии (сетевой компании)⁴³.

Однако имеется и кассационная практика, следующая в фарватере позиции Верховного Суда РФ относительно возможности предъявления иска о взыскании убытков как к контрагенту по договору, так и к непосредственному причинителю вреда (деликвенту). Кассационные суды начинают констатировать, что судебная практика исходит из того, что лицо, чьи права и законные интересы нарушены, не ограничено в использовании всех доступных ему способов защиты права; оно может предъявлять соответствующие требования к каждому из виновных в причинении ущерба лиц до полного возмещения своих имущественных потерь⁴⁴.

Например, по одному делу кассационный суд указал, что факт возникновения обстоятельств, послуживших причиной нарушения требований к качеству электрической энергии, в смежных объектах электросетевого хозяйства, принадлежащих иным лицам, не исключает использования гарантирующим поставщиком (потребителем по договору) способа защиты, вытекающего из договора с сетевой организацией⁴⁵.

По другому делу суд кассационной инстанции не согласился с позицией нижестоящих судов о том, что требование о возмещении вреда вследствие аварии на электрических сетях может быть предъявлено потребителем только к энергоснабжающей организации в рамках договорных правоотношений, а предполагаемые непосредственные причинители вреда надлежащими ответчиками в таком случае являться не могут. Суд указал, что регламентация законодателем процесса энергоснабжения через заключение различного вида договоров и установление ответственности за их ненад-

⁴³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.12.2019 № Ф01-5649/2019 по делу № А11-13649/2018 ; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.09.2020 № Ф03-3572/2020 по делу № А51-7678/2019 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.02.2021 № Ф06-69605/2020 по делу № А65-20405/2019 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.03.2021 № Ф07-650/2021 по делу № А66-5246/2020 ; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2020 № Ф08-95/2020 по делу № А32-46387/2018 ; определение Верховного Суда РФ от 22.06.2020 № 308-ЭС20-8101 по делу № А32-46387/2018 ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.03.2021 № Ф10-5127/2020 по делу № А64-9761/2019.

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.03.2021 № Ф04-6668/2020 по делу № А45-16492/2018.

⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.07.2020 № Ф04-2385/2020 по делу № А27-15625/2019.

лежащее исполнение не может ограничивать потребителя по договору энергоснабжения в праве на предъявление иска к лицу, не являющемуся его договорным контрагентом, но из-за ненадлежащего поведения которого возникли убытки. При ином толковании закона потребитель, вступивший в договорные отношения с энергоснабжающей организацией, ответственность которой по закону ограничена возмещением реального ущерба (п. 1 ст. 547 ГК РФ), только в силу самого этого факта лишился бы возможности привлекать к полной ответственности деликвентов, чьими действиями причиняется вред, отражающийся на надлежащем энергоснабжении объектов потребителя.

Была признана допустимость выбора вытекающих из разных оснований, параллельных притязаний о возмещении убытков к разным должникам, направленных на защиту одного интереса потерпевшего, поскольку цель договорных требований потребителя к энергоснабжающей организации и его деликтных притязаний к фактическим причинителям вреда едина — возместить в полном объеме убытки, причиненные в результате аварии.

В результате кассационный суд указал, что с учетом положений действующего законодательства обязательства субъектов электроэнергетики, обеспечивающих поставки электрической энергии потребителям, координируются между собой как солидарные. Истцу принадлежало право выбора имущественной массы определенного лица, за счет которого могут быть восстановлены его права. Реализация же истцом такого выбора именно в пользу удовлетворения притязаний за счет ответчиков, не состоявших с ним в договорных отношениях, путем предъявления деликтного требования сама по себе прав ответчиков не нарушает⁴⁶.

Последний пример интересен тем, что он направлен на придание концептуальной завершенности судебной доктрине конкуренции лиц. Кассационный суд не просто допустил возможность параллельных притязаний о возмещении убытков к разным должникам, но квалифицировал такую деликтно-договорную

конкуренцию лиц в качестве солидарного обязательства (первый тезис). Далее, судом была предпринята попытка телеологически истолковать закон с позиций корректирующей справедливости (*corrective justice*), указав, что цель как договорных требований потребителя к энергоснабжающей организации, так и его деликтных притязаний к фактическим причинителям вреда является единой — полное возмещение убытков, причиненных аварией. Поэтому суд, по сути, допустил возможность обхода легальных ограничений ответственности за нарушение договора посредством подачи деликтного иска (второй тезис).

Позиция суда относительно конструирования пассивного «договорно-деликтного» солидаритета (первый тезис) обусловлена необходимостью защиты интересов потерпевшего (кредитора), что согласуется с традиционными установками в цивилистической доктрине. Так, Л. Жоссеран ранее указывал, что цель пассивного солидаритета заключается именно в защите, обеспечении прав кредитора⁴⁷.

Интересно, что концептуальная завершенность судебной доктрины конкуренции лиц обусловлена соответствующим развитием цивилистической доктрины. В этой связи заслуживает внимания обстоятельное исследование Н. В. Тололаевой, посвященное проблемам пассивного солидаритета. Автор обосновывает широкий подход к пониманию солидаритета, связанный с общим эффектом исполнения. Солидаритет — это множество самостоятельных обязательств, принцип относительности которых нарушается в части эффекта исполнения. Исполнение по одному такому обязательству освобождает по отношению к кредитору должников по другим. Такой подход решает проблему конкуренции нескольких требований кредитора к разным должникам в ситуации, когда они оказались должны удовлетворить один и тот же экономический интерес кредитора в полном объеме⁴⁸.

Широкий подход к определению сущности солидаритета обусловлен соответствующими правилами ГК РФ. Так, согласно абз. 2 п. 1

⁴⁶ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2020 № Ф09-9844/19 по делу № А60-12809/2019 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2021 № Ф09-9844/19 по делу № А60-12809/2019.

⁴⁷ *Josserand L. Cours de droit civil positif français. T. 2. Théorie générale des obligations; les principaux contrats du droit civil; les suretés. 2-d ed. Librairie du Recueil Sirey, 1933. P. 413–14.*

⁴⁸ См.: *Тололаева Н. В.* Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // *Вестник гражданского права.* 2016. № 3. С. 80–106 ; *Она же.*

ст. 308 ГК РФ недействительность требований кредитора к одному из лиц, участвующих в обязательстве на стороне должника, равно как и истечение срока исковой давности по требованию к такому лицу, сами по себе не затрагивают его требований к остальным этим лицам. В силу ст. 324 ГК РФ при солидарной обязанности должник не вправе выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на таких отношениях других должников с кредитором, в которых данный должник не участвует. На основании п. 2 ст. 325 ГК РФ возможен солидаритет без регресса.

На этом основании Н. В. Тололаева указывает, что кредитор может иметь несколько прав требования по поводу одного и того же интереса, однако полное удовлетворение может получить только единожды (нарушение принципа относительности обязательств). Отсутствие общего действия исполнения одним солидарным должником своего обязательства означает отсутствие самой конструкции солидарности. В остальном обязательства каждого из должников принципиально самостоятельны и независимы. По мнению автора, буквальное «широкое» прочтение норм ГК РФ о солидарных обязательствах способно решить проблему координации нескольких требований кредитора к разным должникам по поводу одного и того же интереса⁴⁹.

Широкая трактовка пассивного солидаритета становится доктринальным обоснованием для всё расширяющейся сферы компенсационной конкуренции лиц в современной правоприменительной практике.

В настоящее время заметна тенденция к расширению сферы компенсационной конкуренции лиц в правоприменительной практике. Так, можно указать на споры, связанные с привлечением к ответственности при банкротстве должника. В правоприменительной практике сформулирована правовая позиция, что в слу-

чае полного или частичного удовлетворения требования кредитора лицом, привлеченным к ответственности по различным основаниям, в соответствующей сумме уменьшается размер требования этого кредитора к должнику⁵⁰.

В отношении деликтной конкуренции лиц представляет интерес одно из постановлений Конституционного Суда РФ, в котором была сформулирована правовая позиция о признании за потерпевшим права требовать возмещения имущественного вреда от лиц, совершивших угон принадлежащего ему автомобиля, если в результате таких противоправных действий автомобиль был впоследствии похищен неустановленным лицом. Поскольку в результате действий угонщика собственник лишается контроля над своим имуществом, виновный в угоне *ipso facto* принимает на себя ответственность за последующую судьбу данного имущества⁵¹.

В качестве примера договорно-деликтной конкуренции лиц, которую также можно квалифицировать в качестве пассивного солидаритета, можно указать на дело, по которому истец (лизингодатель) передал лизингополучателю во временное владение и пользование грузовые полувагоны. Впоследствии лизингополучатель продал покупателю-1 грузовые полувагоны «находящиеся в неисправном техническом состоянии», с целью их последующей разделки в металлолом. Далее на основании договора покупатель-1 продал вагоны покупателю-2, после чего они были подвергнуты утилизации.

Истец обратился с деликтным иском (возмещение стоимости вагонов) к покупателю-1 и покупателю-2. Суды признали, что сделка по отчуждению имущества лизингополучателем в пользу покупателя-1 была незаконной, направленной на причинение вреда истцу. Верховный Суд РФ согласился с позицией нижестоящих судов, что покупатель-2 являлся добросовестным приобретателем вагонов на основании

Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020.

⁴⁹ Тололаева Н. В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах.

⁵⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.07.2016 по делу № 303-ЭС16-1164(1,2), А24-2528/2012 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.03.2021 № Ф04-6668/2020 по делу № А45-16492/2018.

⁵¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева».

сделки, заключенной с покупателем-1, поэтому отсутствовали основания для его привлечения к деликтной ответственности⁵².

Таким образом, данный спор является примером договорно-деликтной конкуренции лиц (пассивный солидаритет), поскольку истец мог обратиться как с договорным иском к лизингополучателю, так и с деликтным требованием к покупателю-1. Действия лизингополучателя следует квалифицировать в качестве нарушения договора. Поведение деликвента (покупатель-1) можно квалифицировать в качестве «интервенции» в договор, содействовавшей (побудившей) контрагента нарушить свои договорные обязательства.

В некоторых иностранных правовых порядках интервенция в договор квалифицируется в качестве специального деликта, например в странах common law (*inducing breach of contract*). В качестве примера можно указать на английское решение по делу *OBG Ltd v. Allan*⁵³, в котором определены условия для возникновения такого деликта. Во-первых, деликвент должен знать, что его действия приведут к нарушению договора. Во-вторых, нарушение договора должно быть или конечной целью деликта, или средством достижения (например, средством получения экономической выгоды). В-третьих, потерпевшему должен быть причинен вред именно нарушением договора. Указанные условия были сформулированы в целях отграничения от деликта, связанного с незаконным вмешательством в договорные отношения (*unlawful interference with contractual relations*)⁵⁴. Необходимо отметить, что данные деликты известны не только англосаксонскому⁵⁵, но и континентальному гражданскому

праву. В частности, данный деликт уже более века известен французской судебной доктрине, которая выводит его из принципа генерального деликта⁵⁶. В специальном исследовании отмечается, что в подходах к ответственности за вмешательство в договорные отношения по праву Нидерландов, Германии, Франции и стран Common Law много общего⁵⁷.

Можно провести параллель с рассмотренным российским делом. Судами было установлено, что покупатель-1 знал, что его действия приведут к нарушению договора лизинга. Нарушение договора стало для деликвента средством получения выгоды и причиной возникновения вреда у потерпевшего. Деликвент знал, что лизингополучатель не мог совершить сделку по отчуждению имущества⁵⁸.

Сформулированные по данному делу правовые позиции не только свидетельствуют о формировании судебной доктрины конкуренции лиц, связанной с широкой трактовкой пассивного солидаритета, но и обосновывают формирование судебной доктрины деликтов, связанных с причинением вреда посредством посягательства на договорные права потерпевших. Конечно, в данном деле было посягательство на абсолютное право, поскольку потерпевшему был причинен физический вред (уничтожены вагоны). Деликты, посягающие на относительные (договорные) права, являются проблемными для цивилистической доктрины, поскольку связаны с причинением не физического вреда, а чистых экономических потерь.

Нами уже давно и последовательно отстаивается тезис о допустимости возмещения чистых экономических потерь в российском праве, поскольку в ГК РФ предусмотрено пра-

⁵² Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2017 № 305-ЭС17-7410 по делу № А40-53880/2016.

⁵³ [2008] 1 A.C. 1 (H.L.) [OBG].

⁵⁴ См. об этом: *MacKenzie B. Shifting Blame? Reassessing the Tort of Inducing Breach of Contract Following A. I. Enterprises v. Bram* (April 19, 2016) // *Annual Review of Civil Litigation* / ed. by L. Todd, J. Archibald, R. Scott Echlin. September 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2978099>.

⁵⁵ *Sérafín S., Sun K. Corrective Justice and In Personam Rights: Reconsidering the Tort of Inducing Breach of Contract* (August 6, 2023) // (2024) 3 SCLR (3d) 115. URL: <https://ssrn.com/abstract=4707488>.

⁵⁶ *Stoyanov D. The Uneasy Case of Tortious Interference with a Contractual Prohibition of Assignment* (July 18, 2023) // *International Journal of Legal and Social Order*. Vol. 3. No. 1 (2023). URL: <https://ssrn.com/abstract=4523654>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4523654>.

⁵⁷ *Bochove L. M. van Betrokkenheid Van Derden Bij Contractbreuk = Tortious Interference with Contractual Relations*. December 6, 2013. Dissertatie Erasmus Universiteit Rotterdam. Wolf Legal Publishers, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2500811>.

⁵⁸ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2017 № Ф05-163/2017 по делу № А40-53880/2016.

вило о генеральном деликте (п. 1 ст. 1064 ГК)⁵⁹. Указанные потери охватываются формулировкой «вред, причиненный имуществу». В российском праве, как и во Франции и Испании, нет особой необходимости специально выделять такие потери, поскольку они охватываются правилом генерального деликта, предусмотренного в гражданских кодификациях⁶⁰.

Следует проанализировать аргументированность второго тезиса, связанного с попыткой судов телеологически истолковать закон исключительно с позиций корректирующей справедливости (*corrective justice*) в целях преодоления ограничений, установленных законодателем в отношении ответственности за нарушение договора энергоснабжения (обход закона). Так, суды указали, что цель и договорных требований потребителя к энергоснабжающей организации, и его деликтных притязаний к фактическим причинителям вреда едина — возмещение убытков, причиненных аварией, в полном объеме.

Действительно, корректирующая справедливость в современной цивилистической литературе рассматривается с позиций аристотелианской традиции как выражение арифметического равенства⁶¹, например, между размером причиненных кредитором имущественных потерь и суммой убытков, подлежащих взысканию с должника. В отношении деликтного права указывается, что оно «корректирует» несправедливость путем возмещения полной стоимости потерь ответственной стороной⁶².

В российской цивилистической традиции корректирующая справедливость рассматри-

вается с позиций компенсационно-восстановительной функции гражданско-правовой ответственности. В научной литературе отмечается, что указанная функция является «главенствующей», поскольку она призвана обеспечить соразмерность между причиненным вредом и применимыми мерами ответственности. В этом проявляется «возмездно-эквивалентный» характер гражданско-правовой ответственности⁶³.

Однако рассмотрение ответственности исключительно с позиций монофункционального феномена примитивизирует доктрину. Гражданско-правовую ответственность невозможно поместить в прокрустово ложе корректирующей справедливости и исключительно компенсационной направленности, поскольку она является полифункциональным феноменом.

Нами последовательно отстаивается тезис, что ответственность в гражданском праве решает задачи не только компенсации, но и справедливого распределения бремени неблагоприятных последствий (дистрибутивная справедливость), а также воздаяния за совершенные правонарушения (ретрибутивная справедливость). Таким образом, реализуется вся триада частной справедливости в сфере ответственности: корректирующая, дистрибутивная и ретрибутивная. Дистрибутивная и ретрибутивная справедливость являются отражением социальных, публичных интересов в сфере ответственности и потому выступают в качестве основных факторов эволюции гражданско-правовой ответственности⁶⁴.

Можно утверждать, что в России уже формируется судебная доктрина, основанная на поли-

⁵⁹ Богданов Д. Е. Пределы деликтной ответственности в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2011. № 7 (175). С. 69–78 ; Он же. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 82–91.

⁶⁰ См.: *Abdussamad S. Unrestrained Liability for Pure Economic Loss in the United States and Spain: A Shared Concern* (February 9, 2016). URL: <https://ssrn.com/abstract=2730393>.

⁶¹ См.: *Gold A. S. A Theory of Redressive Justice* (October 7, 2011). URL: <https://ssrn.com/abstract=1940594>.

⁶² *Goldberg J.C. P. Twentieth Century Tort Theory* // *Vanderbilt University Law Scholl / Law & Economics Working Paper Number 02-15*. P. 73. URL: http://ssrn.com/abstract_id=347340.

См. также: *Sheinman H. Tort Law and Corrective Justice* // *Law and Philosophy*. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 24–25.

⁶³ См., например: *Гражданское право : учебник : в 3 т. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби; Проспект, 2005. Т. 1. С. 647 ; Целовальникова И. Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 60–67 ; Дмитриева О. В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 12. С. 89–100 ; Дурнева П. Н., Станкевич Г. В. Особенности договорной и деликтной ответственности публично-правовых образований по гражданскому праву России // Юридический мир. 2016. № 10. С. 23–27.*

⁶⁴ См. об этом подробно: *Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости : Сравнительно-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2016. С. 99–108, 211–232.*

функциональной трактовке гражданско-правовой ответственности⁶⁵, преследующей цели не только компенсации, но и справедливого распределения (дистрибуция) и воздаяния (ретрибуция), а также сдерживания противоправного поведения⁶⁶.

Теоретический постулат о том, что гражданско-правовая ответственность решает задачи не только компенсации, но и справедливого воздаяния за совершенные правонарушения, а также превенции, сдерживания антисоциального поведения, характерен для североамериканских цивилистов. Это обусловлено тем, что в их правоприменительной практике активно применяется институт штрафных убытков⁶⁷. В качестве целей взыскания штрафных убытков указывают в том числе наказание деликтанта за совершенное деяние, которым причиняется социальный вред, вред всему обществу⁶⁸. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что высшие суды ряда европейских стран уже высказали правовую позицию, что задачами гражданско-правовой ответственности является не только предоставление компенсации потерпевшему, но и сдерживание противоправного поведения, а также наказание деликтанта⁶⁹.

Следует отметить, что фактически российскому ГК РФ уже известен феномен некомпенсационных убытков (абз. 2 п. 2 ст. 15)⁷⁰. Ретрибутивную, воздающую природу имеют и другие санкции гражданско-правовой ответственности (например, компенсация морального вреда, компенсация за нарушение исключительного права, штрафная неустойка). Это означает, что

в качестве критериев для определения объема ответственности всё чаще выступает не только размер причиненного вреда, но и степень вины деликтанта, наличие рецидивов в совершении деликтов и т.д., что является проявлением воздающей (ретрибутивной) справедливости в сфере гражданско-правовой ответственности.

Заключение

Таким образом, современное состояние правовой доктрины и формирующаяся судебная доктрина полифункциональной трактовки гражданско-правовой ответственности способны обосновать и оправдать не только феномен компенсационной деликтно-договорной конкуренции лиц, но и возможность обхода установленной законом ограниченной ответственности (*contra legem*), если это будет отвечать целям справедливой ответственности.

Так, в рассмотренном выше примере, связанном с обходом установленного законом ограничения размера ответственности по договору энергоснабжения, судом было установлено, что авария на высоковольтной линии была вызвана ее неудовлетворительным состоянием: в охранной зоне находились деревья выше высоковольтной линии, неизолированные провода проходили между ветками деревьев, о чем был составлен соответствующий акт⁷¹.

При таких обстоятельствах допущение только ограниченной договорной ответственности энергоснабжающей организации перед або-

⁶⁵ См.: Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.

⁶⁶ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края»; п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Верховного Суда РФ от 12.07.2024 № 306-ЭС24-1621.

⁶⁷ См., например: *Markel D.* Retributive damages: A theory of punitive damages as intermediate sanction // *Cornell Law Review*. 2009. Vol. 94. P. 245.

См. также: *Sebok A. J.* Punitive damages: from myth to theory // *Iowa Law Review*. 2007. Vol. 92. P. 957–1036.

⁶⁸ *Colby T. B.* Beyond the Multiple Punishment Problem: Punitive Damages as a Punishment for Individual Private Wrongs // *Minnesota Law Review*. 2003. Vol. 87. P. 589.

⁶⁹ См.: *Vencharutti A.* The recognition of punitive damages in Italy: A commentary on Cass Sez Un 5 July 2017, 16601, *AXO Sport, SPA v. NOSA* // *Journal of European Tort Law*. 2018. Vol. 9. P. 109.

⁷⁰ См.: Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 2. С. 7–10.

⁷¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2021 № Ф09-9844/19 по делу № А60-12809/2019.

нением (п. 1 ст. 547 ГК РФ) с последующим переложением по цепочке договоров реального ущерба на сетевую организацию не соответствовало бы целям справедливой ответственности. Наличие умысла или грубой неосторожности сетевой организации оправдывает как договорно-деликтную конкуренцию лиц, так и возможность взыскания с нее посредством деликтного иска убытков в полном объеме, в обход легального ограничения размера ответственности (п. 1 ст. 547 ГК РФ).

Такой подход к деликтной ответственности способствует сдерживанию вредоносного поведения и стимулированию потенциальных деликтов к надлежащему исполнению ими обязанностей по обеспечению безопасности своей деятельности. Российская правоприменительная практика свидетельствует об усилении тенденции к социализации гражданско-правовой ответственности, ее направленности на предупреждение причинения вреда неопределенному кругу лиц, социального вреда (вреда обществу).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбак В. В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства // Закон. 2016. № 8. С. 121–130.
- Богданов Д. Е. Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 82–91.
- Богданов Д. Е. Пределы деликтной ответственности в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2011. № 7 (175). С. 69–78.
- Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости : Сравнительно-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2016. 304 с.
- Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. К вопросу о некомпенсационных убытках в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 2. С. 7–10.
- Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.
- Гутников О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30.
- Дмитриева О. В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 12. С. 89–100.
- Дурнева П. Н., Станкевич Г. В. Особенности договорной и деликтной ответственности публично-правовых образований по гражданскому праву России // Юридический мир. 2016. № 10. С. 23–27.
- Ерохова М. А. Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 161 с.
- Летуа Т. В. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, в договорных формах гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 39–45.
- Остроумов Н. Н. Правовой режим международных воздушных перевозок : монография. М. : Статут, 2015. 396 с.
- Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2 : Обязательственное право. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. 1208 с.
- Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020. 144 с.
- Тололаева Н. В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 80–106.
- Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюр-издат, 1951. 239 с.
- Целовальникова И. Ю. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 60–67.
- Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2013. 133 с.
- Abdussamad S. Unrestrained Liability for Pure Economic Loss in the United States and Spain: A Shared Concern (February 9, 2016). URL: <https://ssrn.com/abstract=2730393>.

Bruggemeier G. Protection of personality right in the law of delict/torts in Europe: mapping out our paradigms // *Personality rights in European Tort Law* / ed. by G. Bruggemeier, A. Colombi Ciacchi and P. O'Callaghan. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 5–37.

Bussani M., Palmer V. V. The Frontier between Contractual and Tortious Liability in Europe: Insights from the Case of Compensation for Pure Economic Loss (January 15, 2010). URL: <https://ssrn.com/abstract=1537031>.

Colby T. B. Beyond the Multiple Punishment Problem: Punitive Damages as a Punishment for Individual Private Wrongs // *Minnesota Law Review*. 2003. Vol. 87. P. 583–678.

De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective // *European Review of Private Law*. 2017. Vol. 4. P. 701–726.

Gilmore G. *The Death of Contract*. Second edition. Ohio : Ohio State University Press, 1995. 182 p.

Gold A. S. A Theory of Redressive Justice (October 7, 2011). URL: <https://ssrn.com/abstract=1940594>.

Goldberg J. C. P. Twentieth Century Tort Theory. Vanderbilt University Law Scholl. Law & Economics Working Paper Number 02-15. URL: http://ssrn.com/abstract_id=347340.

Jones M. A. *Textbook on Torts*. Eight Edition. Oxford : Oxford University Press, 2007. 727 p.

Linden A. *Canadian Tort Law*. 11th ed. Toronto : LexisNexis, 2018. 866 p.

MacKenzie B. Shifting Blame? Reassessing the Tort of Inducing Breach of Contract Following *A. I. Enterprises v. Bram* (April 19, 2016) // *Annual Review of Civil Litigation* / ed. by L. Todd, J. Archibald, R. Scott Echlin. September 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2978099>.

Markel D. Retributive damages: A theory of punitive damages as intermediate sanction // *Cornell Law Review*. 2009. Vol. 94. P. 239–340.

Markesinis B. S., Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. 4th ed. Oxford, 2002. 1114 p.

Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization // *Journal of Civil Law Studies*. 2013. Vol. 6. P. 760–801.

Sérafín S., Sun K. Corrective Justice and In Personam Rights: Reconsidering the Tort of Inducing Breach of Contract (August 6, 2023) // (2024) 3 SCLR (3d) 115. URL: <https://ssrn.com/abstract=4707488>.

Stoyanov D. The Uneasy Case of Tortious Interference with a Contractual Prohibition of Assignment (July 18, 2023) // *International Journal of Legal and Social Order*. 2023. Vol. 3. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=4523654>.

Van Boom W. H. Pure Economic Loss — a Comparative Perspective // *Pure Economic Loss* / W. H. van Boom, H. Koziol, C. A. Witting (eds). Wien ; New York : Springer, 2004. URL: <https://ssrn.com/abstract=555809>.

Venchiarutti A. The recognition of punitive damages in Italy: A commentary on Cass Sez Un 5 July 2017, 16601, AXO Sport, SPA v. NOSA // *Journal of European Tort Law*. 2018. Vol. 9. P. 104–122.

Von Bar C., Drobniig U. *The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe*. Munchen : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2004. 574 p.

Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1995. Vol. 15. P. 327–370.

REFERENCES

Abdussamad S. Unrestrained Liability for Pure Economic Loss in the United States and Spain: A Shared Concern (February 9, 2016). Available at: <https://ssrn.com/abstract=2730393>.

Baibak VV. New edition of Article 393 of the Civil Code of the Russian Federation: general rules on compensation for losses caused by violation of an obligation. *Zakon*. 2016;8:121-130. (In Russ.).

Bogdanov DE, Bogdanova EE. On the issue of non-compensatory damages in Russian civil law. *Grazhdanskoe pravo [Civil law]*. 2017;2:7-10. (In Russ.).

Bogdanov DE, Bogdanova SG. The problem of multifunctionality of civil liability: Comparative legal aspect]. *Grazhdanskoe pravo [Civil Law]*. 2018;6:32-35. (In Russ.).

Bogdanov DE. Analysis of legal approaches to compensation of net economic losses in foreign law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2012;3(183):82-91. (In Russ.).

Bogdanov DE. Limits of tort liability in Russian and foreign law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2011;7(175):69-78. (In Russ.).

Bogdanov DE. The evolution of civil liability from the perspective of justice: A comparative legal aspect. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).

Bruggemeier G. Protection of personality right in the law of delict/torts in Europe: mapping out our paradigms. *Personality rights in European Tort Law*. Edited by G. Bruggemeier, A. Colombi Ciacchi and P. O'Callaghan. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. Pp. 5–37.

Bussani M, Palmer VV. The Frontier between Contractual and Tortious Liability in Europe: Insights from the Case of Compensation for Pure Economic Loss (January 15, 2010). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1537031>.

Colby TB. Beyond the Multiple Punishment Problem: Punitive Damages as a Punishment for Individual Private Wrongs. *Minnesota Law Review*. 2003;87:583–678.

De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A Comparative Perspective. *European Review of Private Law*. 2017;4:701–726.

Dmitrieva OV. The functional purpose of compensation for moral damage as a form of civil liability. *Zakon [Law]*. 2016;12:89–100. (In Russ.).

Durneva PN, Stankevich GV. Features of contractual and tort liability of public legal entities under the civil law of Russia. *Yuridicheskiy mir [Juridical World]*. 2016;10:23–27. (In Russ.).

Erokhova MA. Competition of requirements under the Civil Code of Russia. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2006. (In Russ.).

Fleischitz EA. Obligations arising from harm and unjustified enrichment. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1951. (In Russ.).

Gilmore G. *The Death of Contract*. Second edition. Ohio: Ohio State University Press; 1995.

Gold AS. A Theory of Redressive Justice (October 7, 2011). Available at: <https://ssrn.com/abstract=1940594>.

Goldberg JCP. Twentieth Century Tort Theory. Vanderbilt University Law Scholl. Law & Economics Working Paper Number 02-15. Available at: http://ssrn.com/abstract_id=347340.

Gutnikov OV. The grounds for development of corporate liability category in civil law. *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. Pravo [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2020;4:4–30. (In Russ.).

Jones MA. *Textbook on Torts*. Eight Edition. Oxford University Press; 2007.

Letuta TV. Compensation for damage caused as a result of defects in goods as in contractual forms of civil law transactions. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2019;7:39–45. (In Russ.).

Linden A. *Canadian Tort Law*. 11th ed. Toronto: LexisNexis, 2018.

MacKenzie B. Shifting Blame? Reassessing the Tort of Inducing Breach of Contract Following A. I. Enterprises v. Bram (April 19, 2016). *Annual Review of Civil Litigation*. Edited by L. Todd, J. Archibald, R. Scott Echlin. September 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2978099>.

Markel D. Retributive damages: A theory of punitive damages as intermediate sanction. *Cornell Law Review*. 2009;94:239–340.

Markesinis BS, Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. 4th ed. Oxford; 2002.

Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization. *Journal of Civil Law Studies*. 2013;6:760–801.

Ostroumov NN. The legal regime of international air transportation: A monograph. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).

Sérafin S, Sun K. Corrective Justice and In Personam Rights: Reconsidering the Tort of Inducing Breach of Contract (August 6, 2023). *Lexis-Nexis Supreme Court Law Review*, Third Series. 2024;3:115. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4707488>.

Shevchenko AS, Shevchenko GN. Tort obligations in Russian civil law: A study guide. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Stoyanov D. The Uneasy Case of Tortious Interference with a Contractual Prohibition of Assignment (July 18, 2023). *International Journal of Legal and Social Order*. 2023;3 (1). Available at: <https://ssrn.com/abstract=4523654>.

Tololaeva NV. Passive solidarity obligations: The Russian approach and the Continental European tradition. A monograph. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

Tololaeva NV. Trends in Russian judicial practice in the context of the European discussion on «real» joint liabilities. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2016;3:80–106. (In Russ.).

Tselovalnikova IYu. Civil liability of participants in corporate relations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;11:60–67. (In Russ.).

Van Boom WH. Pure Economic Loss — a Comparative Perspective. In: Van Boom WH, Koziol H, Witting CA, editors. *Pure Economic Loss*. Wien; New York: Springer; 2004. Available at: <https://ssrn.com/abstract=555809/>

Venchiarutti A. The recognition of punitive damages in Italy: A commentary on Cass Sez Un 5 July 2017, 16601, AXO Sport, SPA v. NOSA. *Journal of European Tort Law*. 2018;9:104-122.

Vitryansky VV, Em VS, Kozlova NV, et al. Russian civil law: A textbook. In 2 vols. Edited by A. Sukhanov EA. Vol. 2: Law of obligations. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).

Von Bar C, Drobniig U. The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe. Munchen: Sellier. European Law Publishers GmbH. 2004.

Whittaker S. Privity of Contract and the Law of Tort: the French Experience. *Oxford Journal of Legal Studies*. 1995;15:327-370.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); научный руководитель кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасского государственного университета юстиции

д. 9, Лебединского ул., г. Донецк 283049, Российская Федерация
dobogdanov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Bogdanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Head for Science, Department of Civil Law Disciplines, Donbass State University of Justice, Donetsk, Russian Federation
dobogdanov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 10.04.2024.

Revised 14.10.2024.

Accepted 15.10.2024.

О. С. Рыбакова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Конституционные основы российской государственной политики в сфере защиты семьи и традиционных семейных ценностей

Резюме. В статье представлен анализ конституционных положений, направленных на защиту семьи в различные периоды российской государственности, показан разновекторный характер государственной политики в сфере семейных отношений в советский период, дана характеристика семейно-демографической политики постсоветского периода, проанализированы конституционные новеллы 2020 г., направленные на укрепление семьи и духовно-нравственных ценностей российского общества. Проведен анализ конституционной категории «традиционные семейные ценности» с позиции потребностей индивида, семьи как социальной группы и значимости семьи для общества и государства. Институт семьи рассмотрен как самоценность и базовая детерминанта формирования духовно-нравственного наследия российского общества, сохранения культурной идентичности российской нации. Приведены данные официального опроса россиян, свидетельствующие об отношении к семье, а также результаты исследований отечественных ученых, констатирующих неблагоприятные трансформационные процессы, происходящие с институтом семьи в последние 30 лет, выраженные в добровольной бездетности и безбрачии; откладывании рождения детей на более поздние возрастные периоды; снижении ценности семьи с несколькими детьми; предпочтении среди молодежи фактических брачных отношений (сожительства) зарегистрированному браку. Защита семьи и семейных ценностей рассматривается автором как задача обеспечения национальной безопасности России, решение которой направлено на сохранение общероссийской идентичности, устойчивого развития государства, сохранения социально значимых духовно-нравственных ценностей. Обосновано авторское предложение о необходимости формирования в обществе идеи о важности семьи как самоценности, предполагающей ответственное отношение к вступлению в брак, рождению и воспитанию детей, поощрение и поддержку многопоколенной и многодетной семьи, уважение к лицам пожилого возраста, порицание отказа от рождения и воспитания детей.

Ключевые слова: конституционные ценности; защита семьи; защита материнства, отцовства, детства; семейные ценности; гражданская идентичность; национальная безопасность; духовно-нравственные ценности; государственная политика

Для цитирования: Рыбакова О. С. Конституционные основы российской государственной политики в сфере защиты семьи и традиционных семейных ценностей. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 92–110. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.092-110

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Социоправо»).

The Constitutional Foundations of the Russian State Policy in the Field of Family Protection and Traditional Family Values

Olga S. Rybakova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper presents an analysis of constitutional provisions aimed at protecting the family in various periods of Russian statehood, shows the multi-vector nature of state policy in the field of family relations in the Soviet period, characterizes the family and demographic policy of the post-Soviet period, analyzes the constitutional novelties of 2020 aimed at strengthening the family and the spiritual and moral values of Russian society. An analysis of the constitutional category of «traditional family values» is carried out from the perspective of the needs of the individual, family as a social group and the importance of family for society and the state. The institution of family is considered as an intrinsic value and a basic determinant of the formation of the spiritual and moral heritage of Russian society, the preservation of the cultural identity of the Russian nation. The author provides the data from an official survey involving Russians that testifies to the attitude towards the family. The article also outlines the results of a research conducted by domestic scientists stating the unfavorable transformational processes taking place with the institution of family in the past 30 years. These include voluntary childlessness and celibacy; postponing the birth of children to later age periods; reducing the value of a family with several children; preference among young people for actual marital relations (common-law marriage) to a registered marriage. The author considers the protection of the family and family values as a task for ensuring the national security of Russia, the solution of which is aimed at preserving the all-Russian identity, sustainable development of the state, preservation of socially significant spiritual and moral values. The author substantiates the proposal on the need to form in society the idea of the importance of the family as a value in itself, which implies a responsible attitude to marriage, birth and upbringing of children, encouragement and support of a multigenerational and large family, respect for the elderly, disapproval of the rejection of the birth and upbringing of children.

Keywords: constitutional values; protection of the family; protection of motherhood, fatherhood, childhood; family values; civil identity; national security; spiritual and moral values; state policy

Cite as: Rybakova OS. The Constitutional Foundations of the Russian State Policy in the Field of Family Protection and Traditional Family Values. *Lex russica*. 2024;77(11):92-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.092-110

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Введение

Объявление Президентом РФ Года семьи в 2024 г. актуализирует изучение приоритетов защиты семьи и традиционных семейных ценностей в векторе конституционного развития России и реализации российской государственной политики. Следует отметить, что понятие «традиционные семейные ценности» как категория конституционного права появилась сравнительно недавно — в 2020 г., в ходе конституционной поправки, инициированной Президентом России, что вызвало большой интерес со стороны исследователей и специалистов. С одной стороны, семья является объектом конституционно-правовой защиты, соответствующие нормы более тридцати лет

содержатся в Конституции Российской Федерации и законодательстве, с другой стороны, закрепление на уровне конституционной нормы нового направления государственной политики в сфере «сохранения традиционных семейных ценностей» ставит логичные вопросы: что понимается под семейными ценностями в векторе государственной политики и какие из этих ценностей можно относить к традиционным для российского общества?

Конституционное закрепление и гарантии защиты семьи и семейных ценностей

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция) включает ряд положений, име-

ющих выраженную направленность защиты семьи, в том числе положения части о гарантированном обеспечении государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7) и государственной защите семьи, материнства и детства (ч. 1 ст. 38, п. «ж» ч. 1 ст. 72), о правительственных задачах по обеспечению «социально ориентированной государственной политики в области социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей» (п. «в» ч. 1 ст. 114), тем самым закрепляя единый подход к пониманию ценности института семьи.

Обозначив основополагающие идеологические принципы организации жизни общества и развития государства, российская Конституция обеспечивает гарантированную реализацию вышеприведенных положений в сфере защиты семьи, ввиду статуса — акта, обладающего высшей юридической силой и имеющего прямое действие. Действующая российская Конституция принималась в непростое для нашей страны время перехода в новую эпоху — демократии, признания либеральных ценностей, ввиду чего не отразила ценности предыдущих конституций советского периода. Вместе с тем положения, предусматривающие защиту и поддержку семьи, материнства, перешли из советского прошлого российской государственности на постсоветское пространство, получив конституционную защиту и гарантии ее реализации в Конституции 1993 г., что свидетельствует об уже ставшим традиционным для российского менталитета восприятии института семьи как самоценности, сформированном во второй половине прошлого столетия.

В рамках настоящей публикации предлагаем рассмотреть генезис защиты института семьи в конституционном векторе, отражающий неод-

нозначный подход¹ государства и общества к пониманию социальной ценности семьи — от модели «рассеивания» в первые десятилетия советской власти, где допускались свободные брачные отношения², права внебрачных детей уравнивались с рожденными в браке, до формирования нового подхода к ценности семьи и брака в период Великой Отечественной войны и последующие годы, налаживания системы поддержки семьи как целостного социального института.

Конституция, как справедливо полагает Д. Г. Шустров, явление историческое, представляющее собой результат конкретных времени, места, обстоятельств, причин, людей и преследуемых ими целей³. Конституция отражает уровень развития общества, фундаментальные основы государственного строительства, ценностные основания развития социальных институтов на конкретном историческом этапе, а также векторы их дальнейшего развития.

Обратимся к советским конституциям, фокусируя внимание на институте семьи и его защите. Первыми российскими и советскими конституциями в числе базовых приоритетов предусматривалась защита материнства и детства, которые в системном единстве определяли направления государственной политики в сфере воспроизводства населения страны, что отражало традиционное для того периода понимание роли женщины в обществе как репродуктивного и трудового ресурса. Провозглашенные в Конституции (Основном законе) СССР 1924 г. и Конституции (Основном законе) РСФСР 1925 г. принцип равенства прав трудящихся, наряду с трудовой обязанностью граждан, неизбежно повлекли за собой трансформацию социальной роли женщины, которая в дореволюционной России считалась хранительницей домашнего очага, посвящая

¹ См., например: *Ростова О. С.* Периодизация семейно-правовой политики Советского государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6 (82). С. 68–72 ; *Стратегии правового развития России : коллективная монография / О. Ю. Рыбаков, Н. С. Бондарь, В. И. Фадеев [и др.].* М., 2016. С. 472–475 ; *Ульянова М. В.* Доктринальные подходы типологизации института семьи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 144–150.

² В отличие от первого семейного Кодекса законов РСФСР об Актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., второй семейный кодекс — Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. вплоть до 1945 г., наряду с зарегистрированным браком, признавал фактические брачные отношения (сожитительство), наличие которых устанавливалось в судебном порядке, после чего возникали аналогичные последствия для супругов, что и в зарегистрированном браке. Правовое положение детей, детско-родительские отношения основывались на кровном происхождении, вне зависимости от наличия зарегистрированного брака между родителями.

³ См.: *Шустров Д. Г.* Учение о конституции : учебник : в 2 т. М., 2023. Т. 1. С. 265.

себя мужу, домашнему хозяйству и воспитанию детей. Согласно с утверждением, что патриархальная традиционная семья многие столетия была не только «прочной основой общественного устройства, но выступала социальным институтом по хранению, развитию и трансляции смыслов и ценностей, источником социальных норм, стереотипов поведения и ценностных ориентаций, которые в конечном итоге составили социокультурный геном (культурный код)»⁴.

Характеризуя происходящую в стране после революции ситуацию, Александра Коллонтай, активный революционер и политический деятель, пишет: «Всё большее и большее число замужних женщин оказываются вынужденными совмещать профессиональную работу вне дома и бесчисленные работы по домоводству, по уходу за детьми и услужению мужу. Семья рабочего разрушается, дом приходит в запустение, дети оказываются беспризорными»⁵. Обозначенные проблемы детерминировали формирование специального направления государственной политики по поддержке женщины-труженицы, разработке мер социальной поддержки трудящейся матери и беременной женщины, позволяющие совмещать трудовые обязанности с материнством.

Конституционное закрепление принципа равенства прав мужчин и женщин в общественной и политической жизни общества требовали закрепления конституционных гарантий реализации данного принципа правового и организационного характера, направленных на реализацию этого принципа в реальной жизни с учетом репродуктивной функции женщины: во-первых, создание реальных условий, обеспечивающих доступ женщины ко всем сферам общественной жизни; во-вторых, разработку действенных мер социальной поддержки, позволяющих совмещать женщине разноплановую (производственную, образовательную, профессиональную, общественную, политическую и др.) деятельность с семейными обязанностями и функцией материнства; в-третьих, усиление системы здравоохранения в сфере охраны

здоровья беременных женщин и женщины-матери, снижения младенческой смертности; в-четвертых, создание системы присмотра и ухода за детьми, развитие сети воспитательных учреждений с целью минимизации детской беспризорности и безнадзорности. На конституционном уровне обозначенные гарантии предусмотрены не были.

Данный пробел был восполнен в последующих конституциях, которые, наряду с закреплением принципа равенства прав мужчин и женщин «во всех областях общественной и политической жизни», содержали новые положения, предусматривающие государственные гарантии поддержки материнства и детства. Принятая в 1936 г. Конституция (Основной закон) СССР⁶, закрепив положения о предоставлении женщине равных прав с мужчиной «во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни», реализация которых обеспечивалась «предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование», содержала нормы, гарантирующие «государственную охрану интересов матери и ребенка, государственную помощь многодетным и одиноким матерям, закрепляла право женщины на предоставление отпусков в связи с беременностью (с сохранением содержания)», предусматривала «развитие сети родильных домов, детских яслей и садов» (ст. 122). Следует отметить, что в первоначальной редакции ст. 122 Конституции СССР 1936 г. отсутствовали нормы о поддержке многодетных и одиноких матерей, они были внесены позже, в феврале 1947 г., и были обусловлены необходимостью восполнения численности населения после потерь во время Великой Отечественной войны. Аналогичные нормы содержались в Конституции (Основном законе) РСФСР 1937 г.⁷, где наряду с закреплением принципа равенства прав мужчин и женщин, «во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» закреплялись «государственная охрана

⁴ Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова [и др.]. Иваново, 2024. С. 14.

⁵ Коллонтай А. Труд женщины в эволюции хозяйства. М. ; Пг., 1923. С. 106.

⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.

⁷ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

интересов матери и ребенка, предоставление женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, а также создание широкой сети родильных домов, детских ясель и садов» (ст. 126). Следует подчеркнуть, что специальных конституционных норм о ценности семьи как объекте конституционной защиты в советских конституциях данного периода пока нет. Отношения в сфере семьи, брака, рождения и воспитания детей регулировались отраслевым законодательством и не составляли предмета конституционного права.

В 1940-е гг. государство меняет вектор семейной политики в сторону укрепления института брака, издается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»»⁸ (далее — Указ 1944 г.), согласно которому признаются законными только зарегистрированные брачные отношения, дети, рожденные вне брака, лишаются права на поддержку со стороны своих биологических отцов. Соответствующие изменения были внесены в семейный кодекс⁹, лишившие мать ребенка на обращение в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов

на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. С этого периода подход к пониманию института семьи как «базовой ячейке общества» становится традиционным для нашего государства. В связи с принятием обозначенных новелл среди общественности получила распространение версия о цели издания документа — укрепление семьи, что должно было способствовать «стабилизации семейных отношений и минимизировать возможность появления внебрачных детей»¹⁰.

Полагаем, что основная цель принятия документа виделась законодателю прежде всего в улучшении демографической ситуации в стране, вместе с тем время было выбрано неудачно. Мы склонны разделить мнение ученых¹¹ о том, что документ был принят не в самый благоприятный для общества период военного времени, что в очередной раз свидетельствует об императивном вмешательстве государства в семейные дела, что было свойственно в целом советскому периоду. Справедливо утверждение Н. Н. Тарусиной, что «публичная цель (решение демографической проблемы во что бы то ни стало) в весьма значительной степени перекрыла гуманитарные подходы к правовому регулированию отношений по воспроизводству населения»¹². Аналогичное грубое вмешательство государства в вопросы семьи также имело

⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

⁹ Указ Президиума ВС РСФСР от 16.04.1945 «Об изменениях Кодекса законов о браке, семье и опеке и Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 26.

¹⁰ См.: Матвеев Г. К. Советское семейное право : учебник. М., 1985. С. 31.

¹¹ См., например: Егорова Д. В. Государственно-правовая политика в сфере охраны здоровья матерей в годы Великой Отечественной войны // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 110–113 ; Нечаева А. М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8 ; Нижник Н. С., Биктасов О. К. Законодательные основания государственной политики в сфере брачно-семейных отношений в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 56–61 ; Ростова О. С. Особенности государственно-правового регулирования семейных отношений и охраны прав ребенка в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 22. С. 31–35 ; Рыбаков О. Ю. Тенденции развития российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3 (254). С. 156–164 ; Чокич Е. Особенности брачно-семейных процессов и семейной политики государства в 40-е годы // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 1997. № 3. С. 97 ; Шаповалова Я. А. Государственная политика в области семейно-брачных отношений в 1945–1991 гг. (на материалах Краснодарского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 111–140.

¹² Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 68–84.

место несколькими годами ранее, когда перед предстоящей переписью населения 1937 и 1939 гг. принимается запрет на производство аборт¹³, что, как отмечала М. В. Антокольская, «привело к массовым криминальным аборт¹³, многие из которых заканчивались тяжелыми последствиями, ситуация осложнялась тем, что не только лица, прерывающие беременность, но и сами женщины привлекались за эти действия к уголовной ответственности, в результате чего избегали медицинской помощи при возникновении осложнений из страха перед уголовным наказанием, что нередко приводило к смертельным исходам»¹⁴. Основная цель принятия данного запрета виделась в увеличении численности населения ввиду предстоящей отчетной переписи, результаты которой должны были показать уровень благополучия советского общества. Запрет на производство аборт¹³ действовал до 1968 г. и был отменен с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье¹⁵.

Анализ конституционных текстов периода Советского государства позволяет констатировать, что семья не являлась объектом полноценной, всесторонней конституционной защиты вплоть до принятия Конституции 1977 г. и создания объективно возможных условий, определения правовых гарантий охраны этого важнейшего социального института. Конституционное признание важности института семьи для общества и государства впервые было отражено в Конституции (Основном законе) СССР¹⁶ 1977 г. и, соответственно, в Конституции (Основном законе) РСФСР¹⁷ 1978 г., которые отражали концепцию развитого социализма. Подчеркнем тот факт, что семья — это особый институт, в котором сочетается личностное начало, самоценность каждого члена семьи с социальной значимостью института семьи для общества,

государства как универсальной непреходящей ценности. В идеальном аксиологическом плане семья представляет собой органическую совокупность ценностей личности, ее многоаспектных потребностей, притязаний, воплощенных в уважении к каждому члену семьи в сочетании с ролью общества, государства для семьи и семьи для них.

Наряду с уже ставшими традиционными для конституционного текста нормами, закрепляющими принцип равенства прав мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни (ст. 35 Конституции СССР 1977 г. и, соответственно, ст. 33 Конституции РСФСР 1978 г.), среди конституционных положений появились новые, ранее неизвестные нормы, гарантирующие государственную защиту семьи. Так, конституционное закрепление получила обязанность государства заботиться о семье «путем создания и развития широкой сети детских учреждений, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье» (ст. 53 Конституции СССР). В этой же статье нашли закрепление три принципа построения советской семьи: семья строилась на основе заключения брака между мужчиной и женщиной; обязательным условием заключения брака конституционная норма предписывала наличие добровольного согласия супругов; наличие зарегистрированного брака порождало равенство супругов в семейных отношениях. Аналогичные положения включала Конституция РСФСР 1978 г., где семья провозглашалась объектом «государственной защиты и заботы», проявлявшихся «путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий

¹³ Постановление ЦИК и СНК от 27.06.1936 «О запрещении аборт¹³, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских сад¹³, усилении уголовного наказания за неплатеж алимент¹³ и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

¹⁴ Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М., 2002. С. 71–72.

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.10.1968 № 3174-VII «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с введением в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 43.

¹⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 619.

¹⁷ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье» (ст. 51). Здесь же был отражен единый подход к пониманию брака, основанного на равенстве супругов и добровольном согласии женщины и мужчины при его заключении (ч. 1 ст. 51).

Именно с принятием конституций 1977 и 1978 гг. защита семьи приобрела конституционно-закрепленный системный характер, обеспеченный мерами повышенной защиты и гарантиями ее реализации. Конституционное закрепление защиты семьи государством, пишет А. М. Нечаева, «выражало бережное отношение к семье, принципиально иное, чем прежде, понимание ее роли в жизни социалистического общества»¹⁸. Обозначенный конституционный подход к социальной значимости института семьи нашел дальнейшее отражение в общегосударственной политике, отраслевом законодательстве, правоприменительной практике последних двух десятилетий советского периода.

Кризис политической системы 1980-х гг., отразившись на всех сферах общественной жизни, неизбежно привел к трансформации института семьи: под влиянием «вестернизации» идет процесс «рассеивания» — погружившись в череду политических событий, государство устраняется от проведения единой политики укрепления семьи, молодежь легко адаптируется к различным формам сожительства (вместо зарегистрированного брака), институт семьи, который носил общественно значимый характер в советский период, переходит

в формат частноправовых отношений. Кризис, имеющий место в западном обществе, отмечает Д. А. Пашенцев, связан в большей степени с утратой общечеловеческих ценностей, на которых строилась и развивалась европейская цивилизация, падением общественной морали и нравственных устоев, что, как следствие, приводит к разрушению института семьи¹⁹. Семья в данный период, пишет Т. А. Бараненкова, характеризуется ориентацией на малодетность и однодетность, несмотря на предпринимаемые со стороны государства меры по поддержке семей с детьми при рождении первого и второго ребенка, которые являются незначительными по размерам²⁰. Специалисты характеризуют данный период как неблагоприятный по всем демографическим показателям, которые обусловлены прежде всего снижением в общественном сознании важности института семьи, как следствие, нежеланием вступать в брак, добровольной бездетностью, откладыванием рождения детей на более поздние возрастные периоды, снижением ценности многодетной семьи²¹. Конституции 1977 и 1978 гг. претерпевают череду поправок, после чего встает вопрос о необходимости принятия новой конституции, т.к. действующие нормы не соответствуют тем общественным отношениям, которые имеют место в стране.

В рамках настоящего исследования определен интерес представляет проект новой конституции, подготовленный Конституционной комиссией в 1990 г.²² и обновленный к 1993 г.²³,

¹⁸ См.: Нечаева А. М. Обеспечение конституционных прав и обязанностей граждан советским семейным законодательством // Роль гражданского и семейного законодательства в обеспечении конституционных прав и обязанностей граждан СССР / Н. С. Малеин, А. А. Рубанов, А. Ю. Кабалкин [и др.] ; отв. ред. В. Р. Скрипко. М., 1983. С. 167.

¹⁹ См.: Пашенцев Д. А. Две модели правового регулирования семейных отношений: дореволюционный и советский опыт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 61.

²⁰ Бараненкова Т. А. Семья в постсоветском обществе: социально-экономический аспект // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 102–103.

²¹ Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья — важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 123.

²² Проект Конституции Российской Федерации, принятый Конституционной комиссией за рабочую основу 12 ноября 1990 г. и опубликованный для всенародного обсуждения в Конституционном вестнике. 1990. № 4. С. 55–120 // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993) : в 6 т. Т. 1 : 1990 г. / под общ. ред. О. Г. Румянцев. М., 2007. С. 590–663.

²³ Проект Конституции Российской Федерации, подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. Т. 4 : 1993 г. Кн. 3 (июль — декабрь 1993 г.) / под общ. ред. О. Г. Румянцев. М., 2009. С. 190–239.

содержавший ряд положений, направленных на поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства, в том числе отдельную главу, всецело посвященную институту семьи. В Таблице 1 приведены выдержки из указанных проектов документа.

Таблица 1

Наименование раздела	Содержание статьи в редакции 1990 г.	Содержание статьи в редакции 1993 г.
Раздел I. Основы конституционного строя Российской Федерации	Статья 1.8. Социальное государство (2) Российская Федерация <> заботится о семье и детях, инвалидах и престарелых <> (3) Государство проводит гуманную демографическую политику	Статья 9. Социальное государство (2) Государство <> обеспечивает поддержку семье, материнству, отцовству и детству; (3) Государство проводит гуманную демографическую политику
Раздел II. Права, свободы и обязанности человека и гражданина	Глава 2.3. Гражданские права Статья 2.3.2. В Российской Федерации запрещается вмешательство в частную и семейную жизнь. Каждый имеет право на защиту от произвольного вмешательства в его личную и семейную жизнь со стороны государства, общества и частных лиц	Глава III. Гражданские и политические права и свободы Статья 22 (1) Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни
Раздел III. Гражданское общество	Глава 3.2. Брак и семья Статья 3.2.1. Семья является естественной ячейкой общества. Общество и государство покровительствуют семье, материнству и детству. Статья 3.2.2. Мужчины и женщины, независимо от расы, цвета кожи, национальности и религии, социального и имущественного положения, имеют равное право вступать в брак и создавать семью. Статья 3.2.3. (1) Брак может быть заключен при свободном и полном согласии вступающих в брак <> Закон устанавливает формы брака, возможность и порядок заключения брачного договора, брачный возраст и условия вступления в брак <> Статья 3.2.4. (1) Все дети равны перед законом вне зависимости от происхождения и гражданского состояния родителей. (2) Дети, рожденные вне зарегистрированного брака, пользуются одинаковыми правами с детьми, рожденными в зарегистрированном браке. Статья 3.2.5. (1) Родители обязаны содержать своих детей. На родителях лежит преимущественная ответственность за воспитание детей.	Глава X. Семья Статья 71. (1) Семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства и общества. (2) Брак основывается на добровольном согласии и равноправии супругов. Статья 72. (1) На родителях лежит обязанность содержать и воспитывать своих детей до совершеннолетия. Родители равны в правах по воспитанию детей. Родители или лица, их заменяющие, вправе избирать в интересах ребенка, с учетом его мнения и в соответствии с законом характер и формы его воспитания и образования. (2) Труд по воспитанию детей дает право на социальную защиту в соответствии с законом. (3) Дети пользуются равной правовой защитой вне зависимости от происхождения и гражданского состояния родителей. (4) Государство и общество обеспечивают содержание, воспитание и образование детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения <> (5) Ребенок имеет право на выражение своего мнения, право на свободу мысли и совести <>

Раздел III. Гражданское общество	(2) Все заботы по содержанию, образованию и воспитанию детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, лежат на государстве и обществе в целом. Статья 3.2.6. Признается свобода родителей несовершеннолетних детей или их законных опекунов избирать в соответствии со своими убеждениями формы и характер воспитания <> Статья 3.2.7. Совершеннолетние дети обязаны заботиться о своих родителях	(6) Совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о своих нетрудоспособных родителях. (7) Российская Федерация в рамках молодежной политики обеспечивает поддержку молодых семей
Раздел IV. Федеративное устройство	Глава 4.2. Компетенция Российской Федерации и федеральных территорий Статья 4.2.3. К совместному ведению Российской Федерации и республик относятся: 5) здравоохранение и государственное социальное обеспечение ²⁴	Глава XII. Предметы ведения и полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Статья 78. (1) К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся: з) <...> защита материнства, отцовства и детства...

С одной стороны, конституция не должна подробно регламентировать сферу семейных отношений — между супругами, родителями и детьми, условия заключения и расторжения брака и т.д., воспроизводя нормы отраслевого законодательства, данная дискреция принадлежит законодателю, в то время как конституция является актом, обладающим высшей юридической силой, предопределяющим основы формирования всех сфер общественной и государственной жизни, закрепляющим принципы построения отраслевых норм. Полагаем, что в приведенном тексте проекта конституции (в ред. 1993 г.) одобрительной оценки заслуживают положения ст. 9, закрепляющие проведение «гуманной государственной демографической политики», включенные в разд. I (Основы конституционного строя) и направленные на недопущение грубого, необдуманного вмешательства государства в планирование семьи, а также производные от них положения, включенные в разд. II о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина о «недопустимости произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь со стороны государства», что, как известно, имело место в советский

период. Глава X «Семья» включена авторами проекта в разд. III «Гражданское общество», что подчеркивает статус семьи как важного субъекта общественных отношений и элемента гражданского общества, обеспечивающего его стабильность и устойчивое развитие.

Альтернативный — «президентский» проект Конституции отражал иной подход к закреплению конституционных гарантий защиты семьи. В Таблице 2 приведены выдержки из проекта Конституции РФ, одобренного участниками Конституционного совещания (по состоянию на 12 июля 1993 г.)²⁵, которые вошли в итоговый текст Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. (см. табл. 2).

Следует отметить некоторое противоречие в нормах приведенного проекта Конституции, которое сохранилось и после его принятия. Так, статья 7 предусматривает поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, которая реализуется в рамках социальной функции государства, в то время как в ст. 37 говорится о государственной защите лишь семьи, материнства и детства, очевидно, что отцовство, по замыслу авторов проекта, не включается в объект государственной защиты, что, полагаем,

²⁴ В данной редакции проекта сфера семьи (семейного законодательства), материнства, детства, отцовства не были включены в перечни вопросов статей 4.2.2 — исключительное ведение Российской Федерации и 4.2.3 — вопросы совместного ведения Российской Федерации и республик, что было восполнено в редакции 1993 г.

²⁵ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.). Т. 4: 1993 год. Кн. 3 (июль — декабрь 1993 г.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М., 2009. С. 141–175.

Таблица 2

Наименование раздела, главы	Содержание статьи
Раздел I. Глава 1. Основы конституционного строя	Статья 7. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей <> обеспечивается поддержка семье, материнству, отцовству и детству
Раздел I. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина	Статья 23. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну <> Статья 37. Семья, материнство и детство находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Труд по воспитанию детей является основанием для социального обеспечения. Совершеннолетние трудоспособные дети должны заботиться о нетрудоспособных родителях. Статья 42. <> Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования
Раздел I. Глава 3. Российская Федерация	Статья 72. К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся: ж) координация вопросов здравоохранения, защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение...

является пробелом. Далее в тексте ст. 72 проекта Конституции, регламентирующей вопросы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, снова появляется норма об отцовстве.

Принимая во внимание, что отцовство несет важную социальную функцию как в отдельной семье, так и в обществе, данный институт требует включения в объект государственной защиты. Об этом упущении в свое время писал академик О. Е. Кутафин, рассматривая семью как «основополагающий социальный институт полноценного воспитания новых поколений граждан, одинаково важный как для общества, так и для государства». Ученый приходит к выводу, что не только семья, материнство и детство, но и отцовство «должны находиться под защитой и общества, и государства, как в правовом, так и в социальном плане»²⁶, что согласуется с предназначением социального государства. Обозначенный подход к рассмотрению социального потенциала семьи свидетельствует о дальновидности научных и политических взглядов ученого, прогнозирувавшего на несколько десятилетий вперед развитие конституционного законодательства.

Конституционная реформа 2020 г. наполнила содержанием институт брака, закрепила дополнительные гарантии защиты семьи в ряду конституционных ценностей, обозначила необходимость защиты традиционных семейных ценностей, тем самым отразив поставленные Президентом России задачи по созданию в стране полномасштабной эффективной системы поддержки семей²⁷.

Закрепление содержания института брака как союза мужчины и женщины на уровне Конституции, вызванное объективной необходимостью отражения чуждых российской ментальности идеологий, пропагандирующих нетрадиционные формы сожительства, создаст ценностное наполнение предназначения института семьи. В Заключении от 16.03.2020 Конституционный Суд РФ, давая оценку данной новелле, указал на репродуктивную функцию семьи как базовую, отвечающую целям ее создания — рождению и воспитанию детей, что в полной мере согласуется с положениями ст. 7 и 38 Конституции, предусматривает возможность создания семьи в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права²⁸. Следует обратить

²⁶ См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 347.

²⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (дата обращения: 12.04.2024).

²⁸ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Консти-

внимание, что высший орган конституционного контроля, выступая гарантом конституционных ценностей, обеспечивая стабильность Конституции и законов, направленных на защиту семьи и семейных ценностей российского общества, еще за много лет до принятия конституционной поправки выработал собственный подход к пониманию назначения института семьи, позволяющий обеспечивать его реализацию в правоприменительной практике и законодательных решениях.

Так, например, в 2007 г. Суд исключил возможность заключения полигамных браков, указав, что подобная практика не согласуется со статусом светского государства, которым является, согласно ч. 1 ст. 14, Россия, «а потому те или иные религиозные установления и правила, допускающие полигамию брачных союзов, иной подход к решению этого вопроса в ряде других государств, не могут оказывать влияния на государственную политику в области семейных отношений, основные начала которой характеризуются, в частности, принципом единобрачия (моногамией), исходящим из отношения к браку как биологическому союзу только одного мужчины и одной женщины, что не допускает одновременного нахождения в нескольких браках»²⁹. Ранее Конституционный Суд РФ обозначил позицию относительно недо-

пустимости заключения однополых браков, указав, что подобный запрет направлен на защиту семьи как естественной и основной ячейки общества, с учетом реализации основной ее функции — рождения и воспитания детей, что отвечает общепринятым нормам и принципам морали, отраженным как в международных актах, так и в российском законодательстве³⁰.

Тридцатилетняя практика Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что, раскрывая содержание конституционных положений о защите семьи, наполняя их ценностным содержанием, Суд тем самым формирует перечень производных ценностей, что в системном единстве определяет конституционную ценность института семьи. Среди семейных ценностей, имеющих общесоциальное значение, обеспечивающих сохранение и воспроизводство семьи как института, ставших предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, следует выделить: 1) *ценность брака*, понимаемого как союз мужчины и женщины; 2) *равенство прав супругов* в браке; 3) *равенство прав и обязанностей родителей* по воспитанию детей³¹; 4) *недопустимость произвольного вмешательства со стороны общества и государства в семейные отношения*³²; 5) *приоритет семейного воспитания ребенка*³³; 6) обеспечение тайны частной и семейной

туции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

²⁹ См.: п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 851-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязанова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685459/> (дата обращения: 12.03.2024).

³⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15518.pdf> (дата обращения: 13.04.2024).

³¹ См.: определения от 28.06.2022 № 1605-О, от 30.11.2021 № 2435-О, от 20.07.2021 № 1636-О, от 30.06.2020 № 1574-О, от 29.01.2019 № 201-О, от 17.01.2012 № 122-О-О, от 22.04.2010 № 546-О-О, от 19.05.2009 № 841-О-О, от 20.11.2008 № 1033-О-О; постановления от 14.04.2022 № 15-П, от 01.02.2019 № 7-П, от 06.10.2017 № 23-П, от 08.06.2010 № 13-П, от 20.06.2010 № 17-П и др.

³² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Шишкиной» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision518599.pdf> (дата обращения: 13.03.2024).

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под

жизни³⁴; 7) защита прав и интересов ребенка³⁵; 8) наличие духовной связи между супругами, а также между родителями и детьми³⁶; 9) гарантии государственной поддержки семьи, материнства, отцовства, детства³⁷ и др. Анализ судебной практики подтверждает, что семья рассматривается судом не только с целью защиты интересов лиц с семейными обязанностями, в процессе конституционного судопроизводства объективируется формально-юридическая природа семьи как социально значимой ценности, обладающей большим общественным потенциалом — инструментом преумножения и развития российской нации — всего многонационального народа России³⁸, что согласуется с конституционными целями.

Исходя из приведенного понимания, в российской Конституции появилось новое направление реализации государственной социальной политики — по «сохранению традиционных семейных ценностей», реализация и обеспечение которого отнесена к полномочиям Правительства РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114). Цель этой поправки, как правильно отмечает В. В. Гошуляк, состоит в том, чтобы, подняв на конституционный уровень защиту традиционных семейных ценностей, обеспечить тем самым комплексную систему защиты семьи, привлекая к этому процессу все уровни публичной власти, закрепив соответству-

ющие гарантии в федеральном и региональном законодательстве³⁹. Именно такие задачи ставятся в документах стратегического планирования Российской Федерации⁴⁰, где семья понимается как фундаментальная основа российского общества, стратегический ресурс воспроизводства населения, институт воспитания индивида, наполнения его сознания традиционными духовно-нравственными ценностями.

Появление данной конституционной новеллы вызвало определенный интерес среди исследователей прежде всего ввиду необходимости ее смыслового наполнения, определяющего как векторы российской государственной политики, так и дальнейшее законодательное закрепление и отражение в правоприменительной практике. Возможно, Конституционному Суду РФ еще предстоит дать официальное толкование обозначенных положений. Вместе с тем среди ученых сложились определенные парадигмы интерпретации традиционных семейных ценностей, которые условно можно разделить на два подхода.

Представители первого утверждают, что семейные ценности не носят универсальный характер, у каждого социума, особенно семьи, они уникальны, передаваемые от поколения к поколению⁴¹. Такие ценности, по мнению А. А. Русановой, можно разделить на несколько

опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision338500.pdf> (дата обращения: 14.04.2024).

³⁴ См., например: постановления от 02.03.2023 № 7-П, от 16.06.2015 № 15-П.

³⁵ См., например: постановления от 18.01.2024 № 2-П, от 02.03.2021 № 4-П; от 01.02.2019 № 7-П, от 31.01.2014 № 1-П.

³⁶ См., например: постановления от 12.03.2015 № 4-П, от 15.11.2016 № 24-П, от 25.06.2020 № 29-П; определение от 05.02.2015 № 226-О.

³⁷ См., например: постановления от 08.07.2014 № 7-П, от 16.06.2015 № 15-П, от 21.12.2022 № 56-П, от 17.06.2024 № 30-П; определение от 17.11.2011 № 1539-О-О.

³⁸ См., например: постановления от 31.01.2014 № 1-П, от 23.09.2014 № 24-П, от 12.03.2015 № 4-П.

³⁹ Гошуляк В. В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 31–40.

⁴⁰ См., например: Указ Президента РФ от 02.06.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351; Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт правовой информации: URL: <http://publication.pravo.gov.ru>. 09.11.2022; Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009; распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁴¹ См., например: Ситкова О. Ю. Семья, семейные связи, семейные ценности: проблемы понимания в современных условиях // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 146; Мжельская Е. В.

групп: ценность супружества (брака), ценность родительства (рождения и возможность воспитания детей), ценность родства (наличие родственных связей), ценность взаимодействия и взаимопомощи между членами семьи⁴². В представленном подходе семейные ценности выступают в роли духовно-нравственных, этических норм, принимаемых определенным социумом (семьей), которые разделяются членами семьи.

Социологические исследования современных ученых свидетельствуют, что для большинства россиян семейные ценности приблизительно одинаковы: любовь, родительство, верность, доверие, связь с предками, дом, многодетность, многопоколенность⁴³. По данным опроса общественного мнения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «ключевое место среди ценностей для россиян занимает крепкая семья (67 %, в 2023 г. — 68 %), создание семьи — не просто важная ценность, а жизненная цель (87 %), сохранение преемственности семейных традиций в целом и традиционных семейных ценностей в частности (в том числе культуры материнства и отцовства, многодетности) находит поддержку у большинства опрошенных (76 % и 82 % соответственно). Для каждого второго россиянина идеальная семья — многодет-

ная (50 %), т.е. с тремя детьми (40 %) и более (4–5 детей — 8 %, 6 детей и более — 2 %), 38 % считают, что в семье должно быть двое детей; сторонников бездетных и однодетных семей среди россиян практически нет (5 % и 2 % соответственно)⁴⁴. Большинство респондентов отметили, что «семья выполняет ключевую роль в воспитании индивида (78 %), наряду с обществом, школой, окружением (14 %), в связи с чем ответственность за воспитание подрастающего поколения россияне в равной степени возлагают на мужчину и женщину (93 %), а не только на мать (5 %) или отца (2 %)⁴⁵.

Второй подход отражает понимание института семьи как самоценности⁴⁶, важного стратегического ресурса воспроизводства населения, формирования духовной культуры общества и обеспечения его устойчивого развития. Согласно данному подходу семья несет в себе социально значимый потенциал, важный для стабилизации общества и устойчивого развития государства. В этой связи справедливо утверждение Д. С. Ксенофоновой, что трансформация семейного законодательства и государственной семейной политики детерминированы изменениями социальной реальности, задачами защиты семьи, укрепления брака, сохранения семейных ценностей⁴⁷. Полагаем, что данный

Современные подходы к сущности понятия «семейные ценности» // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 113–116.

⁴² Русанова А. А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 4 (12). С. 34.

⁴³ Семья и демографические процессы в современной России : монография / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенова ; под ред. Т. К. Ростовской. М., 2021. С. 20–21 ; Ростовская Т. К. Многопоколенная семья как стратегический ресурс национальной безопасности России // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 165–166.

⁴⁴ Семья и демографические процессы в современной России. С. 20–21.

⁴⁵ См.: Семья как ценность // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 13.04.2024).

⁴⁶ См., например: Атагимова Э. И. Социально обусловленные потребности реформирования отечественного законодательства в сфере противодействия семейно-бытовому насилию // Юридическое образование и наука. 2020. № 11. С. 24 ; Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения / О. Ю. Рыбаков, Е. А. Антонян, Э. И. Атагимова [и др.]. М., 2023 ; Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 73 ; Летова Н. В. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 59 ; Нарутто С. В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30 ; Рыбакова О. С. Конституционное обеспечение защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества // Теория государства и права. 2023. № 4 (33). С. 255–269 ; Рыбаков О. Ю., Плешаков А. П. Социальная государственность и основные направления конституционно-правовой политики в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 3. С. 5–16.

⁴⁷ Ксенофопова Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11 (180). С. 131.

подход к рассмотрению семейных ценностей, отражающий совокупность накопленных российским обществом за многолетнюю историю представлений о роли семьи в жизни человека, общества и государства, лежит в основе конституционного закрепления защиты семьи и семейных ценностей, реализуется в положениях законодательства и правоприменительной практике.

Вместе с тем закрепление на конституционном уровне гарантий уважения и обеспечения традиционных семейных ценностей, утвержденное в законодательстве, стратегических актах и опосредованное правоприменительной практикой Конституционного Суда РФ, представляет собой синтез обозначенных подходов, отражающий, с одной стороны, светский подход к пониманию общественной значимости и стратегической ценности института семьи, с другой — преследует цель поддержания семейных традиций и культурной самобытности народов и этносов России, сохраняющих уникальные обычаи своих предков, отражающие исторически сложившуюся социально-культурную роль российской семьи.

В обновленной Конституции нашли отражение задачи по формированию духовно-нравственной культуры российского общества, реализация которых предполагает воспитание детей и молодежи в духе уважения к старшим, формирование патриотизма, гражданственности (ч. 4 ст. 67.1), что также касается института семьи, ввиду того, что именно семья является базовым институтом формирования мировоззрения индивида, воспитывая его ценностные установки, передавая их от поколения к поколению и образуя духовно-нравственный социокод российской нации, определяющий общероссийскую гражданскую идентичность, обусловленную традициями и самобытностью народов России в их историческом развитии. В этой связи согласимся с утверждением, что «семья представляет собой один из возможных вариантов сохранения экологии нации, гармонизации морально этического и нравственного климата общества, является безусловным пер-

вичным социумом воспитания новых поколений, социализации и развития индивида, а также основой общественного сознания будущего общества и государства»⁴⁸.

Провозгласив детей приоритетом государственной политики, Конституция закрепляет обязанность государства по созданию благоприятных условий жизнедеятельности ребенка, в том числе в направлениях духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития, формирования у него патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67.1), тем самым ставятся задачи в сфере духовно-нравственного воспитания, где основным субъектом является семья. Тем самым, принимая во внимание важнейшую роль института семьи в формировании духовно-нравственной сферы человека, российская Конституция обеспечивает и гарантирует реализацию воспитательной роли семьи, что особенно актуально в условиях современных культурных вызовов, выраженных в распространении недружественными странами антисемейных идеологий. Наблюдаемый в отдельных странах процесс деградации института семьи и девальвации традиционных семейных ценностей, выраженный в распространении идеологии чайлд-фри, поощрении нетрадиционных форм сожительства⁴⁹, допустимости нескольких гендеров и закреплении прав несовершеннолетних на гендерную самоидентификацию и т.д., ведет к катастрофе всего человечества, выступает детерминантой смещения духовно-нравственных ориентиров молодежи. Обозначенные тенденции вызывают серьезные опасения по поводу будущего российской семьи, что, безусловно, актуализирует необходимость повышенной защиты института семьи и семейных ценностей российского общества.

2024 год объявлен Указом Президента РФ Годом семьи в России, что отражает вызов иностранным антисемейным идеологиям, направленным на разрушение института семьи, обозначая общегосударственную задачу ее защиты, воплощающей в себе стабильность российского общества и государства, основу

⁴⁸ Дородонова Н. В. Конституционно-правовая политика стран СНГ в сфере защиты семьи и семейных ценностей // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества Независимых Государств : сборник научных трудов, к 30-летию Конституции Российской Федерации. М., 2023. С. 119.

⁴⁹ См.: Дородонова Н. В. Правовое регулирование брачных отношений в Бельгии: вопросы истории и современные проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009 ; Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5 (241). С. 65–73.

воспроизводства населения и сохранения российской нации, обеспечения национальной безопасности. Сегодня общество и государство заинтересованы в крепкой семье, стабилизации семейных отношений, укреплении института брака, обеспечении защиты семей с детьми и многодетных семей, что согласуется с конституционно-правовым статусом России — социального правового демократического государства. Семья является объектом системно выстроенной конституционно-правовой защиты, выраженной в направлениях государственной социальной политики, реализуемой через различные правовые, экономические, организационные, просветительские и иные меры.

Заключение

Сегодня защиту семьи и семейных ценностей следует рассматривать в числе приоритетов обеспечения национальной безопасности России, решение которых направлено на сохранение общероссийской идентичности, устойчивого развития государства, сохранения социально значимых духовно-нравственных ценностей. В целях наиболее полного обеспечения защиты семьи и семейных ценностей в векторе конституционного развития России полагаем необходимым сосредоточиться на решении следующей задачи.

Принимая во внимание, что два базовых документа в данной сфере — Концепция государственной семейной политики и Концепция демографической политики — исчерпают свое действие в 2025 г., предложить Правительству РФ в рамках полномочий, закрепленных в п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, проработать совместно с научным сообществом стра-

тегический программно-целевой документ сроком действия на 20–30 лет (с последующей поэтапной корректировкой), предусматривающий направления реализации государственной политики в сфере поддержки института семьи, включающей такие задачи, как: 1) мотивация молодежи к созданию семьи и рождению детей; 2) популяризация моделей «семья с детьми», «многодетная семья»; 3) создание благоприятных условий для совмещения материнства (отцовства) с профессиональной реализацией и возможностью обучения; 4) развитие системы оказания различных видов помощи *всем семьям с детьми* (психологической, медиативной, юридической, материальной и др.), а не только тем, которые находятся в трудной жизненной ситуации; 5) развитие системы социально-экономической поддержки семей с детьми, направленной на мотивацию к созданию многодетной семьи.

Итоговым результатом на долгосрочную перспективу реализации стратегического документа целесообразно поставить улучшение качества жизни семей с детьми, увеличение демографических показателей за счет коренного населения России, закрепление в общественном сознании понимания многодетной семьи как элемента культуры российского общества. Полагаем, что наряду с обеспечительными социально-экономическими мерами поддержки семьи немаловажное значение имеет формирование общественной идеи о важности семьи как самоценности, выраженной в ответственном отношении (особенно молодежи) к созданию семьи и рождению детей, уважении к лицам пожилого возраста, общественной поддержке многопоколенных многодетных семей, общественном порицании отказа от заключения брака и воспитания детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антокольская М. В. Семейное право : учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юристъ, 2002. 336 с.
- Атагимова Э. И. Социально обусловленные потребности реформирования отечественного законодательства в сфере противодействия семейно-бытовому насилию // Юридическое образование и наука. 2020. № 11. С. 35–42.
- Бараненкова Т. А. Семья в постсоветском обществе: социально-экономический аспект // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 101–111.
- Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения / О. Ю. Рыбаков, Е. А. Антонян, Э. И. Атагимова [и др.]. М. : Проспект, 2023. 424 с.
- Гошуляк В. В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 31–40.

Дородонова Н. В. Конституционно-правовая политика стран СНГ в сфере защиты семьи и семейных ценностей // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества Независимых Государств : сборник научных трудов к 30-летию Конституции Российской Федерации. М., 2023. С. 119–129.

Дородонова Н. В. Правовое регулирование брачных отношений в Бельгии: вопросы истории и современные проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.

Егорова Д. В. Государственно-правовая политика в сфере охраны здоровья матерей в годы Великой Отечественной войны // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 110–113.

Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 67–74.

Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993) : в 6 т. Т. 1 : 1990 г. / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2007. 936 с.

Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. Т. 4 : 1993 г. Кн. 3 (июль — декабрь 1993 г.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.

Коллонтай А. Труд женщины в эволюции хозяйства. М.; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 112 с.

Ксенофонтowa Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11 (180). С. 124–133.

Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. 544 с.

Летова Н. В. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 58–66.

Матвеев Г. К. Советское семейное право : учебник. М. : Юрид. лит., 1985. 208 с.

Мжельская Е. В. Современные подходы к сущности понятия «семейные ценности» // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 113–116.

Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5 (241). С. 65–73.

Нарутто С. В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30.

Нечаева А. М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8.

Нечаева А. М. Обеспечение конституционных прав и обязанностей граждан советским семейным законодательством // Роль гражданского и семейного законодательства в обеспечении конституционных прав и обязанностей граждан СССР / Н. С. Малеин, А. А. Рубанов, А. Ю. Кабалкин [и др.] ; отв. ред. В. Р. Скрипко. М. : Наука, 1983. 215 с.

Нижник Н. С., Биктасов О. К. Законодательные основания государственной политики в сфере брачно-семейных отношений в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 56–61.

Пашенцев Д. А. Две модели правового регулирования семейных отношений: дореволюционный и советский опыт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 60–67.

Ростова О. С. Особенности государственно-правового регулирования семейных отношений и охраны прав ребенка в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 22. С. 31–35.

Ростова О. С. Периодизация семейно-правовой политики Советского государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6 (82). С. 68–72.

Ростовская Т. К. Многопоколенная семья как стратегический ресурс национальной безопасности России // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 165–166.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья — важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 121–133.

Русанова А. А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 4 (12). С. 34–35.

Рыбаков О. Ю. Тенденции развития российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3 (254). С. 156–164.

Рыбаков О. Ю., Плешаков А. П. Социальная государственность и основные направления конституционно-правовой политики в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 3. С. 5–16.

Рыбакова О. С. Конституционное обеспечение защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества // Теория государства и права. 2023. № 4 (33). С. 255–269.

Семья и демографические процессы в современной России : монография / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенова ; под ред. Т. К. Ростовской ; ФНИСЦ РАН. М. : Экон-Информ, 2021. 257 с.

Ситкова О. Ю. Семья, семейные связи, семейные ценности: проблемы понимания в современных условиях // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 142–150.

Стратегии правового развития России: коллективная монография / О. Ю. Рыбаков, Н. С. Бондарь, В. И. Фадеев [и др.]. 3-е изд., стереотип. М. : Юстиция, 2016. 624 с.

Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова [и др.]. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2024. 472 с.

Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 68–84.

Ульянова М. В. Доктринальные подходы типологизации института семьи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 144–150.

Чокич Е. Особенности брачно-семейных процессов и семейной политики государства в 40-е годы // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 1997. № 3. С. 95–100.

Шапвалова Я. А. Государственная политика в области семейно-брачных отношений в 1945–1991 гг. (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. 187 с.

Шустров Д. Г. Учение о конституции : учебник : в 2 т. Т. 1. М. : Проспект, 2023. 512 с.

REFERENCES

- Antokolskaya MV. Family law: A textbook. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurist Publ.; 2002. (In Russ.).
- Atagimova EI. Socially determined needs of reforming domestic legislation in the field of countering family and domestic violence. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal education and science]*. 2020;11:35-42. (In Russ.).
- Baranenkova TA. Family in post-Soviet Society: Socio-economic aspect. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*. 2018;2:101-111. (In Russ.).
- Chokich E. Features of marriage and family processes and family policy of the state in the 40s. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 18, Sociology and Political Sciences*. 1997;3:95-100. (In Russ.).
- Dorodonova NV. Constitutional and legal policy of the CIS countries in the field of family protection and family values. Priorities of the constitutional development of Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States: A collection of scientific papers on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Moscow; 2023. (In Russ.). Pp. 119–129. (In Russ.).
- Dorodonova NV. Legal regulation of marital relations in Belgium: Issues of history and modern problems. Abstract of Cand. Diss. (Law). Saratov; 2009. (In Russ.).
- Egorova DV. State legal policy in the field of maternal health protection during the Great Patriotic War. *Sotsialno-politicheskie nauki*. 2011;1:110-113. (In Russ.).
- Eliseeva AA. Family and family values: Approaches to understanding in the context of modern law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(3):67-74. (In Russ.).
- From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 volumes. Vol. 1: 1990. Rumyantsev OG, editor. Moscow: Walters Kluwer Publ.; 2007. (In Russ.).
- From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 volumes. Vol. 4: 1993. Book 3 (July — December 1993). Rumyantsev OG, editor. Moscow: Walters Kluwer Publ.; 2009. (In Russ.).
- Goshulyak VV. Family protection as a subject of joint responsibility of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;4:31-40. (In Russ.).
- Kollontay A. The work of a woman in the evolution of the economy. Moscow; Pg.: State Publishing House; 1923. (In Russ.).
- Ksenofontova DS. Family law in the context of a new social reality formation: Doctrinal principles of law enforcement. *Lex russica*. 2021;74(11):124-133. (In Russ.).

- Kutafin OE. Russian constitutionalism: Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
- Letova NV. Family policy as a basis for the preservation and provision of values in the Russian Federation. *Sotsialno-politicheskie nauki [Socio-Political Sciences]*. 2024;14(1):58-66. (In Russ.).
- Matveev GK. Soviet Family Law: A textbook. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1985. (In Russ.).
- Mitrikas AA. Family as a value: The state and prospects of value choice in European countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004;5(241):65-73. (In Russ.).
- Mzhelskaya EV. Modern approaches to the essence of the concept of «family values». *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2013;4(5):113-116. (In Russ.).
- Narutto SV. Family as a constitutional value. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;5:21-30. (In Russ.).
- Nechaeva AM. Ensuring the constitutional rights and obligations of citizens by the Soviet family legislation. In: Malein NS, Rubanov AA, Kabalkin AYU et al. The role of civil and family legislation in ensuring the constitutional rights and obligations of citizens of the USSR. Edited by Skripko VR. Moscow: Nauka Publ.; 1983. (In Russ.).
- Nechaeva AM. The history of legislation on custody and guardianship of minors. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2013;4:3-8. (In Russ.).
- Nizhnik NS, Biktasov OK. Legislative bases of the state policy in the field of marital and family relations during the Great Patriotic War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2005;2(26):56-61. (In Russ.).
- Pashentsev DA. Two models of legal regulation of family relations: Pre-revolutionary and Soviet experience. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya» [Bulletin of the Moscow State Region University. Jurisprudence Series]*. 2019;3:60-67. (In Russ.).
- Rostova OS. Features of state-legal regulation of family relations and protection of children's rights during the Great Patriotic War. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2015;22:31-35. (In Russ.).
- Rostova OS. Periodization of the family and legal policy of the Soviet state. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. 2011;6(82):68-72. (In Russ.).
- Rostovskaya TK, Arkhangelskiy VN, Ivanova AE, Kuchmaeva OV, Semenova VG. Family and demographic processes in modern Russia: A monograph. Edited by Rostovskaya TK; FNSC RAS. Moscow: Ekon-Inform Publ.; 2021. (In Russ.).
- Rostovskaya TK, Kuchmaeva OV. Family is an important component of the value core of young Russians. *Tsennosti i smysly*. 2017;1(47):121-133. (In Russ.).
- Rostovskaya TK, Vasilyeva EN, Kalachikova ON et al. Student family in Russia: Barriers and opportunities for well-being. Ivanovo: Ivan. State University Publ.; 2024. (In Russ.).
- Rostovskaya TK. The multigeneration family as a strategic resource for Russia's National security. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;5:165-166. (In Russ.).
- Rusanova AA. Family as a value and the institute of social self-determination of student youth. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*. 2012;4(12):34-35. (In Russ.).
- Rybakov OYu, Antonyan EA, Atagimova EI et al., editors. Childhood safety: Social problems and legal ways to solve them. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Rybakov OYu, Bondar NS, Fadeev VI et al. Strategies of legal development in Russia: A monograph. 3rd ed. Moscow: Yustitsiya; 2016. (In Russ.).
- Rybakov OYu, Pleshakov AP. Social statehood and the main directions of constitutional and legal policy in Russia. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2001;3:5-16. (In Russ.).
- Rybakov OYu. Trends in the development of Russian legal policy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2004;3(254):156-164. (In Russ.).
- Rybakova OS. Constitutional protection of the family and traditional family values of Russian society. *Teoriya gosudarstva i prava*. 2023;4(33):255-269. (In Russ.).
- Shapovalova YaA. State policy in the field of family and marital relations in 1945–1991 (Krasnodar Territory Case study). Cand. Diss. (History). Krasnodar; 2014. (In Russ.).
- Shustrov DG. The doctrine of the Constitution: A textbook. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sitkova OYu. Family, family ties, family values: Problems of understanding in modern conditions. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2022;4:142-150. (In Russ.).
- Tarusina NN. Single motherhood as a socio-legal phenomenon. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;7:68-84. (In Russ.).
- Ulyanova MV. Doctrinal approaches to the typologization of the family institute. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*. 2020;2(133):144-150. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
osrybakova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Rybakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

osrybakova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 20 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 30.04.2024.

Revised 20.09.2024.

Accepted 15.10.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.111-122

И. В. Чечельницкий

Рабочий аппарат Уполномоченного
по правам человека в Российской Федерации
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Объекты государственной правозащитной деятельности

Резюме. В статье на основе анализа имеющихся в современной философской и юридической литературе научных взглядов на категории объекта дается характеристика объекта правозащитной деятельности и объекта государственной правозащитной деятельности. Предложено понятие объекта государственной правозащитной деятельности и разработана классификация этих объектов. Исследован вопрос о видах объектов государственной правозащитной деятельности. Отдельно проанализированы такие спорные в современной юридической науке и практике проблемы, как отношение к объектам государственной правозащитной деятельности новейших сложных систем искусственного интеллекта, об иерархии объектов государственной правозащитной деятельности, о признании неродившегося плода объектом государственной защиты прав человека. Сделан вывод о возможности трансформации объектов государственной правозащитной деятельности с развитием человеческой цивилизации и коренным изменением подходов к данной категории на современном этапе развития Российского государства, в том числе в контексте новой системы защиты прав в условиях цифровизации. Предложено сформулировать на законодательном уровне понятие и виды объектов государственной защиты прав человека.

Ключевые слова: объект; объект правозащитной деятельности; объект государственной правозащитной деятельности; права и свободы человека и гражданина; государственный защитник прав человека; государственная правозащитная деятельность; право; государство; общество

Для цитирования: Чечельницкий И. В. Объекты государственной правозащитной деятельности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 111–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.111-122

Objects of State Human Rights Practices

Ilya V. Chechelnitzsky

The Office of the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper characterizes the object of human rights practices and the object of state human rights practices based on the analysis of scientific views on the categories of the object available in modern philosophical and legal literature. The concept of an object of state human rights practices is proposed and a classification of these objects is developed. The question of the types of objects of state human rights practices is investigated. Separately, such controversial issues in modern legal science and practice as the attitude of the latest complex artificial intelligence systems to the objects of state human rights practices, the hierarchy of objects of state human rights practices, and the recognition of the unborn fetus as an object of state protection of human rights are analyzed. The author makes a conclusion about the possibility of transformation of objects of state human rights practices with the development of human civilization and a fundamental change in approaches to this category at the present stage of development of the Russian state, including in the context of a new system of protection of rights in the context of digitalization. It is proposed to formulate at the legislative level the concept and types of objects of state protection of human rights.

© Чечельницкий И. В., 2024

Keywords: object; object of human rights practices; object of state human rights practices; human and civil rights and freedoms; public defender of human rights; state human rights practices; law; state; society

Cite as: Chechelnitzky IV. Objects of State Human Rights Practices. *Lex russica*. 2024;77(11):111-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.111-122

Введение

Познание сущности государственной правозащитной деятельности невозможно без предметного исследования тех ценностей, которые подлежат правовой защите в ходе ее осуществления. Собственно говоря, главный вопрос возникает о том, что мы собираемся защищать правовыми средствами. На первый взгляд — ответ на поверхности. Уже из самого понятия данной формы юридической деятельности становится ясно, что защите подлежат права. Однако при более детальной проработке проблемы возникает целый ряд серьезных вопросов, требующих осмысления, рассуждения и соответствующих научных обоснований.

Например, любые ли права подлежат юридической защите или только те, что закреплены законодательно и общепризнанны? Если любые, то как быть с признанными в ряде западных стран «правом на смерть (эвтаназия)», «правом распоряжаться своим телом без ограничений» (отсюда проистекает возможность продажи внутренних органов, легализованная проституция, смена пола и др. псевдоправа, неприемлемые для современной России, но широко распространенные на Западе¹)? Как отмечают по этому поводу сами западные философы, «наверное, не случайно то, что права человека с такой настойчивостью провозглашаются в обществе, которое всё больше дегуманизируется, где люди сами всё больше становятся объектами»².

Другой важный вопрос: следует ли защищать только права человека или коллективные права, права народа не менее, а в отдельных случаях и более важны с точки зрения необходимости их защиты?

С какого момента и до какого времени права человека подлежат защите: с рождения или с зачатия, до смерти или даже после, например

наследственное право? Наконец, существуют ли права только у человека и общественных организаций или защищать юридическими средствами следует и животных, а может быть, даже современных роботов, обладающих искусственным интеллектом? Существует ли иерархия объектов государственной правозащитной деятельности или все они имеют равную ценность с точки зрения правозащитника?

Как видим, тема объектов правозащитной деятельности далеко не так тривиальна, как может показаться с первого взгляда. Постараемся последовательно рассмотреть указанные вопросы и сформулировать собственный взгляд относительно понятия и видов объектов государственной защиты прав человека.

О понятии объекта

Прежде чем переходить к исследованию объектов государственной правозащитной деятельности, представляется важным исследовать сложившиеся в современной философской литературе взгляды относительно категории объекта.

Исследование литературы показывает, что под объектом понимается: «то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира»; «предмет, на который направлена чья-нибудь деятельность, чье-нибудь внимание... на кого (что) направлено действие или обращено состояние»³; «...Любая отдельная сущность как носитель определенных свойств... Явление, ситуация, событие, предмет, лицо, на которые направлена деятельность, внимание, чувство. <...> Каждая из конкретно взятых, реально существующих, четко определенных единиц... Конкретное лицо, предмет, имущество и т.д., на которых распространяется действие какого-либо закона, в отношении которых действует закон»⁴; «То, что существует вне нас и неза-

¹ См.: Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М., 2013. С. 84, 113.

² Бенуа де А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М., 2016. С. 5.

³ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82> (дата обращения: 08.06.2024).

⁴ Большой универсальный словарь русского языка // URL: <https://gramota.ru/poisk?query=объект&mode=slovari> (дата обращения: 08.06.2024).

висимо от нас, внешний мир. <...> то внешнее, на что направлена деятельность человека»⁵; «... философская категория, выражающая то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности»⁶; «... некоторая сущность в цифровом пространстве, обладающая определенным состоянием и поведением, имеющая определенные свойства (поля) и операции над ними (методы)»⁷; предметы объективной действительности⁸.

Анализ существующих взглядов позволяет сделать вывод, что категория объекта всегда связывается с некоторой сущностью, на которую направлена волевая деятельность субъекта,

его усилия по изменению окружающей действительности.

Категория объекта пронизывает современное законодательство, этим термином широко оперируют юридическая наука и практика. Речь идет о таких разновидностях объектов, как объект права⁹, объект преступления¹⁰, объект правоотношения¹¹, объект гражданских прав¹², объект правового воздействия¹³, цифровой объект¹⁴, объект исследования¹⁵, объект юридической науки¹⁶, объект интеллектуальной собственности¹⁷, объект правовой охраны¹⁸.

В гражданском праве выделяются такие категории, как объекты гражданских прав (ст. 128

⁵ Словарь Ушакова // URL: <https://znachenie-slova.ru/объект> (дата обращения: 08.06.2024).

⁶ Современный толковый словарь // URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-19483.htm> (дата обращения: 08.06.2024).

⁷ Принципы ООП. Классы, объекты, поля и методы. Уровни доступа // URL: <https://smartiga.ru/courses/python/lesson-6> (дата обращения: 09.07.2024).

⁸ См.: Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 56.

⁹ См.: Павлов А. А. Неосновательное обогащение в результате оборота объектов информационного права // Lex russica. 2024. № 77 (5). С. 60–72; Шкурная Е. В. Жизнь как объект права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Насонова Е. Н. Информация как объект гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

¹⁰ См.: Лапин Е. С., Комиссарова Я. В. Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия: криминалистическая классификация преступлений // Российский следователь. 2024. № 4. С. 13–18; Хиллута В. В. Значение объекта преступления при установлении общего умысла лица и квалификации отклонения действия // Уголовное право. 2023. № 5. С. 52–65; Лебедев М. В. Национальная безопасность как основной объект преступлений террористической направленности // Российский следователь. 2021. № 1. С. 40–44.

¹¹ См.: Турбанов А. В. Цифровой рубль как объект правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 79–94; Белов В. А. Информация об интересах и поведении потребителя как объект правоотношений в период цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 59–71; Андреев Ю. Н. Об объектах гражданских прав, правоотношений и гражданско-правового регулирования: дискуссионные аспекты // Цивилист. 2023. № 5. С. 39–48; Афонина Е. В. Объекты бюджетных правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016; Валеев М. М. Вещи как объекты гражданских правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

¹² См.: Кресс В. В. Категория «объекты гражданских прав» в дореволюционной доктрине // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 68–79; Городов О. А. Атрибуты генерации как объект гражданских прав и инструмент достижения углеродной нейтральности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 8–13; Тагаева С. Н. Виртуальное игровое имущество — объект гражданских прав? // Юрист. 2023. № 9. С. 11–16; Богданов В. М. Информация как объект гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005; Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

¹³ См.: Фирсова А. П. Объект уголовно-правового воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

¹⁴ См.: Гурко А. В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

¹⁵ См.: Шпаков А. Е. Проституция как объект криминологического исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

¹⁶ См.: Корнев А. В. Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 26–40.

¹⁷ См.: Самойлов И. Н. Актуальные вопросы залога исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности // Юрист. 2023. № 11. С. 43–46.

ГК РФ), объекты налогообложения (ст. 38 НК РФ), объекты капитального строительства (ст. 1 ГК РФ), объекты доверительного управления (ст. 1013 ГК РФ), объекты навигационной деятельности (ст. 5 Федерального закона «О навигационной деятельности»¹⁹), водные объекты (ст. 1 ВК РФ), природные объекты (ст. 58 Федерального закона «Об охране окружающей среды»²⁰), объекты культурного наследия (Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»²¹) и др.

Так, к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага (ст. 128 ГК РФ).

Для данного исследования принципиально важно, что все указанные объекты подлежат правовой защите. Однако законодательное понятие объекта государственной правозащитной деятельности, в отличие от иных правовых

объектов, до настоящего времени не сформулировано.

О понятии объекта правозащитной деятельности

По поводу объекта правозащитной деятельности в науке высказан ряд суждений²². Их анализ позволяет увидеть существенную разницу в подходах.

Одни авторы указывают: «В качестве объекта правозащитной деятельности юристов выступают права и свободы человека и гражданина. Права человека — естественные возможности личности, обеспечивающие его жизнь, человеческое достоинство и свободу деятельности в различных сферах жизни общества»²³. Вторые отмечают, что «...объектом правозащитных отношений является правозащитная безопасность, взятая в аспекте строгого соблюдения процедур охраны и защиты... прав и свобод»²⁴. Третьи полагают, что «объектами правозащитной деятельности являются любые лица, которые нуждаются в защите их прав и свобод»²⁵. Четвертые указывают, что в правозащитной деятельности «...объектом выступает государство, если при этом протестующий не претендует на власть и его протест непартийный»²⁶.

¹⁸ См.: Гринь Е. С. Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 143–148.

¹⁹ Федеральный закон от 14.02.2009 № 22-ФЗ «О навигационной деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 790.

²⁰ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

²¹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

²² См.: Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : монография. М. : Юстицинформ, 2022 ; Газимагомедова Н. А. Проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональный аспект (по материалам Северо-Кавказского федерального округа) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 53–57 ; Колесникова О. В. Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации: основные направления совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 63–70 ; Щепетков В. В. Надзор за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан // Законность. 2019. № 8. С. 42–44 ; Назарова Е. А. Права военнослужащих как объект правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2009. № 1. С. 15–18.

²³ Введение в юридическую профессию : учебник для бакалавров / отв. ред. Т. Н. Радько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 165.

²⁴ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 37.

²⁵ Понятие и основные черты правозащитной деятельности юристов // URL: <https://mybiblioteka.su/11-52270.html#:~:text=Субъект%20правозащитной%20деятельности%20%3A%20государственные,защите%20их%20прав%20и%20свобод> (дата обращения: 09.06.2024).

²⁶ Серякова Е. В. Размышления о сути правозащитной работы: постановка проблемы // URL: <https://old.pgpallata.ru/reshr/alm/01-02.shtml> (дата обращения: 06.07.2024).

Пятые полагают, что «...человек — источник и объект правозащитного регулирования»²⁷.

Таким образом, видно, что вопрос крайне дискуссионный и не имеющий в настоящее время четкого ответа.

В науке также нет единства взглядов в отношении понятия объекта государственной правозащитной деятельности. Однако все сходится во мнении, что сущностным признаком государственной правозащитной деятельности, безусловно, является ее объект — то есть те лица (или их свойства), на которых направлены правозащитные усилия ее субъектов. В науке имеются различные трактовки понятия объекта государственной правозащитной деятельности.

Одни авторы указывают, что «...объект юридической защиты — само это право, которое должно быть восстановлено путем ликвидации допущенного нарушения»²⁸. Вторые отмечают, что «объектом правозащитной деятельности предстает особая социально-правовая сфера — сфера противоправных деяний. <...> Правозащитная деятельность ведется против правонарушений и иных противоправных деяний, которые причиняют вред правам и свободам граждан, иных лиц, посягают на действующий в обществе правопорядок»²⁹. Третьи указывают, что «в качестве объектов правозащитной деятельности органов прокуратуры (правозащиты) полагаем возможным обозначить самого человека (гражданина) с его правами, свободами, законными интересами, реализация и соблюдение которых обеспечиваются органами прокуратуры при осуществлении полномочий»³⁰.

Конечно, любая правозащитная деятельность имеет своей целью улучшение жизни человека, построение более справедливого обще-

ства и государства, исправление допущенных публичными органами ошибок по отношению к человеку. В основе этой работы — человек, его права и свободы, а также коллективы граждан, общество в целом. Именно на них направлены правозащитные усилия. Государство же может выступать субъектом такой работы, если речь идет о государственной правозащитной деятельности. Государство может и вовсе не присутствовать в правозащитных отношениях, например, если НКО защищает обратившегося человека от неправомерных действий застройщика или медицинской организации. Но человек всегда играет значимую роль в таких правовых отношениях, выступая их стержнем, объектом. Представляется тем не менее, что и интересы государства могут выступать объектом правозащитной деятельности³¹. Защищая гражданина, мы должны исходить в том числе из учета интересов государства и общества. Например, формулируя законодательные предложения, которые направлены как на защиту интересов гражданина, так и общества, и государства³².

О видах объектов государственной правозащитной деятельности

Представляется, что объект государственной правозащитной деятельности необходимо рассматривать максимально широко, поскольку практика показывает, что в ходе достижения правозащитных целей объекты могут быть самыми разнообразными. Вместе с тем именно человек выступает главным и, можно сказать, общим объектом защиты прав со стороны госу-

²⁷ Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 4.

²⁸ Урываев А. В. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

²⁹ Понятие правозащитной деятельности государства // URL: https://bstudy.net/685447/pravo/ponyatie_vidy_pravozaschitnoy_deyatelnosti (дата обращения: 09.06.2024).

³⁰ Щепетков В. В. Надзор за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан // Законность. 2019. № 8. С. 42–44.

³¹ См.: Черников В. В. Судебные, правоохранительные и контрольные органы России : учебник. Изд. 2-е. М. : ТК Велби, 2002 ; Москалькова Т. Н. Культура противодействия злу в работе правоохранительных органов Российской Федерации (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2001. С. 3.

³² См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5274 ; Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

дарства, поскольку «субъективное право... выступает атрибутом субъекта»³³. Однако следует различать человека и гражданина как объектов государственной защиты прав, поскольку они обладают различными правами и обязанностями по отношению к государству, а следовательно, могут рассчитывать на различный уровень гарантий защиты их прав.

В науке и практике, помимо «традиционных» групп прав человека (личных, политических, социальных, экономических и культурных), выделяются также цифровые права, соматические права, нейроправа и др. По данному вопросу существует значительное количество научных исследований³⁴. Поэтому подробно останавливаться на классификации прав человека в контексте данной работы представляется нецелесообразным. Однако следует отметить, что, исходя из практики государственной правозащитной деятельности, далеко не все права, закрепленные конституционно, защищаются в реальности, скорее, их провозглашение порою имеет превентивный характер.

Так, практически не поступает к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации жалоб на неравенство перед законом и судом или неравенство мужчины и женщины³⁵, однако данные права гарантированы статьей 19 Конституции Российской Федерации

и в случае необходимости подлежат неременной защите. Их значение неоспоримо, поскольку поддерживает демократический правопорядок Российского государства.

Вместе с тем некоторые права, закрепленные в основном законе государства, являясь такими в теории, не обеспечиваются в полной мере на практике. Так, согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации «малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами». Однако практика правозащитной деятельности показывает, что многие люди в современных реалиях лишены возможности реализовать данное право. И лишь в отдельных случаях вмешательство государственных правозащитных органов позволяет реализовать его в полной мере. Вместе с тем такие права также входят в объект государственной правозащитной работы.

Под особой защитой государства сегодня находятся права потребителей³⁶, права потребителей финансовых услуг³⁷, права коренных малочисленных народов³⁸, права лиц с ограниченными возможностями здоровья³⁹ и др. Отсюда можно сделать вывод, что объекты

³³ Бенуа де А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М., 2016. С. 8.

³⁴ См.: Бородина Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (6). С. 190–199; Красилов В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65–83; Бялт В. С., Чимаров С. Ю. Актуальные проблемы классификации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Право. 2022. № 13-3 (74). С. 76–79; Брюхина Е. Р., Третьякова Е. С. Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 568–589; Пайан Г. Права человека и цифровизация правосудия // Вестник гражданского процесса. 2022. № 2. С. 165–181; Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 72–94; Варламова Н. В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 3 (71). С. 152–166.

³⁵ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. // URL: ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/Foto/2024/18/Д2023-109075_Сборка_2_c001-500_меловка_TIL320.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

³⁶ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

³⁷ Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

³⁸ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

³⁹ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

государственной защиты прав следует подразделять в зависимости от их правового регулирования на общие и специальные. Если общие регулируются конституционно и на уровне общефедерального законодательства (например, в федеральных кодексах), то для специальных принимаются отдельные законодательные акты.

Дискуссионным для современной юридической науки и практики в контексте исследования объекта государственной правозащитной деятельности остается вопрос о необходимости защиты тех прав и свобод, которые прямо не установлены конституционно или законодательно. Речь идет о таких признанных в ряде зарубежных государств правах, как «право на искусственные органы, право на перемену пола, право на эвтаназию, право на искусственное оплодотворение, право на употребление наркотических веществ и т.д.»⁴⁰. Представляется справедливым тезис о том, что «права человека фиксируют базисные начала общечеловеческой морали, вместе с тем зачастую те или иные социальные группы начинают борьбу за признание правами человека своих частных интересов»⁴¹. В этой связи защите со стороны государственных органов должны подлежать лишь права и свободы человека и гражданина, прямо установленные законодательно или по крайней мере не противоречащие действующему российскому законодательству и являющиеся общепризнанными в российском социуме, исходя из наших национальных и религиозных традиций и культуры.

О коллизиях между объектами государственной правозащитной деятельности

Еще один дискуссионный вопрос современной юридической науки и практики связан с определением времени, с которого человек как объект правозащиты имеет права и свободы,

и с какого момента и до какого времени права человека подлежат защите: с рождения или с зачатия до смерти или даже после, например в наследственном праве. Одни авторы отмечают, что человек получает свою правоспособность и, соответственно, становится полноценным объектом государственной защиты своих прав и свобод с момента рождения.

При этом государством могут устанавливаться различные возрастные цензы для наступления дееспособности и деликтоспособности. Соответственно, с возрастом человек приобретает дополнительные права и обязанности. С этой точки зрения до момента рождения человек не является в полной мере объектом защиты прав. Данный тезис иллюстрируется в науке: «В процессе осуществления родовспомогательной деятельности по халатности врача плоду было причинено увечье. После рождения ребенка это создало сложности при его кормлении, а в дальнейшем лицо ребенка оказалось обезображено шрамом. Родители ребенка от его имени предъявили иск в суд о защите права на здоровье плода. Российский суд отказал в иске на том основании, что плод до рождения не признается субъектом права, а потому ему не может быть причинен вред»⁴². Данная позиция, кроме того, исходит из «права матери прерывать беременность в случае выявления патологических процессов, связанных со значительными отклонениями и врожденными дефектами»⁴³.

Вместе с тем анализ зарубежного законодательства многих государств мира и международных правовых норм показывает, что там плод с момента зачатия уже является объектом правовой защиты⁴⁴ и обладает соответствующими правами вне зависимости от желания родителей, которые, например, хотят совершить искусственное прерывание беременности. В данном случае налицо определенный конфликт между правами и свободами женщины, которая, следуя западной системе ценностей,

⁴⁰ Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019.

⁴¹ Красиков В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65–83.

⁴² См.: Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. С. Ворожечин, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. М. : Статут, 2022.

⁴³ См.: Медведев М. В., Суворов Г. Н. Международные правила проведения пренатальной диагностики: анализ общих подходов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 144–152.

⁴⁴ Законодательное регулирование статуса эмбриона. Мировой опыт // РИА «Новости». URL: ria.ru. 14.12.2022 (дата обращения: 23.07.2024).

может и не желать становиться матерью, и ее будущего ребенка, который пока не в состоянии выражать свою волю, но, очевидно, хочет жить, как и любое живое существо. Вопрос, конечно, непростой, требующий глубокого осмысления и широкой дискуссии, которая сегодня развернулась в российском обществе.

Однако с позиции российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴⁵, очевидно, что право на жизнь даже неродившегося ребенка должно быть приоритетно по отношению к свободе выбора женщины: «быть матерью этого ребенка или нет». Еще древние римляне провозгласили актуальный и сегодня тезис: «В обязанности попечителя входит следить, чтобы не нарушались права еще не рожденного ребенка»⁴⁶.

Другой вопрос, что государство, если оно хочет добиться увеличения рождаемости и сокращения числа прерывания беременностей, должно продолжить работу по созданию условий для комфортной и счастливой жизни молодых семей, а также одиноких матерей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Важно также развивать и систему социальных учреждений, если мать после рождения ребенка все-таки принимает решение не воспитывать его, чтобы для таких детей были созданы все условия. К сожалению, сегодня они далеки от совершенства, что показывает хотя бы огромная очередь из детей-сирот, которым государство должно предоставить бесплатное жилье, но так этого и не сделало.

О коллективных правах как объектах государственной правозащитной деятельности

Специфика государственной правозащитной деятельности применительно к такому виду

объектов защиты, как коллективные права человека⁴⁷, связана, как правило, с широким общественным резонансом при их нарушении. Правозащитная проблема одного человека, хотя и способна вызвать массовое внимание и даже социальную напряженность, обычно может быть разрешена точно на правоприменительном уровне. Если же нарушаются коллективные права целой категории населения, то решение данной проблемы чаще всего требует системных мер, в том числе законодательного плана. А уклонение от ее разрешения может привести к значительному росту социальной напряженности и потрясениям в государстве.

Например, нарушение прав русскоязычного населения Донбасса привело к реализации его народом в 2014 г. своего коллективного права на самоопределение путем проведения референдума о выходе из состава Украины, а затем — в 2022 г. — о вхождении в состав Российской Федерации. К сожалению, сегодня мы видим, что продолжают грубо попираться права русскоязычных граждан в Прибалтике, Молдове и некоторых других государствах, находящихся на территории бывшей Российской империи. Анализ правозащитной практики и законодательства позволяет сделать вывод, что права наших соотечественников, проживающих за рубежом, являются самостоятельным и весьма специфическим объектом государственной правозащитной деятельности МИДа России, а также специализированных правозащитных механизмов, включая омбудсмена.

Кроме того, можно говорить не только о коллективных правах человека, но и о правах юридического лица как объекта государственной правозащитной деятельности, подлежащих защите со стороны компетентных государственных органов⁴⁸. Например, важнейшее значение в данном секторе общественно-государственных правоотношений имеют нормы Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (над-

⁴⁵ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁴⁶ Дигесты Юстиниана // URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/47.php (дата обращения: 09.07.2024).

⁴⁷ Богданова Н. А., Грекова Е. М. Коллективные права в конституционном праве // Труды по интеллектуальной собственности = Works on Intellectual Property. 2022. Т. 43. № 4. С. 15–20.

⁴⁸ См.: Лунев А. А. Основные права юридических лиц в международной правозащитной системе // Российский юридический журнал. 2023. № 4. С. 32–41; Маркина М. В. Цифровые права, принадлежащие

зора) и муниципального контроля»⁴⁹, которым установлены широкие права юридических лиц, в том числе на возмещение вреда, причиненного при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, на непосредственное участие в проверке и получение информации от госорганов, непривлечение к участию в проверке Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей либо Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации и др.

Однако в науке справедливо указывается, что «контрольными (надзорными) органами допускаются многочисленные нарушения прав и законных интересов контролируемых лиц, в результате которых предприниматели и граждане несут большие материальные и репутационные издержки»⁵⁰. В этой связи права и законные интересы юридических лиц, как представляется, нуждаются в особой защите государства.

Объектами государственной правозащитной деятельности, для которых как конституционно, так и в специальных законодательных актах установлены гарантии их прав, выступают также СМИ⁵¹, общественные организации⁵², религиозные объединения⁵³, политические партии⁵⁴

и другие элементы гражданского общества современной России⁵⁵.

Цифровизация общества и права

Современная действительность порождает новые требования к объектам защиты прав. Государством в настоящее время предпринимаются значительные усилия для развития технологий будущего, в частности искусственного интеллекта⁵⁶. Технологии искусственного интеллекта сегодня прочно вошли в нашу жизнь, принося неоценимые удобства и повышая качество жизни, но вместе с тем та же в себе доселе неведанные опасности. В этой связи в современной юридической науке развернулась серьезная дискуссия относительно признания правосубъектности современных систем искусственного интеллекта⁵⁷. Не входя в детали данного научного спора, следует обратить внимание на то, что если одни авторы категорически отрицают возможности искусственного интеллекта выступать субъектом в правоотношениях⁵⁸, то другие соглашаются с тем, что в настоящее время уже имеются предпосылки для развития отечественной правовой системы по пути постепенного

юридическим лицам, как оборотоспособный объект гражданских прав // Юрист. 2022. № 11. С. 36–40 ; Иванов А. А. Актуальные особенности правовой охраны прав юридических лиц как участников долевого строительства коммерческих объектов недвижимости // Юрист. 2022. № 8. С. 24–29 ; Андреев В. К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 11–17.

⁴⁹ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

⁵⁰ Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика : монография / под науч. ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023.

⁵¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32. 8 февраля.

⁵² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁵³ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁵⁴ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

⁵⁵ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁵⁶ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁵⁷ См.: Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве. М. : Инфотропик Медиа, 2021 ; Пашенцев Д. А., Малахов В. П., Залоило М. В. Субъект права. Стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

⁵⁸ См.: Тарасов И. Н., Сеницын И. Н. Теоретические проблемы использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом судебном процессе // Актуальные проблемы гражданского и админи-

признания отдельных свойств субъектов права за современными моделями искусственного интеллекта⁵⁹. Представляется, что права те авторы, которые указывают, что со временем сильный ИИ приобретет и все антропоморфные интеллектуальные навыки, присущие человеку. И это поставит вопрос не только о признании его правосубъектности, но также и о признании искусственного интеллекта объектом государственной правозащитной деятельности. С учетом интенсивного развития технологий искусственного интеллекта, думается, что это вопрос уже завтрашнего дня. Как справедливо отмечается в науке: «Дефицит актуальных и этически адекватных, эффективных регуляторов остро ощущается во всех сферах инновационных общественных отношений»⁶⁰.

Об иерархии объектов государственной правозащитной деятельности

Еще один дискуссионный вопрос касается существования иерархии объектов государственной правозащитной деятельности. Долгие годы Россия жила в парадигме государство-общество-личность, где права личности всегда уступали интересам государства и общества. Настоящим завоеванием современной России стало конституционное закрепление новой системы ценностей, в которой именно человек, его права и свободы имеют приоритет. Однако спустя три десятилетия стало очевидно, что далеко не все права человека являются высшей ценностью. Целый ряд так называемых прав человека и свобод могут привести к деградации и разрушению общества и государства. Поэтому появились дополнительные ограничения, например связанные с

ответственностью за нарушение прав верующих при осуществлении свободы творчества, с ответственностью за пропаганду нетрадиционных ценностей среди несовершеннолетних и др.

Представляется, что это справедливые решения, поскольку нарушение прав группы граждан (например, верующих) не должно быть следствием свободы выражения отдельной личности. Вызывают возмущение, в частности, кощунства в отношении священных книг и религиозных ценностей, совершаемые систематически в отдельных западных странах. Конечно, требует самых жестких мер реагирования со стороны государства нарушение прав отдельной личности, но, как представляется, еще более серьезные последствия должны наступать при нарушении прав и свобод целой группы граждан или народа. Ярким примером такой реакции на нарушение прав русскоязычного народа Донбасса со стороны украинских властей стало проведение руководством России специальной военной операции.

Опросы граждан, проводимые Фондом «Общественное мнение» по запросу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, показывают, что для россиян традиционно наибольшую ценность представляют право на бесплатную медицинскую помощь, право на бесплатное образование, личная свобода и неприкосновенность⁶¹. Затем идут право на жилище и его справедливую оплату, право на неприкосновенность собственности и жилища, право на социальное обеспечение. В последних строчках рейтинга традиционно находятся свобода создания и деятельности объединений, право направлять индивидуальные и коллективные обращения в госорганы, а также свобода собраний и манифестаций. Исходя из

стративного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2021. С. 111 ; *Авакян Е. Г.* В погоне за сверхразумом: можно ли считать искусственный интеллект автором // URL: <https://rg.ru/2020/02/06/v-pogone-za-sverhrazumom-mozhno-li-schitat-iskusstvennyj-intellekt-avtorom.html> (дата обращения: 13.07.2024).

⁵⁹ См.: *Афанасьев С. Ф.* К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31 ; *Морхат П. М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М. : Юнити-Дана, 2018 ; *Пономарева Е. В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10 ; *Крысанова Н. В.* Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сборник статей / отв. Е. В. Алферова. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 218–230 ; *Ястребов О. А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

⁶⁰ *Синюков В. Н.* Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2 (171). С. 11.

⁶¹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г.

данных социологических исследований, можно сделать вывод о различной ценности тех или иных прав и свобод для граждан.

Однако данный процесс находится в постоянной динамике и, конечно, во многом зависит от конкретных обстоятельств, в которых находится личность. Так, для молодежи традиционно более актуальны права в сфере образования и трудоустройства, а для людей старшего возраста — право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Для африканских обществ, как показал проведенный автором анализ деятельности омбудсмена ряда африканских государств⁶², наиболее актуальными являются право на доступ к воде и продовольствию, о которых в современной России мало кто задумывается. Таким образом, иерархия объектов государственной правозащитной деятельности существует, однако находится в постоянной динамике и выступает определенным барометром общественного развития.

Исследование категории объекта государственной правозащитной деятельности показало, что юридическая наука и практика пока

не сформировали устойчивых дефиниций и четких парадигм в отношении его понятия и видов. Сегодня содержание объекта государственной правозащитной деятельности существенно изменилось. На это указала, в частности, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова в ходе представления ежегодного доклада о своей деятельности за 2023 г. Президенту РФ В. В. Путину⁶³. В настоящее время особый акцент в правозащитной деятельности омбудсмена и других государственных органов делается на оказание помощи участникам СВО и членам их семей, обеспечение прав эвакуированных из ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, граждан, пострадавших от обстрелов украинских вооруженных формирований в приграничных регионах России. Это позволяет говорить о коренной трансформации объекта государственной правозащитной деятельности. В этой связи представляется, что данная категория должна найти более фундаментальное отражение в законодательстве, а научные исследования в данной области должны быть продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенуа де А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М., 2016. 145 с.
- Корнев А. В. Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 26–40.
- Красиков В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65–83.
- Кресс В. В. Категория «объекты гражданских прав» в дореволюционной доктрине // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 68–79.
- Москалькова Т. Н. Культура противодействия злу в работе правоохранительных органов Российской Федерации (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2001. 36 с.
- Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2 (171). С. 9–19.
- Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М., 2013. 337 с.
- Турбанов А. В. Цифровой рубль как объект правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 79–94.
- Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика : монография / под науч. ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023. 224 с.
- Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. С. Ворожечин, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. М. : Статут, 2022. 350 с.
- Черников В. В. Судебные, правоохранительные и контрольные органы России : учебник. Изд. 2-е. М. : ТК Велби, 2002. 686 с.
- Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 51–61.

⁶² См.: О правовом статусе и опыте работы омбудсменов стран Африки // URL: ombudsmanrf.org (дата обращения: 14.07.2024).

⁶³ Встреча с Уполномоченным по правам человека Татьяной Москальковой // URL: kremlin.ru (дата обращения: 14.07.2024).

REFERENCES

- Benoit de A. Beyond human rights. In defense of freedoms. Moscow; 2016. (In Russ.).
- Chernikov VV. Judicial, law enforcement and control authorities of Russia: A textbook. 2nd edition. Moscow: TK Velbi Publ.; 2002. (In Russ.).
- Ekimov AI. Law in the context of justice: Towards a research methodology. *Pravovedenie*. 2013;2(307):51-61. (In Russ.).
- Fesko DS. Administrative and legal guarantees of ensuring the rights of citizens and organizations in the implementation of state control (supervision): Theory and practice. A monograph. Edited by Chernikov VV. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Kornev AV. Basic methods of the history of political and legal doctrines and the possible transformation of the object of legal science. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2023;4:26-40. (In Russ.).
- Krasikov VI. Features of new human rights in the context of the development of modern neurotechnologies. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 2023;1:65-83. (In Russ.).
- Kress VV. The category of «objects of civil rights» in the pre-revolutionary doctrine. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2024;3:68-79. (In Russ.).
- Moskalkova TN. The culture of countering evil in the work of law enforcement agencies of the Russian Federation (socio-philosophical aspect). Abstract of Dr. Diss. (Philosophy). Moscow; 2001. (In Russ.).
- Sandel M. Justice. What is the right thing to do? Moscow; 2013. (In Russ.).
- Sinyukov VN. The law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty. *Lex russica*. 2021;2(171):9-19. (In Russ.).
- Turbanov AV. The digital ruble as an object of legal relations. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2023;9:79-94. (In Russ.).
- Vorozhevich AS, Gentov OI, Kozlova NV, et al. Individuals as subjects of Russian civil law: A monograph. Edited by Kozlova NV, Filippova SYu. Moscow: Statut Publ.; 2022. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, докторант, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
iv89261863056@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Chechelnitzsky, Cand. Sci. (Law), First Deputy Head of the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Doctoral Candidate, Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iv89261863056@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.
Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 30.04.2024.
Revised 14.10.2024.
Accepted 15.10.2024.

Освобождение осужденных от наказания в виде лишения свободы для их участия в военных действиях

Резюме. В статье анализируется проблема дискредитации института помилования посредством массового освобождения осужденных от уголовной ответственности (от отбытия наказания в виде лишения свободы) для участия в военных действиях и созданные вследствие данной практики риски неблагоприятного развития криминальной ситуации. Отмечается потребность в должной правовой регламентации освобождения от уголовной ответственности лиц для их участия в военных действиях. Отстаивается точка зрения, что более предпочтительна корректировка положений уголовно-правовых институтов (отсрочки отбывания наказания или условно-досрочного освобождения), а не конституционно-правового (прежде всего) института помилования. Указывается, что снизить риск рецидивной преступности можно путем закрепления некоторых ограничений по применению норм об освобождении от ответственности относительно осужденных (например, указание конкретных статей, осуждение по которым будет препятствовать освобождению, и/или регламентация фактического отбывания части срока наказания дифференцированно, в зависимости от категории преступления). Отмечается необходимость исключения практики освобождения от наказания лиц, совершивших наиболее общественно опасные деяния: убийства с отягчающими обстоятельствами, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования или насильственные действия сексуального характера (особенно в отношении несовершеннолетних) и т.п. Признается невозможным создание правового механизма, позволяющего, с одной стороны, оперативно наполнить ряды воюющих лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, а с другой — исключить вероятность совершения ими преступлений как во время военных действий, так и по их окончании.

Ключевые слова: уголовная политика; помилование; амнистия; освобождение от ответственности; освобождение от наказания; специальная военная операция; военные действия; лишение свободы; освобождение от отбывания наказания; условно-досрочное освобождение

Для цитирования: Маслов В. А. Освобождение осужденных от наказания в виде лишения свободы для их участия в военных действиях. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 123–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.123-134

The Release of Convicts from Imprisonment for their Participation in Military Actions

Villi A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the problem of discrediting the institution of pardon through the mass release of convicts from criminal liability (from serving a sentence of imprisonment) to participate in military operations and the risks of unfavorable development of the criminal situation created as a result of this practice. There is

a need for proper legal regulation of the exemption from criminal liability of persons for their participation in military activities. The point of view is defended that it is more preferable to adjust the provisions of criminal law institutions (postponement of serving a sentence or parole), rather than the constitutional and legal (primarily) institution of pardon. It is indicated that it is possible to reduce the risk of recidivism by fixing some restrictions on the application of the rules on exemption from liability for convicted persons (for example, specifying specific articles, the conviction of which will prevent release, and/or regulating the actual serving of part of the sentence differentially, depending on the category of crime). It is noted that it is necessary to exclude the practice of releasing from punishment persons who have committed the most socially dangerous acts: murders with aggravating circumstances, intentional infliction of serious harm to health, rape or violent acts of a sexual nature (especially against minors), etc. It is recognized impossible to create a legal mechanism that makes it possible, on the one hand, to quickly reinforce the military with persons serving sentences in the form of imprisonment, and on the other hand, to exclude the possibility of their committing crimes both during military operations and after their termination.

Keywords: criminal policy; pardon; amnesty; release from liability; release from punishment; special military operation; military actions; imprisonment; release from serving a sentence; parole

Cite as: Maslov VA. The Release of Convicts from Imprisonment for their Participation in Military Actions. *Lex russica*. 2024;77(11):123-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.123-134

Введение

Начатая в феврале 2022 г. специальная военная операция с неизбежностью повлияла на российскую действительность. Не является исключением и уголовная политика государства (равно как и такая ее составляющая, как политика уголовно-правовая). В качестве наглядного примера стоит привести криминализацию распространения «фейков об армии»¹, нарушения условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа², различных форм «содействия» диверсионной деятельности (с одновременным включением в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершение преступления в целях пропаганды,

оправдания и поддержки диверсии)³, а также трансформацию ответственности за диверсию с акцентом на вопросы обороноспособности⁴.

Не менее значимым представляется реализованное посредством применения института помилования существенное расширение практики освобождения осужденных из мест лишения свободы для их дальнейшего участия в специальной военной операции с перспективой спустя полгода остаться на свободе.

Доктринальные точки зрения о том, что институты амнистии и помилования «не соответствуют принципам права и Конституции»⁵, масштабы освобождения осужденных (среди которых немало лиц, совершивших как тяжкие, так и особо тяжкие преступления) предполагают необходимость оценки такой практики с точки зрения соответствия задачам государства.

¹ Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 49. 09.03.2022.

² Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 215. 26.09.2022.

³ Федеральный закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 1. 09.01.2023.

⁴ Федеральный закон от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 97. 04.05.2023.

⁵ Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2012. № 1 (19). С. 42.

Основные результаты исследования

1. Вопросы расширения практики помилования

Глава 12 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ содержит достаточно большое количество вариантов освобождения от наказания, при этом полномочиями по их применению обладает исключительно суд. Данный законодательный подход представляется вполне обоснованным, поскольку только суд вправе давать окончательную юридическую оценку действиям лица: разрешать вопрос виновности (невиновности), выбирать необходимый вид и объем воздействия либо принимать решение о возможности снисхождения и т.д.

Вместе с тем с учетом конституционных положений⁷ о полномочиях Президента РФ (ст. 89) и Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ст. 103) уголовный закон содержит еще два случая, когда имеется возможность освободить лицо от наказания⁸. Речь идет об объявлении Государственной Думой Федерального Собрания РФ амнистии, а также о помиловании Президентом России.

Данные виды снисхождения при их реализации можно именовать формами воплощения в жизнь общеправовых гуманистических начал (в некоторой степени и принципа, закрепленного в ст. 7 УК РФ⁹), а их нормативное закрепление считать фактором, стимулирующим осужденных к правопослушному поведению.

Нормативная конкретизация конституционных положений о помиловании осуществлена посредством подзаконного нормотворчества¹⁰. Нормы уголовного закона (в первую очередь — ст. 85) и Уголовно-исполнительного кодекса РФ¹¹ (к примеру, ст. 176) достаточно лаконичны и сущность помилования не раскрывают¹².

До недавних пор наибольшее значение в масштабах государства имела амнистия. К примеру, в рамках амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации¹³, по данным официального представителя Генпрокуратуры РФ М. Гридневой, было освобождено более 70 тыс. человек (в том числе более 20 тыс. несовершеннолетних), в рамках амнистии в связи с 70-летием Победы в

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

⁸ Справедливости ради подчеркнем, что амнистия и помилование предполагают освобождение как от наказания, так и от ответственности. Для удобства восприятия в данной публикации с учетом специфики избранной темы позволим себе терминологическое отождествление данных форм снисхождения, хотя по существу они, безусловно, разнятся.

⁹ Хотя данные институты и не принято относить к уголовно-правовым, о чем будет сказано чуть позже.

¹⁰ Указ Президента РФ от 14.12.2020 № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (вместе с Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации) (ред. от 15.11.2021) // Российская газета. № 283. 16.12.2020; Указ Президента РФ от 28.12.2001 № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (вместе с Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации) (ред. от 14.12.2020) // Российская газета. № 255. 30.12.2001; приказ Минюста России от 08.04.2015 № 83 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции об организации работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с ходатайствами осужденных о помиловании» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 37. 14.09.2015.

¹¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Российская газета. № 9. 16.01.1997.

¹² Характерно, что УК РФ, помимо указанной ст. 85, содержит лишь две нормы, включающие упоминание помилования: ч. 3 ст. 59, предусматривающая возможность данного снисхождения для осужденных к смертной казни, а также ч. 3.2 ст. 72, регламентирующей зачет времени содержания под стражей для подобных случаев. Норм УИК РФ, посвященных помилованию, несколько больше, но содержательно они раскрывают преимущественно лишь процедурные аспекты.

¹³ Постановление ГД ФС РФ от 18.12.2013 № 3500-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации» // Российская газета. № 286. 19.12.2013.

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹⁴, согласно информации ФСИН России, было освобождено более 220 тыс. лиц.

Факты освобождения от наказания указами Президента РФ о помиловании, хотя и имели в средствах массовой информации нередко некоторый резонанс, не воспринимались в обществе как широко применяемый институт до начала специальной военной операции.

Существенно меньшее внимание к ст. 85 УК РФ среди прочего обусловлено нормативным закреплением возможности применения помилования исключительно в отношении индивидуально определенного лица. Речь идет о так называемой ненормативности помилования¹⁵ или личном характере помилования, основанном «на индивидуальных особенностях данного случая»¹⁶.

Справедливости ради отметим, что и в новейшей истории были случаи, когда актом о помиловании освобождалось несколько осужденных (к примеру, в 2003 г. от отбывания наказания в виде лишения свободы были освобождены сразу 97 женщин¹⁷), однако и здесь факт их поименованности налицо. Некоторое значение в контексте меньшей социальной значимости помилования имеет и факт существенного сокращения практики помилования¹⁸.

Индивидуальный характер помилования лежит в основе утверждения о том, что институт помилования исторически не предполагал применение массового снисхождения к преступникам. Данное полномочие главы государства призвано урегулировать противоречия, возникающие в исключительных случаях («нетипичных ситуациях криминального характера»¹⁹) при «сбоях» в работе законодательных и (или)

судебных органов, когда, к примеру, лаконично сформулированная норма права, примененная для конкретного юридического факта, не в полной мере отвечает духу закона (в целях примирения «безжизненного закона с жизненными требованиями преступного деяния, согласования меры ответственности с индивидуальными особенностями данного преступления»²⁰); когда осужденный, большой частью общества, осознающей несправедливость привлечения лица к ответственности, признается «жертвой» обстоятельств; когда существенно меняются обстоятельства, свидетельствующие о том, что человеку нецелесообразно дальнейшее отбывание наказания позитивного (объективные сведения о возможности ресоциализации; об искреннем раскаянии и полном возмещении ущерба и т.д.) или негативного (гибель близкого родственника и необходимость ухода за другими членами семьи и т.п.) толка.

Однако же геополитическая ситуация и необходимость защиты национальных интересов вполне закономерно были признаны более приоритетными, нежели сложившиеся исторические традиции института помилования. Вместе с тем говорить лишь о нарушении этих устоявшихся представлений о помиловании, не принимая во внимание потенциальные последствия массового освобождения осужденных из мест лишения свободы, явно недостаточно и стоит задаваться вопросом о целесообразности данной практики, которую следует определять с учетом как текущего эффекта, так и потенциальных последствий.

В части текущего эффекта можно, с одной стороны, утверждать о *некотором* сбережении человеческих ресурсов — жизнью граждан, не

¹⁴ Постановление ГД ФС РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Российская газета. № 89. 27.04.2015.

¹⁵ См., например: *Елинский А. В.* Вопросы помилования в решениях Конституционного Суда РФ // Российский следователь. 2010. № 9. С. 33.

¹⁶ *Ельчанинов А. П.* Институты амнистии и помилования в ретроспективе отечественного законодательства // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 19.

¹⁷ Указ Президента РФ от 08.03.2003 № 277 «О помиловании *Андреановой Е. Ю., Арбузовой З. А.* и других осужденных женщин» // СЗ РФ. 2003. № 10. Ст. 900.

¹⁸ *Прохоров Л. А., Прохорова М. Л.* Институт помилования в России: некоторые результаты практики его реализации в 2002–2017 гг. и вопросы ее совершенствования // Российский следователь. 2018. № 7. С. 47.

¹⁹ *Коробов П. В.* Институт помилования и дифференциация уголовной ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 71.

²⁰ *Прохоров Л. А.* Помилование: особенности исторического развития и точки соприкосновения с правосудием // Мировой судья. 2008. № 5 ; *Гаджихмедов Г. Г., Гандалоев Р. Б.* Амнистия и помилование в законодательном развитии (краткий исторический экскурс) // Криминалист. 2018. № 2 (23). С. 75.

имеющих криминального прошлого, за счет того, что вербуемые лица выступают в роли так называемых штурмовиков — подразделений, выполняющих задачи, в которых риск гибели достаточно велик. С другой стороны, никто и никогда не сможет посчитать, какое же число граждан в конечном итоге было спасено за счет привлечения к военным действиям осужденных лиц.

В части потенциальных последствий можно с уверенностью дать неблагоприятный прогноз развития криминальной ситуации, в том числе за счет роста числа тяжких и особо тяжких преступлений. В основе данного утверждения как доктринальные точки зрения о том, что «потери от амнистии [в 1990–2000-х гг.] в ряде случаев были более внушительны и ощутимы, чем ожидаемые от нее положительные результаты»²¹, что постановка «на поток» амнистии и помилования «уже в среднесрочной перспективе может оказать негативное влияние на криминальную обстановку в стране»²², а также факты освобождения от наказания лиц, осужденных за убийства с отягчающими обстоятельствами, иные тяжкие и особо тяжкие преступления.

Важно, что законодательно закреплено и подтверждается позицией Конституционного Суда РФ²³ право лица просить помилование независимо от того, за совершение какого преступления оно было осуждено, какое наказание ему назначено и каковы условия его исполнения, а также то, что в соответствии со ст. 59 УК РФ смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет. Таким образом, действующее правовое регулирование предполагает возможность снисхождения для подобных чрезвычайно опасных преступников.

Можно предположить, что лицам, совершившим подобные преступления, при «обычных условиях» с учетом необходимости «принимать во внимание» характер и степень общественной опасности совершенного преступления при

решении вопроса удовлетворения (отказа в удовлетворении) ходатайства о помиловании (п. 21 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в РФ) в помиловании было бы отказано. Данные лица вышли бы на свободу по меньшей мере лет через десять, когда даже физиологические (возрастные) изменения в некоторой степени снизили бы шансы совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с физическим воздействием на другого человека (преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и свободы, разбойные нападения и т.д.).

Определение соотношения указанного текущего «положительного» эффекта с отрицательными потенциальными последствиями в обозримом будущем и является ответом на вопрос об обоснованности расширения практики помилования.

Безусловно, можно размышлять и о том, что были нарушены ряд как доктринальных основ, так и нормативных предписаний, в первую очередь ввиду несвойственной для помилования оперативности и массовости. Так, можно предположить, что:

— была нарушена нормативно закрепленная процедура осуществления помилования (подача ходатайства, его рассмотрение на уровне субъекта РФ с дальнейшей передачей на федеральный уровень и т.д.);

— не учтены значимые обстоятельства, которые необходимо «принимать во внимание» в соответствии с п. 21 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в РФ (к примеру, помимо указанного выше игнорирования характера и степени общественной опасности совершенного деяния, наверняка не уточняли точку зрения родственников и потерпевших, равно как не уделили внимание признанию своей вины осужденным, что, как утверждают ученые, должно играть «определяющую роль»²⁴ при решении вопроса о помиловании, и т.д.);

²¹ Аскеров Э. Ю. Акты об амнистии и помиловании // Законность. 2005. № 11.

²² Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 22.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. А. Кизимова» // Российская газета. № 231. 05.12.2002.

²⁴ Боровых Л. В., Соловьева Е. А. О деятельности комиссии по вопросам помилования Пермского края // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 3. С. 365.

— установлено «условие» для помилования — участие в военных действиях, хотя нормативно не закреплена возможность установки для помилованных подобных условий (требований).

Однако сто́ит признать второстепенность указанных нарушений, поскольку только соотношение указанных выше обстоятельств позволит по истечении времени говорить об эффективности (целесообразности) несоразмерного расширения практики помилования с точки зрения существования российского общества и государства.

Данный тезис с очевидностью выходит за рамки уголовного права, в то же время сто́ит понимать и то, что угроза преступности — это лишь одна из угроз в государстве. Более того, несмотря на транснациональный характер некоторых видов преступности, в целом преступность считается угрозой внутригосударственной, в то время, когда существуют и угрозы внешние.

С учетом изложенного признаем некорректным судить о помиловании заключенных для их последующего участия в военных действиях исключительно сквозь призму уголовного права, не принимая во внимание общий контекст.

Соглашаясь с тем, что помилование — это прежде всего институт конституционного права²⁵, признаем, что, приобретая черты массовости, ввиду потенциальной опасности роста рецидивной преступности он стал чрезвычайно значим и для уголовного права (справедливо В. В. Хрулева именует помилование «особым комплексным правовым институтом»²⁶).

Признавая, что полноценное исследование декларируемой в науке точки зрения о противоречии амнистии и помилования принципу разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, принципу равенства всех перед законом и судом, а также принципу осуществления правосудия только судом²⁷ выходит за рамки настоящей публикации, тем не менее отметим следующее.

Указанное достаточно амбициозное заявление не лишено логики и смысла в той его части, в какой общие принципы (в том числе указанные авторами) являются фундаментом любой национальной правовой системы. Вместе с тем сто́ит предостеречь исследователей от столь расширительного толкования основополагающих начал, поскольку вопросы взаимодействия между ветвями власти не ограничиваются лишь разграничением, они много сложнее, и функционирующая система сдержек и противовесов является неотъемлемым легальным и легитимным форматом «вмешательства» одной ветви власти в другую. Примеров подобного «вмешательства» великое множество, и утверждать, что все они пагубны для функционирования государства, представляется достаточно спорным. Равным образом видится дискуссионным указание на нарушение принципа равенства всех перед законом и судом, прежде всего постольку, поскольку налицо огромное разнообразие фактов человеческого поведения и обстоятельств, в которых данное поведение осуществляется. Как отмечает В. М. Мельников, «на скамью подсудимых людей приводят неравнозначные социальные и экономические факторы, нарушения психики, случайность и неразборчивость, отрицательные события жизни, а также неизвестные либо “дремлющие” факторы»²⁸. В этой части представляется, что институт помилования, напротив, способен в большей мере индивидуализировать меры государственного принуждения в той части, в какой данные меры оказались избыточными в конкретном случае.

2. Создание надлежащей правовой основы

С учетом изложенного необходимо высказать некоторые соображения относительно оптимизации сложившейся практики, поскольку, признавая, что в текущих условиях институт помилования существенно дискредитирован и практика его применения в исключительных случаях канула в Лету, сто́ит предложить несколько вариантов создания правовой основы участия осужденных в военных действиях (или

²⁵ Брежнев О. В. Конституционное полномочие Президента Российской Федерации по осуществлению помилования: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 49.

²⁶ Хрулева В. В. О некоторых вопросах понятия помилования в деятельности Конституционного Суда РФ // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 1 (21). С. 84.

²⁷ Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Указ. соч. С. 43.

²⁸ Мельников В. М. Социально-психологическая оценка осужденных, ходатайствующих о помиловании // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 251.

освобождения осужденных для их дальнейшего участия в военных действиях). Отметим, что возникшие сложности в некоторой степени можно было бы предвосхитить, поскольку небезызвестны факты широкого привлечения осужденных к защите отечества в период Великой Отечественной войны, и имеющийся как положительный, так и отрицательный опыт, на наш взгляд, не только можно, но и нужно было бы использовать. Однако, поскольку надлежащая правовая основа своевременно не была создана, можно предложить несколько вариантов, в ряде случаев отметив и ученых, склоняющихся к указанным форматам:

1. Трансформация института помилования.
2. Дополнение норм, регламентирующих амнистию²⁹.
3. Дополнение норм, регламентирующих отсрочку отбывания наказания³⁰ или условно-досрочное освобождение.

Выбор среди указанных вариантов представляет собой опять же компромисс.

Так, трансформация института помилования может предполагать, к примеру, правовую регламентацию возможности централизованного помилования (минуя стадию рассмотрения ходатайства на уровне субъекта Российской Федерации), ограничения по применению помилования относительно осужденных (в зависимости от категории преступления и сроков фактического отбытия или конкретных составов преступлений), возможности закрепления тех или иных обязанностей помилованному и последствий нарушения данных обязательств и т.д.

Вместе с тем стоит признать, что данный вариант неизбежно будет воспринят как ограничение конституционного права Президента РФ на помилование. Кроме того, преимущественно конституционно-правовой характер помилования предопределяет наличие проблемы относительно места в системе правового регулирования предлагаемых корректировок: должен ли это быть отдельный федеральный (или федеральный конституционный) закон, либо же скорректировать Уголовный кодекс РФ, либо ограничиться подзаконным нормотворчеством и внесением изменений в соответствующие указы Президента РФ.

Данная трансформация представляется затруднительной еще и ввиду укоренившегося в сознании граждан в течение нескольких веков понимания помилования как индивидуально определенной меры, применяемой в исключительных случаях, предполагающих полное и безусловное оправдание человека перед лицом государства.

С учетом указанных проблем можно предположить, что по пути трансформации института помилования законодатель (в том числе и Администрация Президента РФ) не пойдет.

Формат дополнения института амнистии несколько более вероятен, но менее предпочтителен, поскольку:

— требуются многочисленные (хотя и меньше, чем в случае с преобразованием нормативной основы помилования) правки;

— существенно страдает оперативность принятия решения (Государственная Дума Федерального Собрания РФ — коллегиальный орган, отличающийся существенной загруженностью, о чем мы судим исходя из наличия законопроектов, внесенных в нижнюю палату парламента и годами находящихся на рассмотрении);

— снижается вероятность последующего результативного правоприменения ввиду стремления депутатов к максимально детальной проработке вопроса (перестраховке от возможных неблагоприятных последствий), что особенно актуально с учетом очевидных рисков совершения освобождаемыми от ответственности повторных преступлений.

Более предпочтительным видится формат корректировок уголовного законодательства (отсрочка наказания или условно-досрочное освобождение). На примере института условно-досрочного освобождения охарактеризуем «удобство» использования такого варианта в целях регламентации рассматриваемого вопроса, поскольку:

— он находится исключительно в рамках уголовного законодательства и его корректировки не столь трудоемки с точки зрения их конституционности (в сравнении с корректировками положений о помиловании ввиду его первостепенно конституционно-правового характера);

²⁹ Кохман В. Н., Кохман Д. В. Оптимальный правовой механизм участия лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в специальной военной операции // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4 (18). С. 56.

³⁰ Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53). С. 55.

— имеется длительный, преимущественно характеризующий положительно, опыт применения его норм;

— достаточно детализирован (содержит основания для применения, в том числе дифференциацию условий для применения условно-досрочного освобождения в зависимости от категории преступления; положения о контроле за освобожденными условно-досрочно; последствия совершения данными лицами административно-наказуемых деяний или преступлений и т.д.);

— изначально содержит возможность возложения на осужденного тех или иных обязанностей (ч. 5 ст. 73 УК РФ), хотя и «способствующих его исправлению».

Данный вариант интересен еще и постольку, поскольку вместо безальтернативного освобождения из мест лишения свободы можно рассмотреть возможность создания механизма смягчения наказания: уменьшение срока (к примеру, установив зачет из расчета одного дня участия в военных действиях за пять дней лишения свободы) либо замену наказания в виде лишения свободы на менее тяжкое после определенного периода участия в военных действиях и т.п.

Подчеркнем, что указанные варианты отличаются по субъекту применения (Президент РФ, Государственная Дума Федерального Собрания РФ или Суд РФ), данное обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку наибольшей оперативностью в принятии решений обладает Президент РФ, в большей степени «приближены к народу» — депутаты нижней палаты парламента, а суд, в свою очередь, как никто другой, имеет самое полное представление о преступности и преступниках, и способен более объективно оценить возможность возвращения освобождаемого от наказания лица к преступной деятельности. Кроме того, выбор из предложенных вариантов должен основываться на понимании готовности «взять на себя ответственность» за принимаемое решение.

3. Содержательные предложения по корректировке законодательства и правоприменительной практики

Оставляя открытым вопрос выбора наиболее предпочтительного варианта создания правовой основы для участия осужденных в

военных действиях (или освобождения осужденных для их дальнейшего участия в военных действиях), отметим несколько аспектов, которые необходимо принимать во внимание *вне зависимости* от того, по какому бы пути ни развивалось отечественное право в данной области.

Во-первых, на законодательном (либо подзаконном) уровне следует конкретизировать условия для помилования, поскольку используемая формулировка «принимать во внимание» лишена конкретики и содержит существенную долю усмотрения. Можно предложить установить ряд *обязательных* требований, например в части обязательности отбытия некоторой части срока наказания в зависимости от категории преступления, и (или) конкретный перечень статей, не предполагающих возможности помилования (взяв за основу, к примеру, ч. 1 ст. 82 УК РФ).

Отметим, что в доктрине нередко встречается критика подобных ограничений. Например, В. И. Селиверстов, говоря о запретах для применения помилования осужденным, совершившим умышленное преступление в период назначенного судами испытательного срока условного осуждения, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания и т.д. (п. 4 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации), отмечает, что подобная норма ограничивает конституционные полномочия Президента РФ и снижает эффективность института помилования³¹.

С указанной точкой зрения в полной мере согласиться нельзя, поскольку данные нормы содержатся в правовом акте Президента РФ, более того — они диспозитивны. В части тезиса о снижении эффективности стоит подчеркнуть, что эффективность помилования снижается не вследствие подобных ограничительных мер, а вследствие фактов рецидивной преступности помилованных ранее лиц, во многом обусловленной их откровенно асоциальным характером (свидетельством чему и выступают как обозначенные в п. 4 указанного положения запреты, так и предлагаемые нами ограничения для применения помилования).

Во-вторых, даже без указанного выше ограничения стоит предостеречь от освобождения от наказания лиц, совершивших наиболее об-

³¹ Селиверстов В. И. Рассмотрение ходатайств о помиловании в Российской Федерации: новации 2020 г. // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 38.

щественно опасные деяния: убийства с отягчающими обстоятельствами, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования или насильственные действия сексуального характера (особенно в отношении несовершеннолетних) и т.д.

Безусловно, указанное ограничение способно существенно уменьшить число освобождаемых лиц, но явная антиобщественная установка данной категории лиц и связанные с ней серьезные риски возобновления преступной деятельности, на наш взгляд, выступают достаточно весомым аргументом. Именно данное обстоятельство позволяет ученым предлагать, к примеру, введение в законодательство и практику «условного помилования»³² — когда «полное» помилование будет вступать в законную силу лишь по истечении испытательного срока, когда осужденный «оправдает оказанное ему доверие»³³.

В-третьих, по завершении участия в военных действиях за лицами, освобожденными в рамках помилования (либо же в ином формате), необходимо установить соответствующий контроль, равно как озаботиться вопросами их ресоциализации (трудоустройства в первую очередь). Возможно, в этой части стоит обратить особое внимание на действующий уже более десяти лет институт административного надзора³⁴ или начавший функционировать в обновленном виде институт probation³⁵.

Заключение

В заключение отметим следующее.

Во-первых, вопросы освобождения от уголовной ответственности (от отбытия наказания в виде лишения свободы в первую очередь) для участия в военных действиях требуют правового закрепления, поскольку существенное расширение практики применения помилования, фактически дискредитировавшее данный институт в глазах общества, с неизбежностью

повлечет неблагоприятные изменения криминального толка.

Во-вторых, помилование — институт, исторически рассчитанный на индивидуальное применение в исключительных случаях, корректировка положений которого ограничена его конституционно-правовым характером, как следствие, представляется обоснованным выбор иных правовых инструментов для регламентации вопросов освобождения от наказания лиц для их участия в военных действиях.

С учетом имеющегося материального фундамента видится более предпочтительным корректировка положений уголовно-правовых институтов (отсрочки отбывания наказания или условно-досрочного освобождения), что позволит, с одной стороны, избежать дискредитации института помилования в обществе и, с другой стороны, в перспективе снизить риск рецидивной преступности.

В-третьих, вне зависимости от выбора варианта (места) конкретизации вопросов освобождения от уголовной ответственности (наказания) для участия в военных действиях представляется обоснованной установка некоторых ограничений относительно осужденных (как минимум в части указания конкретных статей, осуждение по которым будет препятствовать освобождению, как максимум — регламентация необходимости фактического отбытия части срока наказания дифференцированно, в зависимости от категории преступления).

Подчеркнем, что даже в условиях отсутствия предлагаемых законодательных корректировок стоит предостеречь от освобождения от наказания лиц, совершивших наиболее общественно опасные деяния: убийства с отягчающими обстоятельствами (особенно серийные), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования или насильственные действия сексуального характера (особенно в отношении несовершеннолетних) и т.п. В текущих условиях стоит рекомендовать правоохранительным

³² Селиверстов В. И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 227.

³³ Зейналбдыева А. В. Проблемные вопросы реализации институтов амнистии и помилования в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 2. С. 40.

³⁴ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. № 75. 08.04.2011.

³⁵ Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» // Российская газета. № 29. 09.02.2023.

органам уделить особое внимание подобным помилованным лицам, поскольку в отсутствие должной ресоциализации (или по меньшей мере контроля), вопрос совершения ими новых преступлений — лишь вопрос времени.

В-четвертых, стоит признать невозможным создание правового механизма, с одной стороны, позволяющего оперативно наполнить ряды

воюющих за отечество лиц преступниками, еще вчера отбывающими наказание в виде лишения свободы, и, с другой стороны, исключить вероятность совершения ими преступлений как во время военных действий, так и по их окончании. Однако стремиться к минимизации данного риска необходимо как законодателю, так и правоприменителю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аскеров Э. Ю. Акты об амнистии и помиловании // Законность. 2005. № 11. С. 53–54.
- Боровых Л. В., Соловьева Е. А. О деятельности комиссии по вопросам помилования Пермского края // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 3. С. 356–366.
- Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2012. № 1 (19). С. 40–43.
- Брежнев О. В. Конституционное полномочие Президента Российской Федерации по осуществлению помилования: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 47–50.
- Гаджихамедов Г. Г., Гандалоев Р. Б. Амнистия и помилование в законодательном развитии (краткий исторический экскурс) // Криминалист. 2018. № 2 (23). С. 75–82.
- Елинский А. В. Вопросы помилования в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский следователь. 2010. № 9. С. 31–33.
- Ельчанинов А. П. Институты амнистии и помилования в ретроспективе отечественного законодательства // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 16–21.
- Зейналбдыева А. В. Проблемные вопросы реализации институтов амнистии и помилования в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 2. С. 37–42.
- Коробов П. В. Институт помилования и дифференциация уголовной ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 67–80.
- Кохман В. Н., Кохман Д. В. Оптимальный правовой механизм участия лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в специальной военной операции // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4 (18). С. 47–58.
- Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53). С. 48–59.
- Мельников В. М. Социально-психологическая оценка осужденных, ходатайствующих о помиловании // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 248–251.
- Прохоров Л. А. Помилование: особенности исторического развития и точки соприкосновения с правосудием // Мировой судья. 2008. № 5. С. 19–24.
- Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Институт помилования в России: некоторые результаты практики его реализации в 2002–2017 гг. и вопросы ее совершенствования // Российский следователь. 2018. № 7. С. 44–48.
- Селиверстов В. И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 222–228.
- Селиверстов В. И. Рассмотрение ходатайств о помиловании в Российской Федерации: новации 2020 г. // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 33–42.
- Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 20–27.
- Хрулева В. В. О некоторых вопросах понятия помилования в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 1 (21). С. 78–88.

REFERENCES

- Askerov EYu. Acts of amnesty and pardon. *Zakonnost*. 2005;11:53-54. (In Russ.).
- Bocharnikova LN, Belsky AI. Problems of realization of the right to amnesty and pardon in Russian legislation. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*. 2012;1(19):40-43. (In Russ.).
- Borovykh LV, Solovyova EA. On the activities of the Commission on Pardon in the Perm Territory. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*. 2023;18(3):356-366. (In Russ.).
- Brezhnev OV. The Constitutional authority of the President of the Russian Federation to grant pardons: Problems of legal regulation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2011;11:47-50. (In Russ.).
- Elchaninov AP. Institutions of amnesty and pardon in the retrospect of domestic legislation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2017;1(23):16-21. (In Russ.).
- Elinsky AV. Issues of pardon in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2010;9:31-33. (In Russ.).
- Gadzhikhmedov GG, Gandaloev RB. Amnesty and pardon in legislative development (a brief historical journey). *Kriminalist*. 2018;2(23):75-82. (In Russ.).
- Khruleva VV. On some issues of the concept of pardon in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Ius Publicum et Privatum*. 2023;1(21):78-88. (In Russ.).
- Kokhman VN, Kokhman DV. The optimal legal mechanism for the participation of persons brought to criminal liability in a special military operation. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 2023;4(18):47-58. (In Russ.).
- Korobov PV. The institution of pardon and differentiation of criminal liability. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 2010;6:67-80. (In Russ.).
- Lopashenko NA. On some legal and criminological problems of convicts' participation in SMO: A private look at the known events. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2023;2(53):48-59. (In Russ.).
- Melnikov VM. Socio-psychological assessment of convicts applying for pardon. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;2:248-251. (In Russ.).
- Prokhorov LA, Prokhorova ML. The Institute of pardon in Russia: Some results of the practice of its implementation in 2002–2017 and issues of its improvement. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2018;7:44-48. (In Russ.).
- Prokhorov LA. Pardon: Features of historical development and points of contact with justice. *Mirovoy sudya [Magistrate Judge]*. 2008;5:19-24. (In Russ.).
- Seliverstov VI. Consideration of petitions for pardon in the Russian Federation: New in the Area in 2020. *Penitentsiynaya nauka*. 2021;15(1):33-42. (In Russ.).
- Seliverstov VI. Pardon in the Russian Federation: novelties of 2020 and their impact on the expansion of the practice of pardon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2022;475:222-228. (In Russ.).
- Skuratov Yul, Churilov SN, Grudinin NS. State policy in the field of amnesty and pardon in the Russian Federation: Trends and contradictions. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]*. 2015;9(1):20-27. (In Russ.).
- Zeynalbdieva AV. Problematic issues of the implementation of amnesty and pardon institutions in the Russian Federation. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*. 2020;2:37-42. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
д. 66, Корепина ул., г. Екатеринбург 620057, Российская Федерация
villi@e1.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Villy A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
villi@e1.ru

Материал поступил в редакцию 2 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 3 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 02.07.2024.

Revised 03.09.2024.

Accepted 15.10.2024.

А. В. Корнев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Инновационная природа права. К постановке проблемы

Резюме. Центральная проблематика статьи — инновационный потенциал права. Много внимания уделяется возникновению права, его соотношению с религией, другими социальными регуляторами. Делается акцент на том, что право (не закон) имеет божественное происхождение. Так понимали его природу в античном мире. Показано, как постепенно приходило осознание права как средства конструирования желаемой социальной действительности. Данная парадигма связывается с университетской средневековой юридической наукой, которая видела в праве модель рационально устроенного социума. Университетские профессора учили студентов не «практическому» праву, а методам работы с ним, для того чтобы право воспринималось в качестве модели выстраивания рационально обоснованных социальных практик, справедливого общества, основанного на законе. Обращается внимание на то, что именно романо-германская (континентальная) система права более иных подчеркивает инновационный характер права и стремление использовать его максимально эффективно. Обозначается необходимость смены концептов: «право регулирует» — «право создает». В этом и состоит предназначение инновационной юриспруденции, которая создает правовые механизмы развития в самом широком смысле этого слова. Доказывается, что лидерами в правовой сфере станут те образовательные и научные центры, которые будут создавать «правовую среду для перспективных социальных практик и новых рынков» в целях обеспечения технологического первенства России.

Ключевые слова: государство; закон; инновации; инновационная юриспруденция; концепт; модернизация; общество; парадигма; право; правовая система; трансформация; юриспруденция

Для цитирования: Корнев А. В. Инновационная природа права. К постановке проблемы. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 135–144. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.135-144

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The Innovative Nature of Law. Problem Statement

Arkadiy V. Kornev

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The central issue of the paper is the innovative potential of law. Much attention is given to the emergence of law, its relationship with religion, and other social regulators. The emphasis is on the fact that law (not law) has a divine origin. This is how its nature was understood in the ancient world. It is shown how there gradually appeared awareness of law as a means of constructing the desired social reality. This paradigm is associated with the university medieval legal science, which saw law as a model of a rationally organized society. University

© Корнев А. В., 2024

professors taught students not «practical» law, but methods of working with it, so that law could be perceived as a model for building rationally based social practices, a just society based on law. Attention is drawn to the fact that it is the Romano-German (continental) legal system that more than others emphasizes the innovative nature of law and the desire to use it as effectively as possible. The necessity of changing concepts is indicated: «law regulates» — «law creates». This is the purpose of innovative jurisprudence, which creates legal mechanisms for development in the broadest sense of the word. It is proved that the leaders in the legal field will be those educational and scientific centers that will create a «legal environment for promising social practices and new markets» in order to ensure the technological superiority of Russia.

Keywords: state; law; innovation; innovative jurisprudence; concept; modernization; society; paradigm; law; legal system; transformation; jurisprudence

Cite as: Kornev AV. The Innovative Nature of Law. Problem Statement. *Lex russica*. 2024;77(11):135-144. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.135-144

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

В контексте проблемы мир выработал три поведенческие парадигмы: уход от мира; приспособление к миру (восточная цивилизация); рациональные инновации (западная цивилизация). За этими тремя моделями стоит своя история и, если угодно, специфическая философия. Правда, в настоящее время произошел своеобразный синтез. Мы видим, что страны Юго-Восточной Азии в инновационном отношении не последователи, а во многом лидеры. И этот фактор достоин признания.

Представляется, что юристы пока еще не уделили должного внимания такому вопросу, как инновационные возможности права как универсального регулятора общественных отношений. *Самое главное препятствие для любых инноваций — сложившиеся психологические стереотипы.* Юристы, как правило, люди с консервативной психологией. В самом хорошем смысле этого слова. Конечно, система социального регулирования складывалась постепенно и насчитывает несколько веков, а то и тысячелетий. Социальные нормы создавались практиками, общественными отношениями. И в то же время они предназначались для того, чтобы эти отношения или социальные практики соответствующим образом регулировать.

Много споров относительно формирования механизма социального регулирования идут и до настоящего времени. Одни авторы считают, что система социального регулирования складывается объективно, безотносительно к роли отдельно взятого человека. Другие отстаивают творческий, преобразовательный характер человеческой деятельности, его возможность и способность не только усваивать социальные стандарты поведения, но и формировать их в соответствии с собственными представления-

ми и интересами. Третьи, и, думается, что это правильно, признают объективный характер системы социального регулирования, но при этом не отрицают влияния социальных групп, общества и даже отдельного человека на эталоны поведения. Тем более что в истории было немало примеров, когда одна харизматическая личность могла менять представления людей о допустимых, желательных и запрещенных вариантах поведения.

Некогда религия была первым институтом социализации человека. Именно ее постулаты помогали человеку осваивать социальные модели поведения. Но все изменилось с тех пор, когда люди стали различать такие категории, как грех и преступление.

Формирование континентальной правовой системы или романо-германской — лучший пример того, как религия и право взаимодействовали друг с другом, создавая систему социального регулирования.

Так сложилось, что в юридической науке не получила должного отражения роль религии в правогенезе, и даже в государственном строительстве. Между тем христианство из гонимой религии, которой придерживалась небольшая секта, со временем превратилось в мощную политическую силу. Всякие государства, даже в форме империи, рано или поздно разваливались, если они отступали от своих социокультурных оснований. Под этой категорией можно понимать максимально широкий спектр факторов, совокупность которых отличает один культурно-исторический тип от другого.

Когда римская государственность стала опасно колебаться, то власть принялась искать некую объединяющую идею, которая смогла бы сплотить разрозненные политические силы

и социальные группы. Христианство для этой цели подходило более всего, поскольку оно держалось концепции всеобщего братства во Христе. Кстати сказать, данная точка зрения была заимствована христианами у представителей стоической философии. Она имела своим рождением Грецию, но получила большое распространение в Риме. Стоики придерживались естественно-правовых взглядов, принципиально отвергающих институт рабовладения. По их мнению, люди свободны и равны друг другу и все они являются гражданами одного государства, границы которого очерчиваются движением солнца. В этом понимании они были космополитами в своем первоначальном, не искаженном в дальнейшем смысле.

Римский народ, как некогда считалось, есть самый политический народ в мире. Для такого рода утверждений имеются все основания, поскольку культура древних римлян была политической. Им удалось создать практически совершенный тип государства, который до сих пор является объектом изучения различных наук. Надо понимать, что империи не могут существовать долго без надежной системы политического, а более широко — социального регулирования. Римляне также преуспели и в области права. Обоснованно считается, что Рим дважды покорил мир. Один раз с помощью оружия, а второй — посредством закона.

В более поздние времена римское право активно использовалось при формировании как канонического, так и церковного права¹. Конечно, римское право как главное юридическое наследие Античности не могло пользоваться расположением католической церкви, ибо оно создавалось преимущественно в то время, когда римляне еще не знали Христа.

Конечно, в данном случае имеет место историческое недоразумение. Мы привыкли считать романо-германскую систему результатом рецепирования римского права. В целом это, конечно же, так. Но это часть правды, как принято говорить в таких случаях. Проблема в том, что западная историография практически игнорирует роль Византийской империи в совершенствовании римского юридического наследия. Католическая Европа и православная Византия никак не могли быть единой частью европейского христианского мира. Эта враждебность отразилась и на степени объективно-

сти оценок. Более правильным будет утверждение о том, что романо-германская правовая система формировалась на основе *греко-римского права*.

Этот не очень приятный для западных ученых факт беспристрастно зафиксировал Шарль Диль, выдающийся ученый, основатель кафедры исследований по Византии в Парижском университете (Сорбонне): «В *Corpus juris civilis* вложены существенные принципы права, действующего в современном обществе, и его изучение, скрытно продолжавшееся в первые века отдаленного Средневековья и с XI в. получившее чрезвычайное развитие, внушило *варварским народам Запада* (курсив мой. — А. К.) идею государства, основанного на праве. Именно этим отражением, проходящим через всю историю Запада, — чего, несмотря на необходимое критическое отношение, никогда не следует забывать, — воля Юстиниана совершила дело, наиболее плодотворное для прогресса человечества»².

Назначенный императором Валентинианом председателем комиссии, Трибониан разбил ее на три группы: сабинская, эдиктная и папиниановская. Комиссия должна была изучать римское юридическое наследие и систематизировать его. В состав ее вошли четыре профессора права и одиннадцать адвокатов. Комиссия приступила к работе 15 декабря 530 г. и завершила ее 16 декабря 533 г. В этот день были обнародованы «Дигесты».

Римское юридическое наследие оставалось без внимания почти 1 400 лет. Эта систематизация была чрезвычайно важным шагом. Освободив римское право от архаики, византийские юристы, как представляется, раскрыли инновационный потенциал римских юридических конструкций. Конечно, в западной науке эту блестящую работу иногда квалифицируют не иначе как варварством, в результате которого якобы произошло уничтожение римского гражданского права и дискредитированы работы выдающихся римских юристов — Гая, Павла, Ульпиана и Папиниана. С этой оценкой согласиться трудно. Прогресс невозможен, если право не будет меняться под велениями времени.

Инновационные возможности права осознавались постепенно. Потребовалось довольно много времени, чтобы это произошло. Древние, у которых мы до настоящего времени мно-

¹ Есть основания эти понятия все-таки различать. Однако некоторые авторы считают их тождественными.

² Диль Ш. Император Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. Минск : МФЦП, 2010. С. 269–270.

тому учимся, стремились узнать тайны бытия, задуманного и осуществленного богами.

Одним из важнейших вопросов, который привлекал внимание древних греков, была проблема достижения гармонии. Они искали ее повсюду. В себе, т.е. в человеке, в обществе, природе, космосе. И разумеется, в общении с себе подобными. В этой связи становится понятным, почему они обратились к праву. Первоначально — как к средству регулирования отношений в полисе, а затем и к методам его изучения.

Интерес к космосу был отнюдь не случаен. Он казался древним грекам идеальным воплощением гармонии, разумно устроенной системы. Само слово «космос» и есть порядок. «Пользоваться косметикой» буквально означает «приводить себя в порядок». Космос фактически завораживал древних. Он казался им идеальным. Такого же идеала они хотели и на земле, в жизни полиса. Вот почему политическим идеалом древнегреческих мудрецов был благоразумно устроенный полис, в котором отношения были бы урегулированы справедливыми законами.

Древние несколько иначе понимали закон. И вполне вероятно, что они были ближе к истине, чем современный человек, вооруженный, казалось бы, неограниченными возможностями познания и устройства на этой основе разумных начал жизни.

Закон для древних не являлся продуктом субъективного творчества. Он должен был соответствовать объективно существующей в природе законосообразности (затем это явление в науке будут именовать детерменизмом). Иными словами, законодательствовать можно только в рамках познанных закономерностей. Традиции казались древним естественными, законосообразными. Им и в голову не приходило, к примеру, что законы могут быть несправедливыми. По факту, они могли быть таковыми. Но такие законы воспринимались как нечто неестественное, противоречивое законосообразности мира — космического и социального.

Если целью было построение разумно устроенного полиса со справедливыми законами, то *метод в своем первоначальном смысле* *объявлялся путем достижения этого политико-правового идеала.*

В контексте проблемы особое значение имеет следующее мнение: «Греческая наука

занимает в истории человечества особое место, поскольку с самого начала она развивалась в *гражданском* обществе, где власть правителей ограничена либо волей общего собрания граждан, либо законами, которые это собрание сумело навязать правителям. Оттого любознательные эллины могли либо *играть* в науку (как в политику), либо заниматься ею как религией, не оглядываясь на городскую власть и жречество и опасаясь только массовых суеверий сограждан»³.

Культура Древней Греции имела ярко выраженный художественный характер. В этой связи положение ученых и мудрецов было привилегированным. Греки с большим уважением относились к тем, кто «отнимал» тайны у природы и богов. На воротах платоновской академии было написано «Не геометр, да не войдет». И дело здесь не только в геометрии, основы которой должен был знать каждый уважающий себя эллин. Считалось, что если человек открывает законы природы, которую создали боги, то тем самым он как бы причисляется к богам. Боги в Древней Греции — это те же люди, только бессмертные.

«Рождением» закона как некоей формы преобразования действительности мы обязаны римской цивилизации. Но и здесь довольно долго господствовала древняя античная традиция.

Древние говорили, что свои законы они получили от богов. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, а Юпитеру. Лакедемоняне считали, что их законодателем был не Ликург, а бог Аполлон. Римляне полагали, что Нума писал законы под диктовку одного из самых могущественных божеств древней Италии — богини Эгерии. Этруски получили свои законы от бога Таргеса. Во всех этих преданиях есть правда. Истинным законодателем был не человек, а религиозные верования. У древних закон всегда был священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством⁴.

Следование законам как отражения божественного замысла имело место и в Средние века. И тем не менее уже в средневековых западных университетах постепенно формируется такая формула понимания права и его роли, которая уже вполне может претендовать на ин-

³ Смирнов С. Г. Задачник по истории науки. От Фалеса до Ньютона. М., 2001. С. 69–70.

⁴ Куланж де Фюстель. Древний город. М., 2010. С. 190.

новационную функцию права. Средневековые профессора юридического факультета видели в праве не просто отражение божественных начал, но уже *желаемую модель социального устройства (общества)*. Вольно или невольно, но тем самым постепенно закладывалась инновационная парадигма права.

Почему именно в западной культуре первоначально стали видеть инновационные возможности права? Ответить на этот вопрос и легко, и сложно одновременно.

Примерно с XIII в. европейцы стали рассматривать право в качестве универсального регулятора общественных отношений. В этом смысле европейскую цивилизацию нередко именуют христианской и юридической культурой. Большая доля истины в этом действительно присутствует. Конечно, нельзя не видеть отход современной Европы от своих собственных цивилизационных особенностей. Но это было вполне предсказуемым процессом. Кстати, книга О. Шпенглера первоначально называлась «Закат Запада». Однако в США посчитали, что такое название вольно или невольно ставит под сомнение и американский цивилизационный проект как часть западного. Поэтому название несколько подкорректировали. Неблагополучие западного культурного проекта отмечал в своих трудах и К. Леонтьев, которого именовали русским Ницше. Он также резко критиковал Европу за то, что она уходит от своих корней. Но это так, попутно сказанное.

В европейских университетах право рассматривали как модель социальной организации. Его изучение не было акцентировано на судебном разбирательстве или исполнении вынесенных решений. Оно оставляло в стороне процессуальные процедуры, доказательства, способы исполнения, отдавая их на откуп административной регламентации и практическим установкам. Университетская наука обращена к праву во взаимосвязи с философией, теологией и религией, она указывает судьям, как решать дела на основе справедливости, предписывает правила, которым добропорядочные люди должны следовать в своем социальном поведении (Р. Давид).

Итак, европейская социальная традиция с самого начала закладывалась с понимания права как модели социальной организации. Это есть, по сути, инновационная составляющая права. *Конструируя нормы, их создатели желали ви-*

деть ту модель, которая будет существенно отличаться от действительности. Людям свойственно улучшать мир, в котором они живут. Во всяком случае, европейцам. Именно по этой причине восточному созерцанию они предпочли рациональную деятельность. Право, как и многие регулятивные системы, одновременно относится и к сущему (то, что есть), и к должному (как должно быть). Должное — это и есть моделирование. Или создание идеального образа действительности в нашем воображении.

Мы довольно редко задумываемся о роли языка в построении желаемых социальных моделей. И прежде всего языка права.

Стоит согласиться с тем, что прогресс человечества от состояния дикости к цивилизации неразрывно связан с прогрессом абстрактного мышления, которое позволило ему подняться над хаосом чувственных восприятий и создать вокруг себя упорядоченный космос. В свою очередь, прогресс разума идет рука об руку с развитием языка. В своей основе современная интеллектуальная деятельность в очень значительной степени базируется на синтезе слуховых и физических ощущений или образах, которые дают нам слова. Они являются не только средством общения, но также и носителями абстрактных идей. Слова — продукт мыслительной деятельности⁵.

В данном случае очень тонко подмечена роль языка в интеллектуальной истории человечества. Он выступает не просто средством общения, а прежде всего служит пониманию действительности. Но не только. С помощью языка создается определенный социальный порядок, то есть «земной космос». Для древних греков космос и был тем упорядоченным идеалом, который они хотели создать на земле. И на роль средства создания этого порядка было выбрано право. Именно оно создавало идеальные модели поведения. В этом смысле право имеет «космическое» происхождение.

Создание письменного языка и фиксирование правил поведения на различных материалах (камень, шкуры животных, папирус, бумага, а теперь еще и цифровая форма) создало возможности для выстраивания желаемой социальной действительности. Так или иначе, но *уже в древности правовые механизмы служили инновационным изменениям. Этим инструментом (правом) прекрасно пользовались древние греки и римляне.*

⁵ Гордон Чайлд. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2005. С. 11.

В Средние века право никак не могло претендовать на роль проводника позитивных изменений (инноваций). Все дело в том, что сама юриспруденция (профессия, образование и наука) была фактически отраслями богословия. Предполагалось поступать так, как это определено в религиозных текстах. Главный интеллектуальный спор этого периода касался соотношения веры и разума, а также статуса светской и духовной власти. Политическим идеалом Средних веков была теократия, буквально — власть Бога. Разумеется, монархия в ее различных вариантах считалась идеальной формой правления.

Все начало меняться, когда европейское общество стало медленно, но уверенно продвигаться к своим четырем революциям — религиозной, политической, промышленной и научной. Они были бы невозможны без соответствующей «подготовительной работы». Предтечей всех этих революций в определенном смысле стал гуманизм с его стержневым правомочием человека строить рай на земле, определять свою судьбу самостоятельно, а не надеяться на предопределенность свыше. В его основе лежит учение о самодостаточности человеческой личности. Постепенно европейское общество становилось персонцентричным. Это очень важно для понимания сути инноваций. По меньшей мере человек получил это «право», которого у него раньше не было.

Следующим этапом стало формирование философии Просвещения. Поль Анри Гольбах, Дени Дидро и Клод Адриан Гельвеций стали издавать Энциклопедию (отсюда происходит и название — энциклопедисты), которая представляла собой краткое описание наук. Во главе Просвещения встал Франсуа Мари Аруэ, больше известный как Вольтер. По мнению Вольтера, все «необходимо взвешивать на весах разума». Так формируется известная отличительная черта европейской культуры — рациональность и такая категория, как *рациональные инновации*. Получил широкую известность лозунг Вольтера «Раздавите гадину!»

Под «гадиной» подразумевалась католическая церковь, римская курия. Именно церковь монопольно определяла, что можно считать допустимыми «инновациями», а что — нет. Кроме религиозной догмы, в руках церкви были два инструмента — каноническое и церковное пра-

во. Важно то, что они формировались на основе римского права.

Религиозная революция привела к расколу католического мира. Появился протестантизм. М. Вебер, выдающийся правовед и философ, который обосновал основной закон развития европейской цивилизации, а именно прогрессирующая рационализация социума, написал в этой связи книгу с говорящим названием «Протестантская этика и дух капитализма». В ней он попытался обосновать тезис о наибольшей пригодности именно протестантской трудовой этики для развития буржуазных, капиталистических отношений.

И действительно, те страны, в которых утвердился протестантизм, практически сразу вышли в лидеры экономического развития. Это Нидерланды, страны северной Европы, Германия. Все они использовали правовые механизмы для развития экономики, рациональных инноваций.

Политические революции привели к власти буржуазию, которая является наиболее инновационным классом. Во многих государствах утвердилась республиканская форма правления, некоторые абсолютные монархии стали ограниченными. Утвердился принцип разделения властей как неперемное условие демократического государства. Правовое государство и гражданское общество стали целями общественного развития.

Конечно же, инновационный потенциал права более всего раскрыли промышленная и научные революции.

Англия — родина капитализма и, что вполне объяснимо, промышленной революции. Она началась в центрах текстильного производства и постепенно распространилась на всю страну. Англия очень быстро оказалась опутанной сетью железных дорог, что создавало прекрасные условия для перемещения рабочей силы и произведенных товаров. Одна революция вызывает к жизни другую. Начиная с середины XVIII в. индустриальная революция в Англии шла рука об руку с революцией сельскохозяйственной. Благодаря увеличению производительности сельского хозяйства стал возможен рост городов. Теперь небольшая часть населения страны могла прокормить всех ее жителей. Англия была первым большим государством, сумевшим совершить этот рывок⁶.

⁶ Херст Дж. Краткая история Европы. М., 2020. С. 228, 229 ; Дженкинс С. Краткая история Англии. М., 2019. С. 265.

Каждая успешная в экономическом отношении страна движется к нему по-своему. К примеру, революция Мэйдзи, длившаяся в Японии без малого 44 года, ознаменовалась тем, что отсталая, феодальная страна превратилась в одну из самых развитых стран мира. Некоторые японские историки, характеризуя правление императора Муцухито, говорят так: «Не надо произносить никаких слов. Достаточно посмотреть в окно».

Это еще раз доказывает, что дела говорят сами за себя лучше всяких слов. А уже в XX в. у «японского экономического чуда» было три предпосылки — инвестиции, передовые технологии и ставка на перманентное увеличение экспорта⁷.

Стоит обратить внимание и на правовые механизмы, которые использовала Япония. Хорошо известно, что первоначально Япония ориентировалась на правовую систему Франции, прежде всего на Французский гражданский кодекс 1804 г., который действует и поныне. Развитие экономических отношений требовало соответствующего правового опосредования. Япония является как раз тем примером, когда рецепирование правовых институтов из другой социокультурной среды не дает нужных результатов. Дело в том, что французское законодательство формировалось на основе принципов Просвещения, что не вполне соответствовало духу японского традиционного общества. Было отмечено «падение нравов», что послужило основанием обратиться старейшинам японского общества к императору. В итоге было принято решение о переориентации японского экономического законодательства с французского на немецкое. Было взято за образец Германское гражданское уложение. При всех исторических трансформациях оно также является действующим источником права.

Мощный технологический рывок был сделан с использованием европейского законодательства. Право в данном случае выступило инструментом инновационных преобразований.

Пожалуй, Российская империя проиграла войну с Японией 1904 г., находясь в плену устаревших представлений об этой стране как отсталой, закрытой и аграрной. За эту ошибку пришлось дорого заплатить.

В настоящее время Япония в отдельных источниках по сравнительному правоведению

квалифицируется как входящая в романо-германскую правовую систему. Некоторые исследователи не согласны с подобной точкой зрения и считают, что Япония придерживается своей, т.е. не западной, правовой традиции. Тем не менее нельзя отрицать западного инновационного правового влияния на эту страну, которая относительно недавно была в лидерах технологического развития. Слишком быстрое развитие Японии не устроило главного «союзника», поэтому ее немного «притормозили». Такая же политика проводится и в отношении Китая.

В этой связи можно констатировать, что не всякие успешные инновационные проекты позитивно воспринимаются в мире. И это вполне объяснимо. Никакие союзы и сообщества не отменяют главного — желания господствовать в этом мире. Или хотя бы иметь независимость.

А. Дж. Тойнби отмечает, что, когда две или более цивилизации вступают между собой в контакт, они чаще всего обладают разными потенциальными силами. Человеческой природе свойственно пользоваться своим превосходством. Поэтому и цивилизация, осознавшая свое преимущество над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть.

Позиция английского историка серьезно дезавуирует такую мифическую категорию, как «европейские ценности». Запад в его работах скорее агрессор, чем жертва. Он пишет, что, совершив грех отрицания человека в другом, нельзя не дегуманизировать тем самым самого себя. Называя исконных обитателей завоеванных земель «туземцами», «цивилизованный» человек лишает их человечности, полностью отождествляя с флорой и фауной. Цивилизационной особенностью Запада является, по его мнению, «синтез национализма и технологий».

С сожалением А. Дж. Тойнби констатирует, что человек достиг чрезвычайных успехов в области интеллекта и ноу-хау и оказался полным неудачником в сфере духа; это великая трагедия жизни на земле — то, как поразительно неадекватно проявляет человек свои способности в материальной и духовной сферах, ибо духовная сторона жизни значительно важнее для человеческого благосостояния (даже в материальном отношении в конечном итоге), нежели его контроль над неживой природой⁸.

⁷ Танака Т. Япония. Полная история страны. М. : АСТ, 2021. С. 316.

⁸ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 431.

Цивилизация, по Тойнби, это движение, процесс, а не состояние и убежище. Они рождаются и развиваются, успешно отвечая на те или иные вызовы. Если цивилизация не смогла на них ответить, то она погибает.

Соотношение секулярной и религиозной культур, как он полагает, является источником развития отношений. В этом контексте Тойнби отмечает своеобразный конфликт. Он проявляется в том, что *движение цивилизаций имеет циклический и периодический характер, в то время как движение религии выглядит как одна восходящая линия*.

Наличие противоречий давно и убедительно квалифицируют как источник всякого развития, любых инноваций. Если принять позицию Тойнби, то право в одинаковой степени относится как к секулярной, так и к религиозной традиции. Другое дело, что в рамках религиозной традиции всякие перемены воспринимаются очень настороженно.

И тем не менее наука как главный источник инноваций выросла из религии. *Религиозная система знаний была первой, а научная уже второй*. Большие революции решают главные проблемы бытия, а потому и не могут не быть движениями *религиозными*. Вот, к примеру, Великая французская революция, идейно подготовленная Просвещением и научной революцией. В ней произошел творческий синтез научного и религиозного знания (С. Кара-Мурза).

По мнению А. де Токвиля, французская революция является политической революцией, употребившей приемы и, в известном отношении, принявшей вид революции религиозной. Она сама стала чем-то вроде религии, не имевшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но тем не менее наводнившей землю своими солдатами, своими апостолами и мучениками.

Научная революция стала заметным событием. Она изменила представления человека о мире и о самом человеке. Он получил совершенно новый способ познания — науку. Стоит признать, что европейская цивилизация стала по своему характеру самой инновационной в силу технологического и научного лидерства. Парадокс: крупнейшие ученые были уже в глубокой древности, а наука стала естественным институтом общества и государства только

250–300 лет тому назад. И объяснить этот факт очень просто. Наука стала мощным фактором развития тогда, когда продукты, которые она выдавала (идеи, изобретения, открытия), помогали на целые порядки увеличивать возможности существующих, в основном примитивных производств. Все новое, как правило, тут же внедрялось в практику, ибо это сулило получение новых продуктов в максимально возможном количестве. Знаменитый лозунг Ф. Бэкона «Знания — сила» стремительно трансформировался и в другие формулы: «Знания — деньги», «Знания — это власть». Но это отдельная тема.

Для всякого развития нужна соответствующая правовая основа. Представляется, что Наполеон «своим» гражданским кодексом юридически оформил переход европейского общества от феодализма к буржуазному способу производства. Не случайно, что в конце своей жизни он прогнозировал живучесть своего образа не в связи с военными победами. Их было много, но одна битва при Ватерлоо перечеркнула все. Вечным памятником ему будет французский гражданский кодекс, считал этот подлинно великий человек. Да, за ним сотни тысяч убитых и искалеченных. И в то же время этот кодекс стал образцом для многих государств, которые встали на путь прогрессивного, инновационного развития.

Строго говоря, рыночная экономика развивалась либо на основе гражданского права, либо на дуализме гражданского и торгового права. В этой связи *можно квалифицировать право как основу и как соответствующую форму всякого развития*. И прежде всего экономического.

Право, если обратиться к удачливому предпринимателю и глубокому мыслителю Ф. Энгельсу, по отношению к экономике, да и, пожалуй, к другим сферам бытия общества, может осуществлять три функции: развивать экономику (быть драйвером экономических преобразований); тормозить ее развитие; соответствовать объективным тенденциям ее эволюции⁹.

В теории государства и права традиционно принято выделять экономическую функцию государства. Есть все основания говорить в настоящее время и об *инновационной функции права*.

⁹ Советский период, как показывает современный опыт, был не таким уж плохим. Объективности ради стоит отметить, что право тогда нередко тормозило развитие экономических отношений. Достаточно сказать, что занятие предпринимательской деятельностью (при отсутствии легальной дефиниции) было уголовно наказуемым.

Функции права — это единство двух моментов: социального назначения права и основных направлений его воздействия на общественные отношения. Функции права есть такое направление его воздействия на общественные отношения, потребность в осуществлении которого порождает необходимость существования права как социального явления (Т. Н. Радько).

Пожалуй, в сфере экономики государство при помощи права: устанавливает правовые основы социально ориентированной рыночной экономики (важнейшие нормативные правовые акты, совокупность которых можно условно назвать экономическим законодательством, — Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, Законы о банках, О предприятиях, О товарных знаках и пр.); создает надежную финансовую систему, в которой главная роль принадлежит банкам; устанавливает цивилизованные формы конкурентной борьбы и ограничивает монополизм; восполняет недостатки рыночных механизмов.

Все эти задачи государство может осуществлять исключительно с помощью правовых механизмов. Все успешные реформы, ставшие своего рода классикой, — Япония, Германия, Сингапур, Китай, Вьетнам — *начинались с правовой реформы*. И только потом происходили соответствующие кардинальные изменения. Другими словами, в этих странах использовали право как драйвер инновационных перемен.

Юриспруденцию нередко именуют *нормативной* наукой. Определенные основания для такой квалификации есть. Как и этика, она имеет дело с моделями поведения, ориентированными на получение социально полезного результата.

Применительно к инновациям, нормативность права более всего характеризует его преобразовательный характер. Наука и ее служители — ученые, строго говоря, выполняют две главные функции. Во-первых, обосновывают свои теории, идеи, концепции. Во-вторых, с помощью своих наработок они *пытаются рационализировать мир*. Прежде всего социальный мир. Это и есть инновации. Вмешательство в природу нужно осуществлять крайне осмысленно.

В настоящее время есть все основания говорить о техно-социальных системах, состояние которых лучше всего свидетельствует об уровне развития конкретного общества и государства. Технологическую и социальную сферу более не стоит разъединять, как мы это делали раньше.

Современный мир вступил в четвертую промышленную революцию и постепенно переходит (Россия, увы, пока сильно отстает) к шестому технологическому укладу. Все революции по своему характеру, прежде всего научные, промышленные (технологические), носят инновационный характер.

Право — лучший инструмент для рациональных инноваций. Оно более всего подходит для конструирования желаемой реальности — социальной, технологической, виртуальной и т.д. Надо максимально использовать инновационный потенциал права, как это уже сделали множество стран.

Инновационная функция права должна занять свое место среди других направлений. *Под инновационной функцией права предлагается понимать вытекающее из его социального назначения конструктивное воздействие на общественные отношения в целях их предельной рационализации, формирования новой комфортной и безопасной социальной среды, позитивных количественных и качественных изменений во всех сферах бытия общества.*

Формулирование понятий всегда было делом рискованным. Главное состоит в том, чтобы общество, государство, да и профессиональное сообщество юристов, наконец-таки признали инновационные возможности права и научились рационально их использовать.

Россия в настоящее время находится в очень сложном положении. Справедливости ради стоит отметить, что «периоды спокойствия» при всей условности данного понятия нашей истории вообще неизвестны. Если только «застой», который ассоциируется с именем Л. И. Брежнева. Однако время всё расставило на свои места. Вряд ли можно называть застоем страну, где ежегодный рост ВВП был в среднем 4 %. Все познается в сравнении.

Инновационная юриспруденция просто обязана по-иному понимать природу и предназначение права. Для того чтобы Россия была в авангарде технологического лидерства, необходимо качественно менять и правовую среду.

Ушедший 2023 год, несмотря на санкции, Российская Федерация закончила с очень неплохими экономическими показателями. Стоять на месте нельзя. Нужно развиваться. Право — самый эффективный механизм социального регулирования. Общество и государство могут и должны использовать его инновационный потенциал. При помощи правовых механизмов можно создавать правовую среду

новых социальных практик и рынков. В нашей относительно недавней истории мы недооценивали преобразовательную роль права, его инновационные возможности. Более того, законы нередко тормозили развитие страны. В настоящее время необходимо учитывать ошибки прошлого, для того чтобы не допускать их повторения в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гордон Ч. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М. : Центрполиграф, 2005. 270 с.
Дженкинс С. Краткая история Англии. М. : Эксмо, 2019. 320 с.
Дженкинс С. Краткая история Англии. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 416 с.
Диль Ш. Император Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. Минск, 2010. 656 с.
Куланж де Фюстель. Древний город. М. : Центрполиграф, 2010. 414 с.
Смирнов С. Г. Задачник по истории науки. От Фалеса до Ньютона. М., 2001. 346 с.
Танака Т. Япония. Полная история страны. М. : АСТ, 2021. 336 с.
Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. : Айрис-пресс, 2003. 592 с.
Херст Дж. Краткая история Европы. М., 2020.

REFERENCES

- Coulanges de Fustel. The ancient city. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2010. (In Russ.).
Dil Sh. Emperor Justinian and the Byzantine civilization in the sixth century. Minsk; 2010. (In Russ.).
Gordon Ch. The Aryans. The founders of European civilization. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2005. (In Russ.).
Hearst J. A brief history of Europe. Moscow; 2020. (In Russ.).
Jenkins S. A Brief History of England. Moscow: Eksmo Publ.; 2019. (In Russ.).
Jenkins S. A Brief History of England. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus Publ.; 2019. (In Russ.).
Smirnov SG. A problem book on the history of science. From Thales to Newton. Moscow; 2001. (In Russ.).
Tanaka T. Japan. The full history of the country. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
Toynbee AJ. Civilization before the court of history. Moscow: Iris-press; 2003. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
avkornev@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
avkornev@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 5 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 10 октября 2024 г.
Принята к печати 15 октября 2024 г.*

*Received 05.03.2024.
Revised 10.10.2024.
Accepted 15.10.2024.*

В. Д. Никишин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 1)

Резюме. В статье рассмотрены основные технологии (в том числе социогуманитарные), выступающие вызовами для обеспечения безопасности коммуникации в интернет-среде и требующие выработки новых нормативных моделей. Рассмотрены соотношение и взаимосвязи концептов информационной, информационно-психологической, репутационной и медиабезопасности; информационного и когнитивного суверенитета; информационной, когнитивной и гибридной войны; феномена «мягкой силы», «социологической пропаганды», что имеет важное значение для унификации терминологического аппарата в указанной сфере. Впервые с точки зрения юриспруденции комплексно рассмотрен концепт когнитивного суверенитета и охарактеризованы его составляющие, в том числе медиабезопасность, культурный суверенитет, технологический суверенитет, управленческий суверенитет, правовая безопасность. Новизной обладает и раздел исследования, посвященный комплексному рассмотрению феномена социальной инженерии не только как совокупности методов психологического воздействия, направленного на получение неправомерного доступа к данным, но и как иных комплексов социогуманитарных технологий управления смыслами, методов и приемов информационно-психологического воздействия на поведение людей. Рассмотрено место юридической социальной инженерии в системе социальной инженерии и обоснована роль юриста-стратега (юриста-правотворца) как социального инженера, разрабатывающего модели нормирования не только текущих, но и зарождающихся, прогнозируемых общественных отношений. Анализ развития киберпространства с точки зрения концепции «Web 1.0 — Web 2.0 — Web 3.0 — Web 3» позволил, во-первых, выработать авторскую признаковую модель различных «типов» (этапов) развития интернет-среды и, во-вторых, обозначить вызовы праву, обусловленные необходимостью обеспечения медиабезопасности и когнитивного суверенитета, а также адаптации новых экономических моделей.

Ключевые слова: социогуманитарные технологии; информационная безопасность; репутационная безопасность; медиабезопасность; информационный суверенитет; когнитивный суверенитет; информационная война; гибридная война; цифровое право

Для цитирования: Никишин В. Д. Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 1). *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 145–158. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.145-158

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Когнитивный суверенитет и медиабезопасность: право, психология и IT» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Социоправо»).

Legal Support of Media Security and Cognitive Sovereignty: Challenges of Social Engineering, Hybrid Wars and Web 3.0 Mechanisms (Part 1)

Vladimir D. Nikishin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper considers the main technologies (including socio-humanitarian ones) that pose challenges to ensure the security of communication in the Internet environment and require the development of new regulatory models. The correlation and interrelationships of the concepts of information, information-psychological, reputational and media security; information and cognitive sovereignty; information, cognitive and hybrid warfare; the phenomenon of «soft power», «sociological propaganda», which is important for the unification of the terminological apparatus in this area, are considered. For the first time, from the point of view of jurisprudence, the concept of cognitive sovereignty is comprehensively considered and its components are characterized, including media security, cultural sovereignty, technological sovereignty, managerial sovereignty, and legal security. The research section devoted to the comprehensive consideration of the phenomenon of social engineering is also new, not only as a set of methods of psychological influence aimed at obtaining unauthorized access to data, but also as other complexes of socio-humanitarian technologies for managing meanings, methods and techniques of information and psychological influence on human behavior. The place of legal social engineering in the system of social engineering is considered and the role of the lawyer-strategist (lawyer-lawmaker) is justified as a social engineer who develops models for rationing not only current, but also emerging, predictable social relations. An analysis of the development of cyberspace from the point of view of the concept «Web 1.0 — Web 2.0 — Web 3.0 — Web 3» made it possible, firstly, to develop an author's feature model of various «types» (stages) of the development of the Internet environment and, secondly, to identify challenges to the law caused by the need to ensure media security and cognitive sovereignty, and also the adaptation of new economic models.

Keywords: socio-humanistic technologies; information security; reputational security; media security; information sovereignty; cognitive sovereignty; information warfare; hybrid warfare; digital law

Cite as: Nikishin VD. Legal Support of Media Security and Cognitive Sovereignty: Challenges of Social Engineering, Hybrid Wars and Web 3.0 Mechanisms (Part 1). *Lex russica*. 2024;77(11):145-158. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.145-158

Acknowledgements. The research was carried out as part of the project «Cognitive Sovereignty and Media Security: Law, Psychology and IT», Kutafin Moscow State Law University (MSAL), strategic academic leadership program «Priority-2030» (Competence Center «Sociopravo»).

Введение

Подлежащие правовому регулированию отношения в настоящий момент представляют собой в значительной степени отношения внутри социотехнических систем и между ними. Это общественные отношения, «отягощенные» нечеловеческой квазисубъектностью (в терми-

нологии Г. Хассельбалх — «нечеловеческой (nonhuman) агентностью»¹) и развивающиеся в соответствии с логикой сетевых структур². Имеет место искусственная социальность, подразумевающая «эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий»³; Интернет рассматрива-

¹ Hasselbalch G. Data Ethics of Power: A Human Approach in the Big data and AI Era. Cheltenham; Northampton. MA : Edward Elgar, 2021.

² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004.

³ Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 43.

ется в парадигме «глобальной архитектуры по изменению поведения»⁴, что позволяет исследователям говорить и о «цифровом тоталитаризме»⁵.

Переход к «экономике внимания» (attention economy), переориентация мировой экономики с финансовых транзакций на «транзакции внимания»⁶ подразумевает активное использование не только мультимедийных технологий, но и когнитивных и преаттентивных («предшествующих вниманию») технологий, которые «помогают организовать процессы восприятия на дорациональном, фактически бессознательном уровне»⁷.

Интернет стал мощнейшим инструментом манипулятивного воздействия на всех без исключения пользователей, средой проведения широкомасштабных психологических операций, что диктует новые вызовы правовому обеспечению цифрового «иммунитета», информационной безопасности как отдельно взятых интернет-пользователей, так и общества и государства в целом.

1. Информационная, информационно-психологическая, репутационная и медиабезопасность, информационный и когнитивный суверенитет: соотношение концептов

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации⁸ под информационной безопасностью Российской Федерации понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспе-

чиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства».

Информационная безопасность может рассматриваться, во-первых, в информационно-техническом аспекте как безопасность данных (персональных данных; государственной, коммерческой тайны и т.д.) и объектов информационной инфраструктуры (информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления и т.д.) и, во-вторых, в информационно-психологическом аспекте как защита от (деструктивной, токсичной) информации.

Информационно-психологическая (информационно-мировоззренческая) безопасность личности — состояние защищенности человека, при котором отсутствуют контентные и коммуникационные риски, связанные с причинением информацией вреда его здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

Информационно-психологическая безопасность предполагает защиту от манипулирования сознанием личности, насаждения симулякров и формирования, соответственно, псевдореальности, картины мира с искаженными или подмененными ценностями, установками и т.д., где во главу угла ставится культ агрессии к окружающим (собственно агрессивный дискурс) или к себе самому (депрессивно-аутодеструктивный дискурс).

Понятие «**медиабезопасность**», в своей семантике подчеркивая источник угроз — ме-

⁴ Noor E. Rethinking Decoupling: Interdependence, Dependence, Independence // Digital Debates: CyFy Journal. 2020. P. 36–46.

⁵ Нечаев В. Д., Белоконов С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 112–133. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-6> (дата обращения: 14.05.2024).

⁶ Goldhaber M. H. Principles of the new economy // URL: <https://people.well.com/user/mgoldh/principles.html> (дата обращения: 14.05.2024).

⁷ Сарна А. Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 220.

⁸ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁹ Под медиасредой понимаются не столько журналы, телевидение и т.п. «традиционные» медиа, сколько «новые», «социальные» интернет-медиа, охватывающие и различные сайты независимо от их регистрации или нерегистрации в качестве СМИ, блоги, социальные сети, мессенджеры, видеоигры, новостные агрегаторы, видеохостинги и т.п.

диасреду⁹, с одной стороны, входит в концепт информационной безопасности, но, с другой стороны, выступает по отношению к понятию «информационно-мировоззренческая безопасность» более широким, т.к., во-первых, охватывает в том числе информационные угрозы, не связанные с деструктивным информационно-психологическим воздействием, но нарушающие права человека посредством распространения в медиа иной противоправной информации, в том числе посягающей на его доброе имя, честь, достоинство, деловую репутацию ввиду диффамационного характера ин-

формации (**репутационная безопасность**)¹⁰; во-вторых, «медиабезопасность» — понятие, применимое по отношению не только к личности (физическим лицам), но и к юридическим лицам¹¹.

Таким образом, без учета детализации составляющих медиабезопасности, которые будут рассмотрены ниже, соотношение информационно-психологической и медиабезопасности с иными ключевыми концептами семантического поля «информационная безопасность» можно представить в кругах Эйлера следующим образом:

Рис. 1. Соотношение концептов информационной безопасности

В семантическое поле «информационная безопасность» также входит концепт «суверенитет». Так, в отечественной литературе можно

встретить упоминания ценностного¹², эмоционального¹³, духовного¹⁴, культурного¹⁵ **суверенитета** как феноменов, связанных с защитой

¹⁰ Стоит отметить, что данные угрозы могут перерасти и в информационно-психологические: например, распространение дискредитирующей информации может ввести человека в депрессивное состояние, перерасти в киберсталкинг, кибербуллизм и т.д.

¹¹ Виды деструктивных онлайн-сообществ, деструктивной пропаганды и деструктивного сетевого контента см.: Карта информационных угроз медиабезопасности (автор — В. Д. Никишин) // URL: <https://msal.ru/structure/dopolnitelnye-obrazovatelnye-programmy/institut-pravovogo-analiza-problem-informatsionnoy-i-mediabezopasnosti/laboratoriya-innovatsiy-laboratoriya-informatsionnoy-bezopasnostin-esovershennoletnikh/> (дата обращения: 11.06.2024).

¹² Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2022. № 2. С. 352–371.

¹³ Сургуладзе В. Ш. Эмоциональное измерение государственного суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности // Власть. 2023. № 4. С. 108–115 ; Сургуладзе В. Ш. Нейрополитика, принятие политических решений, эмоциональный суверенитет и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в контексте переосмысления политологического наследия Роберта Джервиса // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18-1. С. 271–275.

¹⁴ Синютин А. А. Проблемы формирования патриотизма как средства укрепления духовного суверенитета в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 3 (67). С. 88–99.

¹⁵ Понятие «культурный суверенитет» также используется в разделе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» Стратегии национальной безопас-

населения от деструктивной пропаганды и навязывания ценностей, чуждых российскому цивилизационному коду. Кроме того, российские и зарубежные ученые оперируют понятиями информационного¹⁶, цифрового¹⁷, электронного¹⁸ суверенитета, которые отражают зачастую сходные или идентичные сущности.

После того как 9 июня 2022 г. специальный представитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Д. Песков, выступая на тему технологического суверенитета, заявил, что «нет смысла заниматься технологиями, не решив проблему когнитивного суверенитета»¹⁹, в обиход вошел термин **«когнитивный суверенитет»**, не получивший в настоящее время должного научного осмысления. Так, с 2022 г. вышли отдельные публи-

кации филологов и философов²⁰, в которых когнитивный суверенитет упоминался или рассматривался преимущественно в рамках тезисов, озвученных Д. Песковым. В данной статье представлено видение феномена когнитивного суверенитета с точки зрения права.

Прежде всего, представляется целесообразным установить взаимосвязь и соотношение понятий информационной и медиабезопасности и суверенитета.

В самом общем виде концепт суверенитета отражает верховенство, независимость от каких-либо сил, обстоятельств и лиц.

В подпункте «в» п. 2 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации²¹ *суверенитет отражен как часть информационной безопасности Российской Федерации.*

ности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351), а также в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru. 16.09.2024).

¹⁶ Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215 ; Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрыцев И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10. С. 14–22.

¹⁷ Кочетков А. П., Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45 ; Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 3. С. 673–690 ; Володенков С. В., Воронов А. С., Леонтьева Л. С., Сухарева М. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологических трансформаций: содержание и особенности // Полилог. 2021. Т. 5. URL: <http://arxiv.gau.ru> (дата обращения: 24.07.2024) ; Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С. 48–69 ; Зиновьева Е. С. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 8–21 ; Pohle J., Thiel T. Digital Sovereignty // Internet Policy Review. 2020. Vol. 9, No. 4. P. 1–19 ; Cuihong Cai. Building a New Digitalised World through Technology Centrism // Digital Debates: CyFu Journal. 2020. P. 48–53.

¹⁸ Вендиктов С. В. Платформы гражданской журналистики в контексте электронного суверенитета государств евразийского экономического союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 4. С. 68–75.

¹⁹ URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 24.07.2024).

²⁰ Яковлева И. В., Черных С. И. Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период // Вестник Том. гос. ун-та. 2023. № 497. С. 57–64 ; Мирелли М. А. Философия мягкой силы в международном взаимодействии: между «парасиловым» принуждением и скрытым управлением // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 154–160 ; Макулин А. В., Мирелли М. А. Глобальные векторы «мягкой силы» в науке и образовании: социально-эпистемологические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2023. № 4. С. 92–103.

²¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

Пункт 56 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²² гласит: «Целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве».

В актах Содружества Независимых Государств *информационный суверенитет* государств-участников понимается как «способность и возможность самостоятельно осуществлять функции государства в информационной сфере с целью соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной и коллективной безопасности»²³. Учитывая широту спектра прав человека и комплексность понятия «национальная безопасность», охватывающего демографическую безопасность, государственную и общественную безопасность, оборону страны, информационную безопасность, экономическую безопасность, научно-технологическое развитие (технологический суверенитет), экологическую безопасность, защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (культурный (шире — когнитивный) суверенитет), стратегическую стабильность международного сотрудничества и т.д., — информационный суверенитет стран — участниц СНГ рассматривается в аспекте противодействия не только информационным, но и гибридным угрозам²⁴.

Таким образом, на наш взгляд, *информационный суверенитет* можно трактовать как *правовой статус безопасности* при осуществлении информационной политики государства, а также при информационном обеспечении иных политик государства.

В цифровом пространстве суверенитет, рассматриваемый Х. Ели с точки зрения интересов трех ключевых акторов: государства, гражда-

нина и международного сообщества, — разделяется на три уровня:

1) базовый — «физический» уровень, отражающий инфраструктуру киберпространства;

2) срединный — уровень приложений (интернет-платформы и интернет-операторы), касающийся различных сфер жизнедеятельности;

3) верхний — основной (содержательный), включающий «режим, закон, политическую безопасность и идеологию, которая не подлежит сомнению и включает в себя руководящие основы и воплощает основные интересы страны»²⁵.

Примечательно, что автор указанной концепции, рассматривая верхний уровень суверенитета в киберпространстве, подчеркивает, что государства вполне естественно имеют различия в подходах к законодательному регулированию киберпространства ввиду национально-культурных, религиозных особенностей и т.д., что «разнообразие является нормой человеческого существования, которая не может быть отформатирована в соответствии с какой-либо одной культурой»²⁶. Указанный тезис предлагаем развить в двух ипостасях: с одной стороны, киберпространство как пространство смыслов не должно быть организовано в духе однополярного мироустройства и культурной гегемонии отдельного государства или группы развитых стран; с другой стороны, информационная политика и выбор регуляторных моделей, ограничений и запретов на циркулирование в киберпространстве информации определенных типов и т.п. — прерогатива национальных правительств (законодателей), а не медиакорпораций, владельцев социальных сетей, новостных агрегаторов и других провайдеров интернет-сервисов, пытающихся в рамках своих коммуникационных режимов (локальных правил) установить цензуру, и, про-

²² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

²³ Постановление № 41-13 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О проекте Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств». Принято в г. Санкт-Петербурге 28 ноября 2014 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 62 (ч. 2) ; решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств». Принято в г. Москве 25 ноября 2019 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 11.05.2024).

²⁴ О понятии гибридной войны см. ниже.

²⁵ Yeli H. A. Three-Perspective Theory of Cyber Sovereignty // PRISM. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 112–114.

²⁶ Yeli H. A. Op. cit. P. 114.

²⁷ Колумбайн (скулшутинг) — запрещенная в РФ террористическая организация.

двигая через алгоритмы «нужный» контент, зачастую преследуют политические цели (в том числе «большой киберпятерки» GAFAM: Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft).

Перечисленные выше уровни суверенитета в киберпространстве предлагаем обозначить как *инфраструктурный, сервисный и когнитивный* соответственно, при этом обобщающим понятием для указанных уровней с точки зре-

ния терминологического аппарата отечественных документов стратегического планирования и иных нормативных актов выступает понятие *информационного суверенитета*.

Соотношение безопасности как состояния защищенности или суверенитета как статуса безопасности и субъектов-обладателей такого состояния (статуса) можно систематизировать в виде следующей схемы:

Рис. 2. Виды безопасности и их обладатели

Когнитивный суверенитет (в узком понимании как часть информационной безопасности) предполагает прежде всего обеспечение защиты граждан от информационно-психологического воздействия со стороны зарубежных государств (финансируемых ими информационных «агентов»). Такое воздействие может проявляться в реализации широкого спектра психологических операций; распространении фейковой и диффамационной, дискредитирующей информации (в том числе с использованием аудио- и видеодипфейков, осуществления спуфинга); политической пропаганде сепаратистских настроений, экстремистской и террористической идеологии; инспирировании массовых беспорядков и иных противоправных акций; развитии в интернет-медиа сетей псевдосубкультурных течений радикальной направленности: гетероагрессивной (сообщества, оправдывающие и (или)

пропагандирующие насилие по отношению к другим лицам: колумбайнеры (скулшутеры)²⁷, массшутеры, М.К.У.²⁸ и т.д.); аутодеструктивной (сообщества, оправдывающие и (или) пропагандирующие насилие по отношению к самому себе: суицидальные сообщества, «сообщества анорексичек», сообщества «опасных хобби», сообщества, пропагандирующие психоактивные вещества и т.д.); администрировании онлайн-сообществ, пропагандирующих анти-семейные ценности, девальвацию традиционных ценностей, обесценивание самой человеческой жизни и т.д.²⁹

Можно условно выделить две основные функции таких деструктивных онлайн-сообществ: 1) взращивание адептов, совершающих резонансные акты насилия (к другим или к самому себе), что ведет к устрашению населения и дестабилизации обстановки, и (или) моральное разложение, дегуманизация, разобще-

²⁸ М.К.У. — запрещенная в РФ террористическая организация.

²⁹ Никишин В. Д., Осипов Д. П. Понятие и сущность информационного суверенитета // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XIII Московской юридической недели : в 4 ч. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. Ч. 1. С. 170–171.

ние общества; 2) подготовка в целом из всего контингента подписчиков протестной массы молодых людей, готовых к противоправным действиям, в том числе к преступлениям против конституционного строя («цветным революциям» и пр.)³⁰.

В то же время *когнитивный суверенитет* можно представить в широком смысле как гораздо более сложное и многогранное понятие, составляющие которого будут рассмотрены далее в статье.

2. Понятия информационной, когнитивной и гибридной войны. Феномен «мягкой силы»

Рассмотренные выше концепты отражают безопасность как состояние защищенности от угроз или статус такой безопасности (суверенитет), при этом большинство информационных угроз обусловлено не действиями отдельных лиц, имеющими личную мотивацию (мести, опорочивания, нанесения ущерба и т.п.), а целенаправленной скоординированной деятельностью оппонентов в «войне смыслов» и «войне за умы». В этой связи целесообразно остановиться на содержании понятий информационной, психологической, когнитивной и гибридной войны.

Одной из распространенных дефиниций *информационной войны* выступает ее определение как комплекса «мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий»³¹.

А. В. Манойло определяет информационную войну как «вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия»³². При этом А. В. Курилкин определяет психологические и

кибернетические операции как подвиды информационных операций:

информационная операция — «спланированная деятельность, осуществляемая в мирное или военное время, рассчитанная на иностранные дружественные, враждебные или нейтральные аудитории с целью повлиять на информацию, информационные процессы и системы управления для достижения собственных внешнеполитических целей»³³;

психологическая операция — «спланированная деятельность по передаче информации широким народным массам и элитам иностранных государств с целью повлиять на их поведение, эмоции, мотивы, логические построения и ценности»³⁴;

кибернетическая операция — «деятельность по защите собственной киберинфраструктуры и выведению из строя и уничтожению киберинфраструктуры противника, а также похищение важной информации и использование специальных технических средств для воздействия на поведение людей в онлайн-пространстве в интересах проведения информационной операции»³⁵.

Гибридная война представляет собой стратегию и тактику сочетания конвенциональных (обычных, классических, симметричных) военных действий с методами экономического, политического и информационного давления на противника.

А. Н. Медушевский, рассматривая *когнитивную войну* как продолжение концепта гибридной войны, утверждает, что она направлена на такой обязательный признак суверенитета государства, как независимое правительство, свободное от внешнего вмешательства, и что «конечная цель когнитивной войны — преодолеть внутренние информационно-пропагандистские барьеры государства, изменить систему ценностей и понимание мира, вынудить население к принятию желательного решения, установить над ним «рефлексивный контроль»,

³⁰ Никишин В. Д., Осипов Д. П. Указ. соч. С. 170–171.

³¹ Василенко И. Информационная война как фактор мировой политики // Государственная служба. 2009. № 3. С. 80–86.

³² Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М. : Горячая линия — Телеком, 2018. С. 75.

³³ Курилкин А. В. Информационные операции и кибервойна: от истории к современности. М. : Горячая линия — Телеком, 2022. С. 31.

³⁴ Курилкин А. В. Указ. соч. С. 31.

³⁵ Курилкин А. В. Указ. соч. С. 31.

подорвав его способности “наблюдать, ориентироваться, решать и действовать”»³⁶. Отметим «зауженный» характер указанной дефиниции, сосредотачивающей акценты на изменение системы ценностей в целях формирования антиправительственных настроений и совершения соответствующих действий, в то время как когнитивная война — это «война за умы», это в том числе и культурная экспансия, размывание ценностей в целях разложения общества как такового, это также и распространение антисемейных ценностей как антидемографическая диверсия и депопуляционная политика и т.д. Когнитивная война охватывает не только ограниченные по времени информационные операции как таковые, но и поступательную социокультурную экспансию (в том числе «мягкую силу»), а также лоббирование определенных решений, влияющих на ту или иную политику государства.

Таким образом, понятия когнитивной войны и информационной войны выступают крайне пересекающимися, но не равнозначными по содержанию концептами. Гибридная же война может включать в себя элементы и информационной, и когнитивной войны (рис. 3).

Рассматривая феномен «*мягкой силы*», М. А. Мирелли утверждает, что «сегодня вопрос о возможности и условиях воздействия одной или нескольких стран на другие государства, культуры или цивилизации явно тяготеет к тому, чтобы предшествовать рассмотрению возможности соблюдения международного права или даже этики невмешательства в дела других стран»³⁷.

«Мягкую силу» можно понимать как разновидность рефлексивного управления объектом, под которым философ В. А. Лефевр понимал «воздействие на субъектов, склоняющее их принять решения, заранее подготовленные управляющей стороной»³⁸.

Близким по смыслу концептом выступает понятие «*социологической пропаганды*», введенное французским философом Ж. Эллулем³⁹.

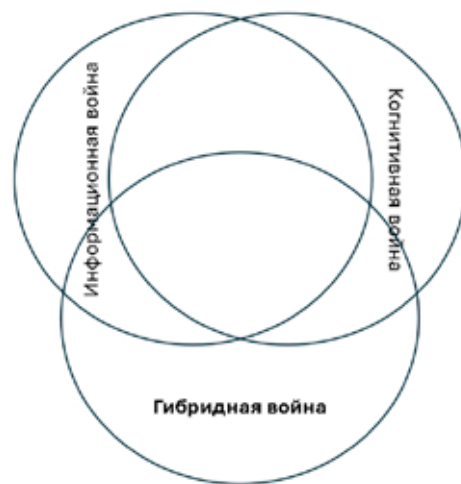

Рис. 3. Соотношение информационной, когнитивной и гибридной войны

Данный концепт предполагает социокультурную экспансию, незаметное проникновение культурных, ценностных установок, моделей поведения, образа жизни через массовую культуру, рекламу, киноиндустрию и т.д. В качестве наглядных примеров «социологической» пропаганды, посягающей на медиабезопасность интернет-пользователей, можно привести популяризацию в русскоязычном сегменте интернет-медиа в последние 10–15 лет аниме-культуры, через которую транслируется широчайший пласт деструктивных идей (как депрессивно-суицидального, так и радикально насильственного характера, а также пропаганда сексуально-гендерных девиаций и т.п.). Другой пример — популяризация в России True Crime Community (поклонников «настоящих» преступлений) как очередной тренд вестернизации медиапотребления, при этом ТСС-сообщества в основной своей массе содержат оправдание и героизацию маньяков и серийных убийц, служат основной воронкой вовлечения в радикальные М.К.У. и иные экстремистско-террористические сообщества.

Переход к Индустрии 4.0, всеобщая технологизация, цифровизация и глокализация

³⁶ Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 93.

³⁷ Мирелли М. А. Философия мягкой силы в международном взаимодействии: между «парасиловым» принуждением и скрытым управлением // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 156.

³⁸ Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 72.

³⁹ Ellul J. Propaganda: The formation of men's attitudes / transl. K. Kellen, J. Lerner. New York : Random House / Vintage, 1973 ; Ellul J. Histoire de la propaganda. Paris : Presses Universitaires de France, 1967.

трансформируют «мягкую силу» из «искусства убеждения» в особую социальную технологию, под которой можно понимать вид социального контакта. Как утверждает А. А. Сазонова, этот вид социального контакта основан на «мягком» воздействии субъекта на ценностный пласт сознания объекта⁴⁰.

Информационные экстерналии «мягкой силы» имеют целью воздействия разрушение самого «цивилизационного кода» государства-мишени. А. В. Макулин и М. А. Мирелли, анализируя феномен «мягкой силы» в XX столетии, отмечают, что объектом воздействия выступала культура, экономика, политика, язык, социально-историческая память и образы самовосприятия, искусство, мода, наука, воспитание и образование будущих поколений, мировоззрение, оборона, безопасность, идеология, религия, «т.е. “генетические” основания деятельности, жизнедеятельности, роста и воспроизводства конкретной культуры-цивилизации»⁴¹.

3. Социальная инженерия как вызов медиабезопасности и когнитивному суверенитету. Юридическая социальная инженерия

Феномен *социальной инженерии* фактически находился за орбитой интересов юристов, за исключением рассмотрения криминалистами социальной инженерии в крайне узком смысле с точки зрения расследования инцидентов неправомерного доступа к информации и т.п., а также работ, посвященных анализу трудов Р. Паунда, рассматривавшего социальную инженерию в рамках теории социальной юриспруденции⁴².

На основе анализа трудов социологов, философов⁴³, филологов⁴⁴, правоведов⁴⁵, криминалистов и специалистов в области информационной безопасности⁴⁶ нами был сделан вывод, что социальную инженерию можно рассматривать в следующих ипостасях.

1) Как применение социогуманитарных технологий для создания новых социальных институтов, изменения существующих институтов

С точки зрения данного широкого подхода социальная инженерия — это «совокупность

⁴⁰ Сазонова А. А. Гуманитарные технологии как теоретический концепт: основные подходы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (77). С. 127.

⁴¹ Макулин А. В., Мирелли М. А. Указ. соч. С. 94.

⁴² Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. 1908. Vol. 8. P. 605–623; Pound R. The Spirit of the Common Law. Boston, 1921; Pound R. Interpretations of Legal History. N. Y., 1923; Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven, 1950; Pound R. New Paths of the Law. Lincoln, 1950; Pound R. Social Control through Law. Hamden, 1968.

⁴³ Резник Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96; Федорова Ж. В. О механизмах социокультурной инженерии в информационном обществе // Kant. 2022. № 2 (43). С. 196; Фадеева В. Н. Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия ТПУ. 2008. № 6. С. 107–110; Моисеева А. П. Генезис социальной инженерии в контексте междисциплинарности // Известия ТПУ. 2012. № 6. С. 64–69.

⁴⁴ Макашова В. В. Дезинформация как элемент технологий управления смыслами // МедиаВектор. 2023. № 9. С. 84–88; Сарна А. Я. Указ. соч. С. 218–235.

⁴⁵ Груздев В. С. Об истоках правовых взглядов Р. Паунда // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8 (150). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-pravovyh-vzglyadov-r-paunda> (дата обращения: 03.09.2024); Pound R. Social Control through Law. Hamden, 1968; Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007; История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1998.

⁴⁶ Кузнецов М., Симдянов И. Социальная инженерия и социальные хакеры. СПб. : БХВ-Петербург, 2007; Старостенко Н. И. Криминалистический аспект техник социальной инженерии при совершении преступлений // Вестник КРУ МВД России. 2020. № 1 (47). С. 80–83; Ревенков П. В., Бердюгин А. А. Социальная инженерия как источник рисков в условиях дистанционного банковского обслуживания // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 9 (354). С. 1747–1760; Тумбинская М. В. Процесс распространения нежелательной информации в социальных сетях // Бизнес-информатика. 2017. № 3 (41). С. 65–76.

подходов, ориентированных на целенаправленное изменение социальной реальности, ее структур и институтов, определяющих человеческое поведение и обеспечивающих контроль»⁴⁷.

Такое понимание социальной инженерии согласуется с концепцией открытости общества К. Поппера, который, сравнивая социальную инженерию с историцизмом⁴⁸, подчеркивает, что «инженер или технолог предпочитает рациональное рассмотрение институтов как средств, обслуживающих определенные цели, и оценивает их исключительно с точки зрения их целесообразности, эффективности, простоты, и т.п.»⁴⁹. Таким образом, в указанной концепции предполагается возможность постоянных, но постепенных социальных изменений и преобразований в условиях неопределенности будущего и на основе рационально-демократического подхода, и социальная инженерия рассматривается как методология управления социальными институтами без революционных изменений и применения насилия как такового.

Таким образом, в целом нейтральное понятие, отражающее механизм социокультурного конструирования, трансформации социальных институтов, однако последствия использования социальной инженерии будут зависеть от акторов и их целеполагания.

Так, применение социальной инженерии может быть направлено и на социальную деструкцию — пропаганду девиантного и делинквентного поведения, пропаганду антисемейных ценностей для разрушения института семьи, попытки создания экстремистско-террористическими сетевыми структурами так называемых антисистем как «фантомных» социальных систем, т.к. разрушение элементов сложившихся социальных систем не влечет замену альтернативой, а образует вакуум.

Создание **«фантомных» социальных образований** можно проиллюстрировать на примере квазисубкультуры «ЧВК «Редан»», «раскрученной» в 2023 г. за счет фан-сообщества аниме «Hunter x Hunter». Распространение так

называемых редановцев — наглядный пример psy-операции, применения технологий социального инжиниринга, когда в течение пары дней в социальных сетях была создана сеть ресурсов «ЧВК Редан» и мессенджерах с многотысячными охватами аудитории — сеть, оказывающая реальное психологическое воздействие на подростков и выводящая их на «забивы». Причем истории переименований сообществ нередко показывают, что ранее ряд сообществ носил неонацистскую тематику («Слава Украине» и т.п. названия). Такие сообщества, ранее со сравнительно малочисленным количеством подписчиков, за несколько дней многократно увеличили свою аудиторию, т.к. стали появляться в результатах поисковых запросов по ключевому слову «Редан». Есть и примеры сообществ, созданных с нуля 19–20 февраля 2023 г. и моментально вовлекших тысячи подростков в свои подписчики. Инфоповод «Редан» является отличным примером создания универсального объекта ненависти у молодых людей различных субкультур, зачастую конфликтующих между собой, а также той части молодежи, которая избегает офлайн-проявлений своих настроений («дед-инсайды»). Так, объединялись в группировки совершенно идеологически недружественные друг к другу группы молодежи: представители кавказской молодежи, «АУЕшники»⁵⁰, националистические группировки, группы скинхедов и оффников — с целью насильственных акций по отношению к представителям «Редана». В свою очередь, множество подростков, причисляющих себя к «дед-инсайдам» или вовсе не состоящие ранее ни в каких субкультурах, выходили на улицы в погоне за «хайпом». Более того, общественный резонанс вокруг «ЧВК Редан» активно использовался представителями теневого сегмента: в крупных телеграм-сообществах «ЧВК Редан» активно рекламировались ресурсы, пропагандирующие и романтизирующие наркоторговлю, употребление наркотиков, сваттинг, продажу нелегального оружия, кардинг и т.д. Таким образом, в общественном сознании было сформировано представление о наличии некой доволь-

⁴⁷ Резник Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96.

⁴⁸ Историцизм в понимании К. Поппера охватывает социально-философские теории, основанные на вере в исторически обусловленное развитие социальных институтов, существование тенденций и законов исторического развития, понимание которых позволяет прогнозировать будущее.

⁴⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги : пер. с англ. М. : Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. Т. 1. С. 54–55.

⁵⁰ АУЕ — экстремистская организация, запрещенная на территории РФ.

но массовой радикальной субкультуры, которой фактически не существовало за несколько дней до резонансных событий февраля 2023 г., что позволяет говорить о фантомном характере данной субкультуры (квазисубкультуры).

1.1) Юридическая социальная инженерия

Применительно к юриспруденции термин социальной инженерии был введен в научный оборот Р. Паундом — основоположником американской школы **социологической юриспруденции**, «лейтмотивом которой стала разработка тезиса о цели права, положенного им в основу концепции социальной инженерии»⁵¹.

По сути, Р. Паунд прагматично рассматривал само право как метод социальной инженерии, как арсенал средств регулирования общественных отношений через баланс интересов, как механизм координации поведения членов социума, как средство социального контроля согласования разнонаправленных интересов⁵².

Как отмечает В. Г. Графский, социологическая юриспруденция оформилась «в самостоятельную дисциплину в связи с потребностью в целенаправленном изучении и использовании права в качестве инструмента регулирования и социального контроля»⁵³.

Идеи, заложенные Р. Паундом и его последователями, представляют живой интерес и сегодня, однако следует учитывать, что в своих работах американский правовед фактически сводит процесс нормотворчества к деятельности судей по созданию прецедентов, основанных на свободе судейского усмотрения («право в действии»). На наш взгляд, на **юридическую социальную инженерию** необходимо «смотреть» шире, в том числе не только с точки зрения англосаксонского прецедентного права. Юрист-стратег (юрист-правотворец), разрабатывающий модели нормирования не только текущих, но и зарождающихся, прогнозируемых общественных отношений, также выступает социальным инженером, конструируя модели должного социального взаимодействия в меняющемся обществе, учитывая риски нарушения интересов различных акторов, давая правовую «обвязку» новым социальным институтам и инструментарий разрешения потенциальных конфликтов.

При этом нельзя сводить право как институт исключительно к нормам, своду правил поведения. Право выступает средством моделирования («инжиниринга») социального поведения людей на определенной ценностной основе; правотворчество и правоприменение в купе с восприятием правовых норм субъектами правоотношений (в том числе с ценностной оценкой, уровнем нигилизма, готовностью следовать предписаниям) образуют правовую парадигму мышления, «юридическую ментальность» общества.

2) Как манипулирование поведением человека в системе «человек — машина» с помощью психологических приемов, изменение его отношения к иным субъектам общественных отношений

С точки зрения данного подхода социальная инженерия рассматривается как методология компьютерно-опосредованного перекодирования сознания, изменения картины мира через дезинформацию, введение в заблуждение, манипулирование, искажение исторической памяти, использование информационных ресурсов лидеров общественного мнения (ЛОМов) для информационных вбросов и кампаний.

В цифровой коммуникации для этих целей могут применяться такие техники медиавоздействия, как импринтинг, прайминг, сторителлинг, фрейминг и дизайннинг и т.п.⁵⁴

2.1) Как совокупность методов психологического воздействия, опосредованного цифровой коммуникацией и направленного на получение неправомерного доступа к данным информационных систем, и (или) совершение мошеннических действий без непосредственного доступа в ИС

Речь идет прежде всего о совершении мошеннических действий, получении конфиденциальной информации путем введения субъекта в заблуждение, в том числе через обман, отвлечение внимания, запугивание, шантаж, угрозы, нагнетание психологического напряжения, обещания вознаграждения, выдачу себя за другое лицо.

По определению Н. И. Старостенко, социальная инженерия — «это система способов воздействия и контроля людей, которая побуж-

⁵¹ Груздев В. С. Указ. соч. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-pravovyh-vzglyadov-r-paunda> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵² Pound R. Social Control through Law.

⁵³ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1998. С. 677.

⁵⁴ Сарна А. Я. Указ. соч. С. 218–235.

дает их совершать определенные действия, применяемая в целях получения персональных данных личности, а также иных конфиденциальных сведений для достижения преступного результата»⁵⁵. К техникам социальной инженерии криминалисты и специалисты в области информационной безопасности относят в том числе фишинг, вишинг, претексинг, «тройанский конь» и др.

С точки зрения данного узкого подхода социальную инженерию можно рассматривать как использование психологической уязвимости человека для несанкционированного доступа к информации.

Таким образом, **социальная инженерия** выступает в целом собирательным термином для обозначения прежде всего социогуманитарных технологий управления смыслами, методов и приемов информационно-психологического воздействия на поведение людей.

Выше была рассмотрена лишь часть примеров использования инструментария социальной инженерии для деструктивного информационно-психологического воздействия на интернет-пользователей, при этом было бы необъективно рассматривать социальную инженерию исключительно как атрибут внешней деструкции. Так, информационная политика государства и нормативные модели регулирования информационного пространства, включая установление ограничений и запретов на распространение информации определенных видов, также выступают элементами социальной инженерии, будучи направленными на защиту

граждан от дезинформации; дискриминирующей и унижающей человеческое достоинство информации; контента, пропагандирующего антисемейные и иные нетрадиционные ценности; пропаганды экстремистской идеологии и т.д. (что в конечном счете необходимо не только для сохранения когнитивного иммунитета граждан, но и для обеспечения демографической политики, безопасности и суверенитета государства в целом). Как отмечает Ж. В. Федорова, «сама по себе данная парадигма (*парадигма социальной инженерии — прим. автора*) не несет негативную этимологию, так как, будучи механизмом социокультурного конструирования, в том числе способствует сохранению культурных кодов любого типа общества»⁵⁶. Таким образом, использование социальной инженерии — неотъемлемый атрибут информационного общества, однако результат такого использования будет зависеть от акторов и их целеполагания.

Кроме того, следует учитывать трансформацию технологических особенностей киберпространства, которые позволяют повышать эффективность манипуляций индивидуальным и общественным сознанием, деструктивного информационно-психологического воздействия и в целом социальной инженерии.

В этой связи следует обратиться к концепции этапов развития Интернета «Web 1.0 — Web 2.0 — Web 3.0 — Web 3», которая до настоящего момента не находила должного правового анализа с точки зрения права и будет рассмотрена во второй части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2022. № 2. С. 352–371.
- Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
- Сарна А. Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 218–235.
- Федорова Ж. В. О механизмах социокультурной инженерии в информационном обществе // Kant. 2022. № 2 (43). С. 195–199.
- Яковлева И. В., Черных С. И. Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 57–64.
- Ellul J. Propaganda: The formation of men's attitudes / transl. K. Kellen, J. Lerner. New York : Random House / Vintage, 1973. 352 p.
- Ellul J. Histoire de la propaganda. Paris : Presses Universitaires de France, 1967. 128 p.

⁵⁵ Старостенко Н. И. Указ. соч. С. 81.

⁵⁶ Федорова Ж. В. Указ. соч. С. 196.

REFERENCES

- Degterev DA. Value sovereignty in the era of global convergent media. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya» [RUDN Journal. International Relations Series]*. 2022;2:352-371. (In Russ.).
- Efremov AA. Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2017;1:201-215. (In Russ.).
- Ellul J. Histoire de la propaganda. Paris: Presses Universitaires de France, 1967.
- Ellul J. Propaganda: The formation of men's attitudes. Transl. K. Kellen, J. Lerner. New York: Random House/Vintage; 1973.
- Fedorova ZhV. On the mechanisms of socio-cultural engineering in the information society. *Kant*. 2022;2(43):195-199. (In Russ.).
- Sarna AY. Technologies of influencing the audience in the modern media space. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2020;13(2):218-235. (In Russ.).
- Yakovleva IV, Chernykh SI. Dialectics of changes in the axiosystem of Russian education in the transition period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2023;497:57-64. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиабезопасности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vdnikishin@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Director, Institute of Information and Media Security, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vdnikishin@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.
Принята к печати 15 октября 2024 г.

Received 20.03.2024.
Revised 14.10.2024.
Accepted 15.10.2024.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008